

„Заложены основы Урало-Кузнецкого Комбината — соединения кузнецкого коксующегося угля с уральской железной рудой. Новую металлургическую базу на востоке можно считать, таким, образом, превращенной из мечты в действительность“.

Из политотчета товарища Сталина XVII Съезду ВКП(б).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Особенно характерно для нашей стройки то, что мы поднимали целину в одном из новых и богатейших районов Союза, каким является Сибирь. Мы строили новый индустриальный центр, комплекс мощных предприятий в совершенно новом, неосвоенном районе — Кузнецке-Сталиноке. Мы вскрывали новые нетронутые богатства — человеческие и природные и ставили их на службу великому делу социализма. На пустынном куске земли, изрезанном горами, оврагами, болотами и речушками, создавались и росли технически совершенные предприятия, рос город и одновременно вырастал и перестраивался человек. Так, вооружаясь новой техникой, побеждая суровую природу, ведя жизнь полную лишений, изо дня в день героически дрались и боролись десятки тысяч пролетариев, претворяя в жизнь важнейшее решение нашей партии и указания т. Сталина о первом пятилетнем плане, о создании Урало-Кузнецкого комбината.

Партия, страна напрягали силы и средства, бросая их на строительство гигантов пятилетки, на Кузнецкстрой. Мы эту помощь, поддержку ощущали на всем протяжении нашей работы. Нам не только помогали — мы были окружены любовью, симпатией миллионов

трудящихся. И здесь — истоки нашей творческой работы, растущих темпов.

Мне часто приходилось в Москве, при встречах с товарищами, рассказывать о делах и людях Кузнецкстроя. Многих это занимало. Почти все проявляли интерес к этим рассказам. Над историей Кузнецкстроя работали и работают — давно. Пока собраны только материалы для будущей истории. Сама история до сих пор не написана. Давно у меня назревала потребность рассказать некоторые эпизоды борьбы за Урало-Кузнецкий комбинат, за Кузнецкий завод. Я решил использовать свой отдых для того, чтобы выполнить эту работу.

Мне хотелось не только зафиксировать ряд фактов, впечатлений, но передать дух, передать аромат стройки. Удалось ли мне это? Боюсь, что нет.

Но все же писать участникам стройки необходимо. Чем больше будет таких воспоминаний, тем легче будет писаться будущая история завода.

Трудно писать о живых, действующих людях, о делах, которые еще продолжаются, писать обо всем этом, когда ты сам являешься одним из действующих лиц. Но наша эпоха — эпоха великих дел и человека-творца — настолько интересна, что мне, неискушенному в литературных делах, представляется нужным и полезным для молодых строителей новой социалистической культуры дать хотя бы некоторые факты из истории крупнейшей стройки первой пятилетки, показать нового растущего строителя.

Напряженная, горячая работа, большая целеустремленность не дали ни мне, ни ряду других активных работников стройки возможности записывать факты, систематизировать события, делать заметки. Пишу я без материалов только по памяти, далеко не обо всем. Поэтому все написанное носит отрывочный характер. Я далек от того, чтобы эти очерки в какой бы то ни

было степени претендовали на историю Кузнецкстроя. Ни в коем случае! Предлагаемые очерки могут служить лишь материалом для будущей истории.

Я не только писал по памяти, но должен был опешить, ограниченный временем. 27 июля 1934 г. я начал стенографическую запись этих очерков и 27 августа я ее закончил вместе с исправлениями. Я спешил, опасаясь оставить свои заметки незаконченными.

Большую помощь мне оказала в этой работе редакция «За индустриализацию». Особенно велика моя благодарность и признательность В. М. Вернеру, Н. С. Розенблиту и Н. М. Мору за серьезную, большую и кропотливую работу по редактированию этой книги.

С. М. Франкфурт,

НАСЛЕДСТВО

В Сибирь приехал я впервые осенью 1919 года, тотчас же вслед за изгнанием Колчака. Гражданская война в Сибири шла по железнодорожной магистрали. Вдоль магистрали все было разрушено, разорено. Свирепствовал тиф.

Запомнилась такая картина. Возле станции Барабинск лежали в самых ужасных позах несколько тысяч убитых, умерших и просто замерзших людей. То были группы сподвижников Колчака, спасавшихся от «большевистских ужасов». Их убили и выбросили в поле свои же белогвардейцы. Бегали озверевшие от человечины собаки. Пробраться между трупами можно было, только отгоняя одичавших псов револьверными выстрелами. То и дело попадались трупы — без сапог, с обрубленными пальцами рук для того, чтобы снять кольца.

Население сибирских деревень сплошь, поголовно лежало в тифу. Были деревни, разграбленные уходившими белыми, деревни, где почти не видно было взрослых мужчин: мужчины были истреблены, либо угнаны карательными экспедициями колчаковцев, либо — таких деревень было большинство — ушли в партизанские отряды.

Почти всю Сибирь вдоль магистрали и в сторону

от нее колчаковцы превратили в разоренный, обовшивший, тифозный, замученный и запоротый край. Надо было, прежде всего, побороть тиф, похоронить огромное число погибших людей. А в условиях сибирской зимы и отсутствия рабочих рук это была нелегкая задача.

Нужны были большое упорство и неописуемо тяжелая работа, чтобы шаг за шагом ликвидировать в Сибири ужасное наследство белых.

...Конец 1919 года. Томск. Вечером в кабинете Федоровича, главного инженера Сибугля, оживленное и многолюдное заседание. Высокий человек с солидным брюшком и окладистой, с проседью бородой докладывал об устройстве великой северной железнодорожной магистрали. Это был проф. Грум-Гржимайло (умер в 1928 г.). Он хотел было удрать от большевиков, но застрял на Урале и не мог уехать по занятой нами железной дороге. Ему пришлось пробираться северной тундрой и тайгой. Во время длительного путешествия у него и возникла мысль об устройстве ж.-д. магистрали. Он предлагал использовать огромные лесные богатства сибирского севера, организовать там сухую перегонку дерева для нужд уральской металлургии, а на базе сухой перегонки создать химическую промышленность. Цифры, подсчеты, ученые выражения так и сыпались из уст профессора.

Разгорались споры уже о деталях проекта, о том, какие отрасли химической промышленности должны быть организованы. К концу заседания докладчика спросили: сколько нужно людей для проведения магистрали и для промышленных предприятий? Могут ли эти люди жить в тундре? Откуда эти люди будут взяты?

Грум-Гржимайло отвечал, что люди — пустяковое дело: нужно и можно будет организовать колонизацию тундры.

Сибирь богата углем. Это — уголь высокого качества, очень теплотворный. Он может служить прекрасным сырьем для получения кокса — хлеба металлургии. Добывать сибирский уголь нетрудно: он залегает сплошными пластами толщиной до 16—18 метров. Нередко угольные пласты выходят на поверхность земли. Запасы — много миллиардов тонн. Потреблять сибирский уголь мог бы Урал. Но уральская металлургия в тот период работала, главным образом, на древесном угле. Сибирь снабжала углем только сибирскую ж.-д. магистраль. Уголь Сибири искал своего нового большого потребителя внутри самой Сибири.

Незадолго до войны было образовано акционерное общество для эксплуатации угольных копей Кузнецкого бассейна — «Копикуз». Во главе этого общества стоял петербургский Трепов, брат небезызвестного Трепова — «патронов не жалеть». Общество «Копикуз» поддерживали многие высокопоставленные лица.

Уже было известно о железной руде в Тельбесском районе. Руду добывали давно, правда, в небольших количествах. Ее перевозили зимой на лошадях за сотни верст — из района Кузнецка в Томск, на небольшой металлургический завод. Разведки, организованные «Копикузом» еще до войны, показали, что запасы тельбесской руды весьма значительны. Петербургские акционеры во главе с Треповым и их правая рука, инженер Федорович, решили построить в Сибири металлургический завод, который мог бы выплавлять до 200 тыс. тонн чугуна в год.

Дешевая тельбесская руда, богатый кузнецкий уголь, обеспеченное потребление металла тут же, в Сибири, сулило миллионные барыши Трепову, банкам, высокопоставленным сановникам-акционерам.

Трепов с Федоровичем уже подсчитывали огромные дивиденды. Постройку металлургического завода

взял на себя Федорович. Он пригласил из Донбасса опытных инженеров-металлургов во главе с Курако. Они приехали в Сибирь и начали готовиться к проектированию будущего завода.

Выбрали площадку для завода в 30 км. от Кузнецка, возле деревни Туштулеп, где теперь находится могила Курако. Начали разрабатывать тельбесское рудное месторождение. Расчеты Трепова и Федоровича были детально продуманы. Рассчитывали на быструю постройку завода, на огромные прибыли. Одного лишь они не рассчитали, что -придет революция.

Оставшись у нас после изгнания Колчака, Федорович, Грум-Гржимайло и другие пытались направлять внимание советских работников в сторону, несбыточных дел и нежизненных проблем. О металлургическом заводе они молчали. Мне, как одному из руководителей советской промышленности Сибири, ни разу не пришлось слышать от старых инженеров о постройке этого завода. Рентабельное дело они прятали для своих хозяев.

Впоследствии было доказано документально: связь между белогвардейцем-эмигрантом Треповым, удравшим за границу, и Федоровичем, застрявшим в Сибири и впоследствии переехавшим в Москву, не прерывалась.

В конце 1920 года я был вызван в Москву. Хорошо помню продолжительную, длившуюся несколько часов, беседу с Владимиром Ильичем.

Полный свежих и интересных впечатлений о Сибири, я рассказывал Ленину о колоссальных богатствах и огромных возможностях Сибири. Владимир» Ильич детально расспрашивал меня о делах, выпытывал все подробности. Мы с ним путешествовали по карте Сибири. Я показывал месторождения угля, полиметаллических руд, медных руд, золота, огромные водные бассейны, будущую энергетическую базу Си-

бири. Рассказывал я о наших проектах как использовать эти богатства.

Я вспомнил и рассказал Владимиру Ильичу о таком эпизоде. Как-то ко мне в Сибирский совет народного хозяйства пришел худощавый человек в очень обтрепанной одежде. Он начал взволнованно рассказывать:

— Пробирался к вам несколько недель! Я—директор Атбасарского медеплавильного завода (мы тогда ничего не знали об этом заводе — *С.Ф.*). Завод был построен еще до войны англичанами, но не закончен. Сейчас он стоит заброшенный, в степи между Средней Азией и Сибирью. Англичане оставили большой запас продовольствия и материалов. Пробраться к нам долго и трудно, мы крепко охраняли завод, поэтому предприятие уцелело, его можно быстро достроить и пустить. Возьмите Атбасарское дело в свои руки,— закончил посетитель.

Я рассказал Владимиру Ильичу и про второй подобный случай. Однажды явился ко мне давно небритый рыжий мужчина, очень плохо говоривший по-русски. Оказалось, что он прибыл с Риддеровского свинцового завода, где жил несколько лет в качестве представителя английского концессионера Уркварта. Англичанин заявил мне, что оставаться дольше в Риддере — бесцельно, что он вместе с другими представителями английской фирмы решил вернуться на родину. Приходилось нам брать в свои руки и это предприятие.

Владимир Ильич во время беседы особо обращал мое внимание на необходимость форсировать разработку угля, закладку новых угольных шахт. Он говорил, что на открытых работах можно применить экскаваторы, давал и другие практические указания. Обнаруженные богатства недр Сибири будут нарастать,— говорил он,— Сибирь должна стать и станет развитым промышленным и аграрным краем.

По предложению Владимира Ильича, на другой же день после -нашей встречи были созваны комиссии и совещания с участием Г. М. Кржижановского, Ф. Ф. Сыромолотова, который руководил тогда горными делами, и других товарищей. Вырабатывались практические мероприятия.

Владимир Ильич наметил большевистский путь новой советской Сибири.

НА КУЗНЕЦКСТРОЙ

30 мая 1930 г. мне сообщили, что ЦК партии постановил назначить меня начальником Кузнецкстроя, и предложил в трехдневный срок выехать к месту работ.

До этого я свыше шести лет работал в текстильной промышленности. С 1929 г. началась у меня тяга на строительство, на периферию. Об этом я говорил председателю ВСНХ В. В. Куйбышеву. И все же новое назначение было неожиданным. О металлургии вообще и о Кузнецкстрое я имел самое поверхностное представление. А на завтра после назначения мне уже нужно выступать как представителю металлургии, как представителю Кузнецк-строя. Днем я ушел из текстильного треста, не сдав дела, и больше туда не возвращался.

Несколько дней до моего отъезда из Москвы прошли в каком-то угаре. Я ходил по учреждениям, требовал людей, материалы, защищал интересы Кузнецкстроя, имея самое туманное представление о его действительных нуждах, об объеме и характере работ.] июня 1930 г. Совнарком принял решение, в котором предложил ряду наркоматов и учреждений полностью удовлетворить все требования Кузнецкстроя: дать ма-

териалы, оборудование и людей — инженеров, экономистов, врачей, педагогов.

Одновременно со мной получил назначение другой хозяйственник, недавний текстильщик — Я. П. Шмидт. Он был назначен начальником Магнитостроя. Мы оба, новые металлурги, ходили в учреждения, отстаивая интересы двух строящихся гигантов.

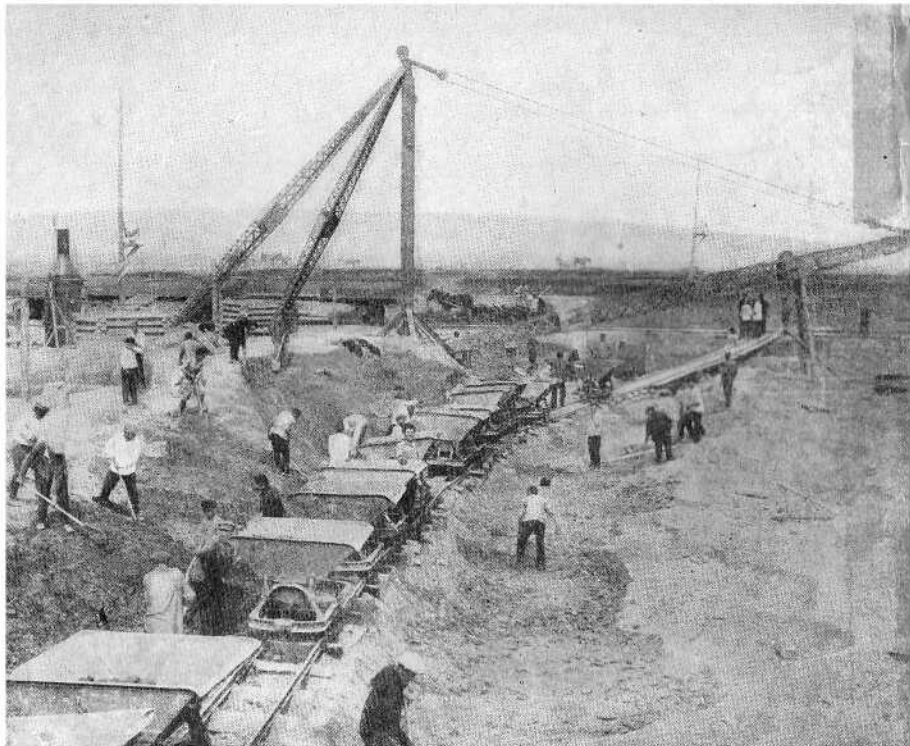
Кузнецкстроем и Магнитостроем руководила тогда Новосталь. Председатель ее И. В. Косиор уехал по делам Кузнецка и Магнитки в Америку. Его замещал С. П. Бирман. Вместе с ним мы намечали проекты постановлений, которые обеспечили бы максимальное развертывание работы на стройках.

Решения ЦК и Совнаркома были настолько категоричны, печать так решительно требовала всемерно форсировать строительство гигантов УКК, что нам был открыт внеочередной доступ к руководителям всех нужных нам наркоматов и учреждений, и почти все наши требования удовлетворялись.

Начали мы с людей. Мне передали, что это — самое слабое место Кузнецкстроя. Нужно было подобрать партийных и инженерно-технических работников. Орграспред Центрального комитета во главе с Н. И. Ежовым несколько дней работал исключительно для Магнитостроя и Кузнецкстроя. Мы со Шмидтом сидели в орграспреде и называли — какой квалификации и на какие должности нужны нам работники, а ЦК указывал людей. Значительная часть новых работников была отобрана в нашем присутствии. Немало засидевшихся в Москве работников пыталось сослаться на «объективную невозможность» выехать, немало учреждений пыталось «отстоять» своих работников. Но сопротивление не помогало, и все принуждены были согласиться, что Магнитострою и Кузнецкстрою — важнейшим стройкам в стране — нужны лучшие и наиболее квалифицированные работники.

НАЧАЛО РАБОТ. ЛЕТО 1930 г.

НАЧАЛО ЗЕМЛЯНЫХ РАБОТ.
ЛЕТО 1930 г.

Только в вагоне я получил некоторое представление о том, что такое Кузнецкстрой.

В поезде, отправлявшемся из Москвы 5 июня, ехало много магнитогорцев во главе со Шмидтом, кузнечан же было только двое: помощник главного инженера Кузнецкстроя Г. Е. Казарновский и я. Шмидт взял с собой в Магнитогорск группу хозяйственников и специалистов, работавших раньше с ним в Стройстали. В Свердловске мы расстались. Магнитогорцы сворачивали на юг, мы ехали дальше на восток.

Казарновского я знал по прежней работе в Сибири, когда он был директором Гурьевского металлургического завода. Чрезвычайно скромный, физически слабый человек, Казарновский — добросовестный и знающий инженер, с большой металлургической практикой, полученной на Урале и в Донбассе.

Казарновский был душой проектирования Кузнецкстроя. Несколько дней, проведенных в поезде, ушли на беседы о Кузнецкстрое: о содержании проекта, о характере и объеме строительных работ. К концу пути я почувствовал как велики и технически сложны задачи, поставленные перед Кузнецкстроем, как много средств и сил потребует это огромное дело.

— Для меня, Бардина и Гипромеза,— говорил мне Казарновский,— некоторые вопросы Кузнецкстроя еще не ясны. Придется не только вести большую строительную работу, но и как можно скорее решить вопрос, каков же должен быть в окончательном виде Кузнецкстрой. Надо побороть страсть москвичей и ленинградцев к бесконечным изменениям проекта, к «вариантомании». В этом таится большая опасность.

Впоследствии мне стало понятно, как глубоко прав был Казарновский. Дело затруднялось еще тем, что вопросы проектирования решались не только в Союзе, но и в Америке, где находились Косиор и Колгушкин, бывший до меня начальником Кузнецкстроя.

В Новосибирске я остановился лишь на несколько часов—поговорить с секретарем крайкома Эйхе. Я ему откровенно сказал, что точно не представляю себе практических вопросов, которые стоят сейчас перед Кузнецкстроем. Мы договорились, что через некоторое время меня вызовут в Новосибирск и тогда установим, какую помощь край может и должен оказать Кузнецкстрою.

Казарновский поехал в Томск, а я — на площадку, в Кузнецк.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

...Ехал я по тем местам, где бывал десять лет назад. Картина переменилась. Кузбасс поднимался, как на дрожжах. Все поезда были переполнены рабочими. Люди ехали в новый Клондайк—Кузнецк. Велись самые фантастические разговоры о хорошей жизни, о больших заработках, уготованных едущим в Кузнецк.

Ехали завербованные, но преобладал «самотек». Ехали сезонники и мастеровые, люди из центральных районов Союза и сибиряки, ехали бедняки и люди, боявшиеся раскулачивания и поэтому заблаговременно покидавшие деревню. Ехали в одиночку и с семьями — с ребятишками, с кучами домашнего скарба. В вагонах говор, писк, крик. Переселение народов!

Поезд шел томительно медленно, подолгу останавливаясь на каждой станции и полустанке. В Кузнецк прибыли ночью. «Вокзал» состоял из двух-трех старых вагонов. Шел дождь. Темно. Крики взрослых, визг ребятишек.

Меня никто не встретил. Решил остаться на станции до рассвета. С большим волнением ждал утра, чтобы увидеть то место, где предстоит построить гигантский завод и город вокруг него. В ожидании по-

езда, отправляющегося на площадку, разговорился с рабочими. Они жаловались на трудные жилищные условия, на плохое питание и, главным образом, на путаницу с зарплатой. Утром рабочие посоветовали мне сесть в товарный поезд с порожняком из-под гравия и так добраться до площадки.

Вместе с рабочими из Сад-города, спешившими к утренней смене, я поехал на площадку. Площадка была покрыта травой. Вдали отдельными светлыми пятнами разбросаны небольшие деревянные строения. Перейдя мост через реку Абушку, поезд остановился. Я слез и стал разглядывать площадку.

По непонятным причинам управление строительством и основной кадр инженеров находились в городе Томске. От площадки до Томска тогда добирались двое суток. На самой площадке жила лишь группа инженеров-производителей работ и с ней некоторые руководящие инженеры стройки.

В 7 часов утра я пришел в контору, находившуюся в полукаменном, полудеревянном сарае. Главный инженер И. П. Бардин, высокий, широкоплечий, с энергичным профилем, стоял за столом, рассматривая какие-то чертежи.

Я назвал себя. Мы сели и начали беседовать.

Бардин в то время был фактически руководителем строительства, так как Колгушкин находился за границей. Несколько дней мы сидели в одной комнате с Бардиным, пока мне из досок сколачивали «кабинет». Стал знакомиться с работой, присматривался к людям. Меня поразили низкий уровень многих руководящих работников стройки, какая-то медлительность и апатичность. Никто из них, кроме Бардина и еще нескольких человек, понятия не имел о грандиозности масштабов Кузнецкстроя.

— С этими людьми,— думал я,— такого дела не подымешь.

С чего начать?

Через несколько дней после моего приезда было созвано собрание партийного актива. Секретарь райкома Кулаков докладывал об итогах краевой партийной конференции. Внимание актива он фиксировал на сельскохозяйственных вопросах. Происходило это после решения ЦК и правительства о необходимости форсировать работы на Кузнецкстрое, о том, что создание Урало-Кузнецкого комбината — важнейшая политическая и хозяйственная задача! По всему видно было, что люди еще не поняли, какие задачи поставлены перед партийной организацией и всем коллективом Кузнецкстроя.

Я попросил слово.

Говорил довольно резко и взволнованно. Задачи партийной организации Кузнецкстроя я сравнивал с фронтовой работой. Говорил, что в первую очередь от коммунистов мы должны требовать боевой ударной работы, чтобы выполнить важнейшее решение партии об УКК.

На лицах некоторых присутствующих, в том числе секретаря райкома, сквозило недоумение: «Чего он волнуется? Дело помаленьку идет, пойдет и дальше. Зачем же так горячится новый начальник?».

...Однажды утром ко мне в кабинет вошел человек в белом кителе, в морской фуражке, бывший военный работник, Геллер. Он рассказал мне, что несколько месяцев работает на Кузнецкстрое, но ему, привыкшему к оперативной работе, не нравится пассивность и расхлябанность, господствующая на площадке.

— Дайте мне возможность, и я покажу, что буду очень полезен в работе, — сказал он.

Впоследствии я узнал, что он — бывший кавалерист и страстный любитель лошадей, хотел бы работать заведующим конным двором. На эту работу он

потом и попал. Но в тот момент я дал ему иное задание. Я предложил ему срочно выехать в Томск и в три дня полностью ликвидировать там управление Кузнецкстроем, жилые и конторские помещения сдать томскому откомхозу, а всех работников и материалы туч же отправить в Кузнецк.

— Слушаю! — сказал Геллер, — будет сделано!

Через несколько дней все томское управление было ликвидировано, а люди выехали на площадку.

...В Москве В. В. Куйбышев говорил мне, что чрезвычайно важно усилить собственную рудную базу Кузнецкого завода. Через несколько дней после моего приезда на площадку Бардин, я и корреспондент «За индустриализацию» Топор выехали в Тельбес. Там мы застали чрезвычайно тяжелую картину. Несколько уютных домиков для начальства, несколько палаток, какая-то карриатура на летнюю эстраду, мало строительства и никаких горных работ.

Руководитель Тельбесского рудного района весьма активно ухаживал за своим огородом и коровами. Были у него и улы, — пожалуй единственное тогда серьезное дело в Тельбесе.

Начальник сильно оживлялся, рассказывая нам о своих успехах в пчеловодстве. Но он не видел, что рабочим приходилось спать на земле, на эстраде, частью — в палатках.

В Темир-Тау было еще хуже. Там работали только два буровых станка. Контора, медпункт и «жилищный фонд» для специалистов умещались в двухкомнатном домике. Днем—контора, ночью—жилье. Был еще полуземляной барак, в котором ютились рабочие. И все.

Мы сняли этик, с позволения сказать, руководителей, назначили на их место новых людей, наметили жесткий план работ.

Изучением железных руд Западной Сибири занимался геолог, проф. Усов. Его вызвали в Кузнецк. За-

сыпая нас геологической терминологией, ссылаясь на мировую науку и практику, проф. Усов настойчиво убеждал Бардина и меня, что в районе Тельбесса и Темир-Тау нет и быть не может запасов руды, больших нежели уже известные 12—15 миллионов тонн. Поиски новой руды были бы, по его мнению, зряшной затратой средств.

Проф. Усов твердо стоял на своем, но мы решили выполнить директиву Москвы: искать руду, усилив и расширив разведочные работы. Уже через год-полтора разведки обнаружили новые месторождения железной руды. Железорудная база Сибири, наперекор всем «авторитетам», увеличилась во много раз.

...С чего начинать на самом Кузнецкстрое? Дела очень много. Строительство шло случайно, без продуманного плана. Прежде всего — составить план.

Мощность электроустановки на площадке не превышала 10 квт. Не было ни одного сколько-нибудь серьезного подсобного предприятия, кроме кирпичного завода. Подсобные цехи будущего завода — шмотный, механический, котельный — временный и постоянный — еще не строились. Деревообделочный завод — тоже.

Основа плана ясна: надо всячески форсировать развитие подсобного хозяйства — временного и постоянного; надо шире развернуть жилищное и бытовое строительство. Но не только это! Надо подготовиться к работам по всем основным цехам будущего завода, по всему его комплексу и циклу.

Начальник планового отдела инж. Шульгин принес мне план строительства — красиво переплетенный том, составленный год назад ИВ Томске. В плане были синьки—графики работ. Все должно было строиться одновременно, независимо от наличия на стройке человеческих и материальных ресурсов, независимо от хода проектирования. План вне времени и пространства.

Инженера Шульгина сопровождал его помощник, приехавший на площадку дня три назад. Угловатый, высокий, сутулый человек, с умным и пытливым взглядом, Брудный, недавно окончивший научный институт экономики (Ранион), был мобилизован ЦК для работы на Кузнецкстрое.

После длительного обсуждения было решено поручить заняться планом не формалисту Шульгину, а Брудному. Надо было срочно создать крепкую строительную базу. Мы не могли рассчитывать, что будем все получать из далеких промышленных районов.

Начали прибывать работники, мобилизованные ЦК. Приехал к нам на постоянную работу присланный ЦК бывший заместитель председателя Госплана РСФСР Гольденберг. Ему вместе с Брудным и поручили составить общий план и разработать совершенно точные плановые задания по отдельным участкам.

Мы решили строить комплексно весь завод, все цехи, весь его передел. Для этого прежде всего наметили строительство подсобного хозяйства, обеспечивающего развертывание строительства и монтажа.

ОБСТАНОВКА НА ПЛОЩАДКЕ

Итак, надо было строить основные цехи завода. Тут мы находились в очень тяжелом положении. Первый проект Кузнецкстроя, составленный американской фирмой Фрейн, претерпел много изменений. Исправленный и утвержденный Гипромезом, этот проект был у нас на руках. Однако Косиор и Колгушкин обсуждали с американцами возможность дальнейших изменений, касающихся не только отдельных агрегатов и цехов, но и расположения всего завода.

Но ведь нам дана твердая директива — основные цехи пустить в конце 1931 года! Как быть? Ведь для этого необходимо полностью использовать строительный сезон 1931 г.

Заложили фундамент первой домны, мобилизовав все силы, чтобы иметь возможность рапортовать об этом XVI партийному съезду. Начали строить шамотно-динасовый цех. Готовились к строительству мартеновского цеха. Но тут посыпались телеграммы из Америки:

«Перенести шамотно-динасовый цех на другой конец площадки!» А цех начали строить.

«Запрещаем закладывать мартеновский цех!»—это в июле!

«Форсируйте жилищно-бытовое строительство! Подождите с началом основного промышленного строительства!»

Возникла явная угроза. Мы могли потерять не только строительный сезон, но целый год. Пока шла телеграфная дискуссия, мы продолжали строить, не смотря на то, что Новосталь по телеграфу грозно предложила «прекратить партизанские действия».

В Америке обсуждали вопрос о проекте, а мы, уверенные, что иначе нельзя поступить, строили завод. Первоначальный проект, имевшийся у нас, как мы и ожидали, не был изменен. Впоследствии Косиор писал:

«Большую смелость взяло на себя руководство в лице гг. Франкфурта, Бардина, когда они решили без проекта, без иностранной помощи (еще не прибывшей в Союз) закладывать и строить домны, мартены, предпреляя план стройки всего завода».

И в другом месте: «Победителей не судят».

Мы выиграли целый сезон, выиграли целый год.

Материальные ресурсы на стройке увеличивались. Росло и количество рабочих. — с 3 тысяч в начале 1930 г. оно дошло до 15 тысяч в июле. Возник очень

серьезный вопрос: как правильно организовать такое большое строительство?

После приезда управления из Томска, на площадке образовались две «фракции» инженеров: металлургов и строителей. Каждая из них считала себя «солью земли», каждая полагала, что именно она должна быть «самой главной: силой». Основные кадры строителей комплектовались из людей, которые никогда не строили металлургических заводов. Они были просто строителями. Металлурги же знали металлургическое дело, но мало строили.

Я старался особенно укрепить важное звено строителей, возложив на них основную оперативную работу. Металлургов мы обязали наблюдать за проектированием и за размещением заказов на оборудование.

Среди металлургов началось брожение. На совещании, созванном мною летом 1930 г., все металлурги, правда, в деликатной форме, но единодушно указывали мне, недавнему текстильщику, что строить металлургический завод — не то, что строить текстильную фабрику, и что люди, которым сейчас поручена вся оперативная работа, не могут с ней справиться. Руководил «оппозицией» инж. Каптевский, до моего приезда пользовавшийся почти всей полнотой распорядительной власти. Почти вся его работа; однако, заключалась в бесконечных спорах со строителями. Оттяжки и задержки были его главным делом.

На другой день после совещания я вызвал Каптевского и сказал ему, что будет лучше, если он уйдет с Кузнецкстроя.

После ухода Каптевского молодые инженеры-металлурги успокоились, они увидели, что работы у них много, и при том работы серьезной. Только несколько человек продолжало ворчать и брюзжать, но это были наименее ценные работники.

Еще до моего приезда в январе 1930 г., правитель-

ственная комиссия во главе с И. В. Косиором обследовала Кузнецкстрой, находившийся тогда в крайне тяжелом положении. Один из участников обследования — инж. Г. К. Дмитриев — впоследствии, весной 1930 г., приехал к нам на работу..

Старые Кузнецкстроевцы помнили Дмитриева еще в роли обследователя и критика старых работников. Отношение с ним сразу стали натянутыми. Дмитриев был очень опытный и знающий человек с двадцатилетней строительной практикой. Приехал на Кузнецкстрой он не один: с ним прибыла группа инженеров, «его людей», как их называли. Против этой-то группы и было направлено недовольство многих инженеров «стариков»-кузнечан.

Строительные работы вел тогда трест «Стройсталь». Мы вскоре отказались от подрядного способа работ и с согласия Москвы перешли: на хозяйственный способ.

Вскоре состав работников Кузнецкстроя был сильно освежен, начали прибывать мобилизованные инженеры из Москвы, Ленинграда, с Турксиба и из других районов. Дмитриев был назначен главным строителем.

Мы решили разбить всю площадку на самостоятельные участки — цехи. Каждый участок имел законченное, целевое задание: строительство коксового цеха, доменного, мартеновского, строительство города, жилищно-бытовое строительство. На каждый участок мы назначили и строителей и технологов (металлургов, коксовиков и др.), чтобы в каждом цехе, в каждой строительной единице создать замкнутый комплекс работ и единую ответственную организацию.

Дмитриев выказал с самого начала большие технические знания и организаторские способности. Но ему часто хотелось, чтобы все было «как в старину»: он хотел иметь «настоящих» калужских каменщиков, костромских и ярославских плотников, исконных арматурщиков и бетонщиков, хотел иметь достаточные

запасы всех материалов. На этой почве у нас с ним шли бесконечные дискуссии.

— Поймите же, Григорий Клементьевич, — говорил я ему, — нам нужны десятки тысяч людей. В Сибири мы не можем получить столько опытных людей нужной квалификации. Нужно работать с теми людьми, какие есть. Наша задача — обучить сибиряков. При огромной потребности в рабочей силе мы на сибиряков главным образом и должны рассчитывать.

Но Дмитриев, привыкший работать с опытными рабочими, никак не мог с этим примириться. И каждый раз, обходя со мной работы, он, показывая на малоопытную молодежь, иронически говорил:

— Вот, смотрите — «старинные плотники», которые топора не умеют держать! А вот «старинные каменщики», которые кладут стены криво и косо...

Не только Дмитриев, но и работавшие на Кузнецкстрое американцы, да и немало наших инженеров старой школы, долго не могли привыкнуть к тому, что готовых, обученных кадров нам не получить, а что надо их самим воспитывать.

С низшим техническим персоналом было не легче. Нужного числа десятников — старых, «настоящих» («правительственных», как говорил Дмитриев) — конечно, не было. Десятниками приходилось назначать старых квалифицированных рабочих. Ставили на эту работу и техническую молодежь. Они допускали на первых порах немало ошибок. Многие инженеры говорили, что € этим народом не вытянуть работы. Так говорили и консультанты-американцы, представители иностранных фирм, поставлявших оборудование:

— С этими монтажниками вы дела не подымете.

Изо дня в день, из декады в декаду объем выполняемых работ становился все больше. Кузнецкстрой превращался из хилого, маломощного строительства в полнокровную стройку. Уже к концу третьего квартала

1930 г. шло строительство всех основных и подсобных цехов, кроме прокатного.

Людей охватила строительная лихорадка — замечательное состояние бодрости, подъема и воодушевления. Рабочие перешли на сверхурочные работы, работали без выходных дней. Административный и технический персонал работал, не зная ни дня, ни ночи, забывая о всяких бытовых неурядицах.

Инженеры, руководители цехов, ютились до нескольких человек в одной комнате. Вначале не было даже сколько-нибудь приличной столовой для специалистов. Все жили как на бивуаке. Питались всухомятку. Но интерес к работам, нарастание этого интереса были прямо поразительны и особенно ярко отражались на инженерах.

Многие из них прибывали на Кузнецкстрой по мобилизации. В Моокве, в Ленинграде, в Харькове они расценивали свой «добровольно принудительный» выезд в Сибирь, на Кузнецкстрой, почти как ссылку. Многие вначале были пугливы, вялы, всячески старались увильнуть от работы. Люди иной раз не скрывали, что хотят отбыть определенный срок и уехать. Но в жизни получилось иное. Не проходило недели, как у людей появлялся жадный интерес к работе, появлялся блеск в глазах, живость в движениях. У них пробуждалась любовь к огромной и изумительной работе, и они начинали работать не за страх, а за совесть, вкладывая в дело всю свою творческую энергию.

Серьезно помог стройке приезд большого и крепкого ядра опытных квалифицированных партийных работников. Это были товарищи, имевшие за спиной уже годы хозяйственной, научной, партийной или профессиональной работы в крупных промышленных и пролетарских -центрах. Получив назначения на различные ответственные участки, они сумели вдохнуть в работу тот «дух живой», ту боевую партийность, ко-

торая так требовалась Кузнецкстрою. Они сумели не словами, а деловым примером убедить рабочих и инженеров взяться за овладение новыми методами и темпами работ.

Приезжавшие к нам по мобилизации ЦК работники обычно первый визит наносили мне. Управление строительством помещалось тогда, в 1960 году, во временном здании.

Однажды днем вошел полный, грузный, тщательно выбритый человек средних лет, одетый в элегантный серый костюм, шелковую рубашку, модный галстук. В руке он держал серую шляпу.

— Что вам? — спросил я его.

— Моя фамилия — Федорцев. Я прислан то мобилизации ЦК.

Мы поговорили. Оказалось он недавно вернулся из-за границы. К нам его направили руководить железнодорожным транспортом и дорожным строительством. Федорцев неожиданно перевел тему разговора: а не согласен ли я его... отпустить. Я сначала удивился, но тут же резко отказал.

К работе он приступил лишь через несколько дней. «Работал» он так, чтобы все подумали: «какой негодный работник Федорцев! Не лучше ли отпустить его в Москву?»

Жили тогда все кузнечане, в том числе и руководящие работники, плохо. Удобств никаких, да, впрочем, все были так заняты и увлечены интересной работой, что никто не обращал на это внимания. Не таков Федорцев. Все силы и внимание он устремил на свое «устройство». Конечно, он хотел скорее уехать обратно в Москву, но пока не отпускают — надо и на стройке пожить удобно, хорошо! Противно вспомнить, как он унижался, как подхалимничал, чтобы лучше устроиться, а затем удрать *т* Москву.

Скоро обнаружилось, что без Федорцева московским

учреждениям существовать просто невысказано: из столицы нас стали засыпать запросами и просьбами отпустить Федорцева, Затем он стал «болеть» и, как выяснилось, его мог бы «излечить» только столичный климат.

Работал он плохо, спустя рукава. Его ругали, он и не обижался: плохого работника не станут задерживать. Все средства хороши для возвращения в Москву! Вскоре узнали, что с государственными деньгами у него не все в порядке. Мы его сняли с работы, он поехал в Москву и назад уже не вернулся.

Подавляющее большинство мобилизованных для нас работников-партийцев работало на Кузнецкстрое хорошо. Они и не думали уезжать от захватывающе интересной и боевой работы. Но встречались среди них и белые вороны—несколько человек, каким-то образом сохранивших партбилеты, но давно потерявших партийность. Трудная работа, малоудобная жизнь вскоре отсеяли этих людей из нашего коллектива.

Все мы с любовью и лаской смотрели на растущие фундаменты железобетонных сооружений, на вскрываемые огромные котлованы. Намечались контуры того колоссального хозяйства, того комплекса предприятий, который должен был вырасти на этом большом пустыре, именуемом строительной площадкой. В это лето весь коллектив Кузнецкстроя поистине поднимал целину.

Помню одного солидного инженера, переведенного к нам с насиженного гнезда в Ленинграде. Он оставил там свою семью, привычный уклад жизни, книги, театры, знакомых. Первое время ленинградец ходил угрюмый, насупившийся, посеревший. Но и он, как все, постепенно, — а потом, все быстрее и горячее — стал увлекаться и интересоваться работой. Через два месяца он сказал мне:

— Знаете, я вначале считал командировку к вам несчастием. А сейчас вижу, что это — самая интерес-

ная, самая большая работа, которую мне когда-либо приходилось делать. Мне кажется, то, что я раньше считал для себя несчастьем — оставить насиженное гнездо,— сегодня для меня даже лучше, даже как будто облегчение. Я свободен от всего постороннего, я могу работать сколько угодно, сколько нужно.

Это было не только его мнение: так думали почти все руководящие инженерно-технические работники.

Рабочий состав также начал резко изменяться. Вначале преобладали старые сезонники, объездившие со своим топором и пилой почти всю Россию, некогда строившие в Сибири церкви и тюрьмы. Потом стали прибывать новые люди—сибиряки, большей частью молодежь. Многие из них, отправляясь на Кузнецкстрой, впервые садились в поезд. В первые дни они ходили по стройке ошарашенные, пугаясь треска и шума механизмов, робко озираясь по сторонам и убегая от автомобилей. Но это продолжалось недолго. Тысячи славгородцев, барнаульцев, барабинцев — люди крепкие, кряжистые, смекалистые—скоро свыклись с работой. Землекоп-чернорабочий через два месяца становился каменщиком, плотником, арматурщиком, бетонщиком.

Это была сырая сила — сила, которая формировалась на наших глазах, сила, которая должна была стать и стала основой Кузнецкстроя на строительстве, а затем и в эксплуатации завода.

Сезонников становилось все меньше, коренных сибиряков — все больше. Старые рабочие сезонники и старые инженеры с иронической улыбкой смотрели на этих новых пришельцев:

— Ну, что с ними делать? Только материалы изводят!

Но новые люди с увлечением взялись и за работу и за учебу, отдавая и тому и другому делу свои нетронутые силы и природные способности.

Как они учились! Как старались они скорее закончить учебу и выйти на строительные участки! Сибиряки знали меньше, квалификация их была ниже, чем у старых рабочих, но зато они были хорошо приспособлены к условиям Кузнецкстроя, которые требовали большой выносливости.

Обучали сибиряков не только на площадке, но и во всех основных сельских районах края. В деревни, села, колхозы мы посылали инструкторов, там они комплектовали бригады и там же, на месте, давали им первоначальные знания. Неоценимую помощь оказала Кузнецкстрою вся сибирская партийная организация, вся советская общественность края. Не было горкома, окружкома, райкома, который не занимался бы комплектованием рабочих кадров для Кузнецкстроя и не вкладывал бы свою долю в создание первенца социалистической индустриализации Сибири.

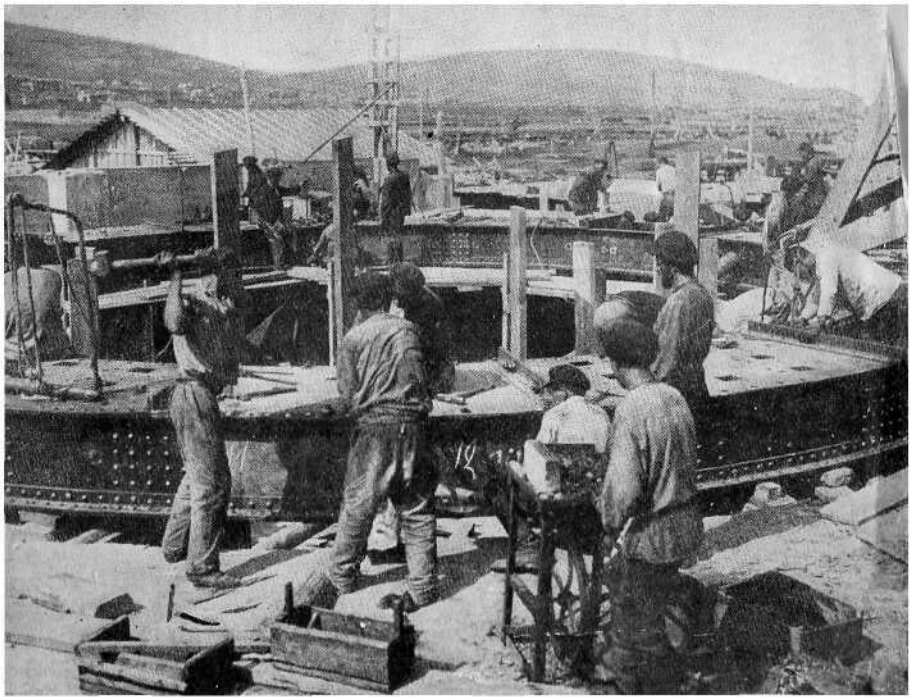
Рвались к знаниям не только сибиряки. Всякий, кто любил дело, кто хотел сегодня знать и уметь больше, чем вчера, а завтра—больше чем сегодня, имел полную возможность учиться. Сколько тысяч знающих, энергичных и толковых работников выросла Кузнецкстрой. Вот один из многих воспитанников Кузнецкстроя — Прокушенко.

Осенью 1930 года на строительстве подсобных цехов быстротой и качеством работы особенно отличалась бригада Прокушенко. У бригады материал и инструмент всегда были под рукой. Во время работы в бригаде мало курили, мало разговаривали, и дело спорилось.

Скоро мы назначили Прокушенко десятником. Он обрадовался выдвижению. На его участке чувствовался порядок, рабочие хорошо зарабатывали. К нему

БЕТОННЫЙ ЗАВОД.

СВОРКА И КЛЕПКА ОПОРНОГО
КОЛЬЦА ДОМЕННОЙ ПЕЧИ № 1.
ЛЕТО 1930 г.

тянулось все больше рабочих с других участков. Прокушенко удалось вести работу по плану.

Было ему уже лет под сорок. Этого владимирца, коренастого, с русой бородкой, хорошо знали на участке. Он руководил не только приказом, но и показом: сделай то-то да вот так-то!

Когда надо было подогнать работы на ЦЭС, Прокушенко перевели туда. Постепенно он стал втягиваться в общественную жизнь. Нагрузок у Прокушенко было много, особенно после того, как его приняли в партию. Но он успевал учиться на курсах.

Во время строительства второй очереди ЦЭС десятника Прокушенко назначили производителем работ. Многие сомневались, оправится ли он с таким серьезным делом. Через месяц-другой его участок на ЦЭС был уже одним из лучших. Прокушенко стал и внешне солиднее. Сбрил бороду. В праздничные дни его можно было видеть в галстuke. Приобретал вид «настоящего прораба», но уже целиком советского! К работе на участке он подходил, как к собственному делу: чрезвычайно скуп и экономно расходовал материалы, тщательно берег их—настоящий советский хозяин своего участка.

Вчерашний рабочий — сегодняшний прораб, вчерашний сезонник — сегодня кадровый партийный руководитель участка, — вот что сделали из Прокушенко несколько лет работы на Кузнецкстрое.

Он и теперь на Кузнецкстрое продолжает работать и учиться. Скоро плотник Прокушенко будет инженером строительных работ.

На Кузнецкстрое были и другие люди — приехавшие, как выражались рабочие, «за длинным рублем» Это *были*: большей частью крестьяне. С лошадьми, со всей семьей, с женами и детьми они ехали подзара-

ботать и поднакопить деньжонок. Жадные до денег, они были жадны до работы.

Габари-коновозчики работали целой семьей: муж рыл землю и нагружал ее, ребятишки вели телегу к месту выгрузки, жена разгружала. С рассвета до темноты тянулись бесконечные ленты габарок. Каждое семейство имело «свой забой». Трудно было уговорить их, чтобы хоть артелью работали. Нет! Эти люди хотели работать только для себя; как бы сосед не обобрал, как бы не прогадать целковый-другой.

Армия габарей-коновозчиков работала на участке мартеновского цеха. Там нужно было снять целую гору — пласт земли толщиной до 18 метров. Прораб мартеновского цеха рассказал мне про такой случай. Один габарь, проработав весь день, остался работать и на ночь. Он говорил:

— Охота на холодке поработать. И самому и лошадке полегче.

На самом деле оказалось иное. Днем, когда он копошился в своем забое, лопата стукнулась обо что-то твердое. Слухи о волоте в Сибири всегда живучи, и габарь понадеялся, что вот он на глубине — а забой его был довольно глубокий — напал на «жилу». Каково же было его разочарование, когда на утро жила оказалась... скелетом мамонта.

Кости собрали и снесли в контору прораба. Они долго там валялись. Рабочие, заходя к прорабу, разглядывали то зуб, то позвонок мамонта, восклицая:

— Здоровые были звери когда-то!

Куда девались Мамонтовы кости — не знаю. Второй скелет мамонта, найденный на стройке коксового цеха, находится в местном музее.

Категория рабочих, приехавших за «длинным рублем», была многочисленная. Но уже с самого начала стало ясно, что это — народ непостоянный. Они опешили побольше заработать и скорей уехать.

Был у нас тогда и народ, пришедший неизвестно откуда, много бежавших от раскулачивания, много бежавших из ссылки. Тут были случайные, залетные, жадные До наживы люди, а подчас и преступный элемент.

Жилищные условия были тяжелые. Приняв в течение двух-трех месяцев 20—30 тысяч рабочих, мы не могли удовлетворить их хотя бы самым плохим жильем. Народ стал рыть землянки. И землянки росли, как грибы. Придет человек с женой, с детишками, с котомками, семья сядет где-нибудь у горки на своем скарбе, а «старшой» копает жилище. На утро, глядишь, готов новый «землескреб», и глава семьи уже отправляется на работу.

В рабочем поезде от Прокопьевска к нам я невольно подслушал беседы охотников за «длинным рублем». Они подробно рассказывали, какой обед дают в Сталинграде, какие промтовары в распределителях Днепростроя, какую «спецуру» в Челябинске, каковы заработки на Магнитке. Эти люди успевали: за один сезон обойти и объехать почти все крупные стройки Союза — благо повсюду сидели вербовщики, платили за проезд, не спрашивали — «ни роду, ни племени» — только становись на работу.

Среди разноплеменных, многоязычных и разношерстных людей встречались и такие, которые с самого начала были ошарашены грандиозностью работ, ничего в виденном не понимали, но затем привыкали и становились ярыми патриотами стройки. Вспоминаю одного такого растерянного человека.

Как-то поздно ночью я возвращался через площадку домой. Решил пойти сокращенным путем. По дороге я встретил глубокий котлован и спустился вниз, чтобы пересечь его. Темно, не видать ни зги. Котлован был так глубокий и обрывистый, что мне не уда-

валось подняться вверх, и я стал бродить по дну в поисках выхода. И вот я встретил там старика крестьянина с котомкой за плечами. Он тоже искал выхода. Сначала испугался, потом обрадовался встрече с живым человеком:

— Скажите, гражданин, — обратился он ко мне, как бы отсюда выбраться? Мне — в Сад-город.

- Я ему рассказал.

— И зачем только,—продолжал он как бы про себя,—вздымают так землю. Сколько земли перепорчено!..

ВСТРЕЧНЫЙ ПЛАН. ЗИМА

Осенью приехали в Союз американцы, консультировавшие наш проект. Контуры Кузнецкого завода вырисовывались все яснее. Объем и характер строительных работ уточнились. После нескольких лет опоров и дискуссий, после многих переделок и исправлений проекта, после разоблачения вредительских попыток занизить мощность завода, решено было установить годовую производительность Кузнецкого завода в 830 тыс. тонн чугуна с соответствующим выпуском стали и проката.

В октябре мы приступили к составлению плана на следующий 1931 год. Над планом работали Гольденберг и Брудный) Пришлось их совершенно изолировать от окружающих, чтобы им не мешали поскорее закончить работу. Москва срочно требовала плана, мы могли опоздать. Однажды, когда я зашел к ним, Гольденберг, увлекаясь, начал мне говорить:

— Не понимаю! Решительно не понимаю! Почему мы решили строить маленькие доменные печи? Конечно, о первой и второй печи уже поздно говорить—

они монтируются. Но почему нам третью и четвертую домны не сделать такими же крупными, как на Магнитной? Тогда мы увеличили бы мощность завода почти на 400 тыс. тоня металла в год. В мартеновском цехе пришлось бы поставить вместо двенадцати печей пятнадцать, а прокатный цех со своим блюмингом мог бы справиться и с этой нагрузкой.

Мысль была интересная. В этот же день вечером мы созвали официальное совещание с участием Бардина, Казарновского, наших плановиков и других работников. Стали детально обсуждать возникшее предложение. Все предварительные подсчеты показывали, что без особенно большого увеличения капиталовложений можно увеличить мощность завода почти на одну треть.

Стали подсчитывать, какова будет потребность в коксе, смогут ли ее удовлетворить строящиеся коксовые печи. Надо было выяснить и другие вопросы.

Сделали более детальные подсчеты и оказалось, что сколько-нибудь серьезных возражений против нового предложения нет.

Заботиться о полной точности некогда было. Мы спешили в Москву, Москва торопила.

Поехали со мной Брудный и инженер, человек грамотный в металлургии и умеющий быстро производить технические подсчеты. Весь путь от Кузнецка до Москвы каждый из нас в вагоне работал над различными вариантами новой мощности завода, затем мы все втроем проверяли его подсчеты. Подъезжая к Москве, мы уже имели несколько вариантов расширения мощности Кузнецкого завода.

Так возник встречный план Кузнецкстроя.

В Москву приехали в приподнятом настроении. Мы не только везли встречный план, но и знали, что на стройке достигнут резкий перелом, что началось развернутое строительство всех цехов комбината.

Беседа с зам. пред. ВСНХ и начальником Новостали И. В. Косиором началась со встречного плана. Наше предложение — увеличить мощность комбината — подкупало своей простотой и выгодностью. Но так же, как и мы, он боялся, нет ли ошибки в подсчетах.

Как полагается, создали комиссию из инженеров и экономистов. Комиссия подтвердила правильность наших расчетов. Через несколько дней предложение увеличить мощность Кузнецкого завода на одну треть было принято и утверждено.

Необходимо напомнить, что в то время многие инженеры выражали опасение — смогут ли мощные доменные печи типа магнитогорской давать производительность, значащуюся в проектах. Впоследствии работа домен на Магнитной и в Кузнецке рассеяла эти опасения. Больше того, оказались превзойденными самые оптимистические предположения: печи дают производительность большую, чем запроектировали.

Мы представили план на 1931 г. 180 млн. руб. капиталовложений. Исходили мы из того, что в 1930 г. затраты достигнут 50 млн. В Москве наш план утвердили. Центральные партийные и правительственные организации предложили хозяйственным учреждениям предоставить Кузнецкстрою все необходимые ему материалы, разместить его заказы на оборудование на советских заводах и за границей, отпустить деньги. К октябрьским праздникам мы возвращались на площадку, имея точные указания о нашей дальнейшей работе, чувствуя крепкую поддержку всей страны — правительственных организаций, хозяйственных учреждений, заводов, печати.

Неоценимую помощь оказала нам в этот период и во все последующее время печать. Важнейшие центральные газеты послали на Кузнецкстрой специальных корреспондентов. Не было дня, чтобы центральные газеты не печатали телеграмм и писем о работе

Кузнецкстрой. Газеты в самой категорической форме требовали от всех организаций практической помощи стройкам гигантов. Образцы оперативности показывала «За индустриализацию», весь ее коллектив и в особенности Хавин. Помощь «ЗИ» новостройкам заслуживает специального описания.

Не только центральная печать, но и газеты предприятий, выполнявших наши заказы, следили за тем, как производится оборудование для стройки — хорошего ли качества будет оборудование, не запоздает ли оно. Повсюду, в любом уголке страны, куда бы мы ни посылали наших людей — за оборудованием ли, материалами, вербовкой квалифицированных рабочих — всюду Кузнецкстрой встречал серьезную поддержку • партийных, профессиональных, хозяйственных руководителей, рабочих, инженеров, колхозников.

Вся страна строила гигантские заводы. Вся страна с воодушевлением боролась за социалистическую индустриализацию.

Октябрьские праздники мы встретили первыми достижениями. Были готовы (здания) постоянный котельный цех, шамотно-динасовый цех, заканчивалось сооружение постоянных механических мастерских, был начат монтаж железных конструкций первой и второй доменных печей.

Первая зимовка... Сумеем ли мы непрерывно строить в условиях долгой и суровой сибирской зимы? Многие в это не верили. Многие предупреждали нас, что в Сибири такого еще не бывало, да и «быть не может». Нельзя в такую холодину вести развернутым фронтом большие и сложные строительные работы.

Нам предстояло выдержать серьезный экзамен,

К зиме мы как будто готовились, но уже первые морозы застали нас врасплох. Мы часто не знали, как работать во время морозов. Не знали, как утеплять места работы, и приглашенным на Кузнецкстрой американ-

цам не приходилось работать в таких тяжелых климатических условиях. А вдобавок ко всему тут возникли непредвиденные трудности.

На участке коксового цеха мы построили к зиме большой тепляк для бетонных работ и огнеупорной кладки. Предстояло бетонировать плиты под коксовые печи. Неожиданно для всех обнаружилось, что грунт — сплошное болото. Впоследствии выяснилось, что здесь — старое русло реки.

Французы, работавшие на участке коксового цеха, советовали пригласить из-за границы представителей фирмы, специально занимающейся такими делами, заказать особое оборудование — возможно, что спустя несколько месяцев и удастся укрепить грунт...

Мы решили сами взяться за дело. Когда стали забивать в землю деревянные сваи, из земли хлынули фонтаны воды. Тогда Дмитриев предложил сначала забивать деревянные сваи, потом вырывать их, а оставшиеся в земле дыры заливать бетоном. Технически все было правильно, но сваи невозможно было вырвать из земли! Только после того, как придумали сложную комбинацию — подъемные блоки и домкраты — дело наладилось.

Днем и ночью шла эта работа. Вместо вырванных деревянных свай стали забивать железобетонные сваи. Тысяча сто свай! К явному смущению французов мы через месяц в состоянии были начать бетонные работы и затем огнеупорную кладку.

Котлованы под многие фундаменты летом вырыты не были, не успели. Приходилось рыть зимой. Но как? В Сибири за зиму грунт промерзает на 2,5 метра. При больших морозах грунт за день промерзает на 20 сантиметров. Стали брать землю из-под клина: двое били по клину молотами, и земля отваливалась кусочек за кусочком. На некоторых участках ввели подрывные работы. Где можно было, старались работать непрерыв-

но, не давая земле замерзать. Мороз схватывал землю, а строители отвоевывали ее—кубометр за кубометром.

Не легче было с бетоном. Строили тепляки, обогревали их жаровнями, печами, паровым отоплением, и все же оставалось опасение — как бы впоследствии не оказались дефектными фундаменты под ответственнейшими, серьезнейшими сооружениями. А ведь фундаменты должны нести огромные нагрузки—не только статические, но и динамические.

Гравий мы получали с реки Томи. Он смерзался в, каменные комья.

Водопроводы-временки замерзали, трубы лопались.

Крепкий сибирский мороз подстерегал нас на каждом шагу.

Вначале многих сковала растерянность. Но на тех участках, где инженеры и прорабы оказались достаточно внимательными и предусмотрительными, прорывов не было, и работа с самого начала шла почти нормально. В январе и феврале растерянность постепенно исчезла. Люди освоились с малопривычной обстановкой. Несмотря на жестокие морозы — 50—55 градусов — продолжались большие земляные и бетонные работы, при этом по всему фронту.

И вот тут оказались незаменимыми сибиряки!

Монтаж доменных печей велся на высоте 40 метров. В самые жестокие морозы, когда внизу захватывало дыхание, монтажники, клепальщики, чеканщики стояли наверху — поругивали холод, дыханием согревали руки, подпрыгивая, согревали ноги — и работали.

Боевой коллектив отвоевывал у сибирской зимы кубометры земли и бетона, тонны железных конструкций и огнеупора.

Зима 1930—31 г. была побеждена Кузнецкстроем. Люди каждый день проявляли чудеса. Героизм стал повседневным, обыденным явлением. Ему никто не удивлялся. Его считали нормальным, естественным делом.

И описание этого процесса превращения героизма в повседневное как будто никому еще не удавалось.

Приближалась весна. Новые заботы! Работы по сооружению подземного хозяйства, водопровода, канализации, электрохозяйства, теплофикации были в полном разгаре. Площадку изрыли вдоль и поперек. Везде — глубокие котлованы. Начал таять снег, начала оттаивать земля. Надо обезопасить стройку от угрозы затопления. Надо было готовиться к значительному расширению строительных работ в летнее время — принять на площадку тысячи новых рабочих, обеспечить себя материалами, оборудованием.

Железная дорога к площадке пролегла по единственному однопутному деревянному мосту через реку Абушку. Обычно летом Абушка высыхает настолько, что люди и лошади переходят ее вброд. Но весной речушка показывает, какой грозной и стремительной она может стать, какие опасности и разрушения она несет.

Вечером в апреле мне сообщили о том, что лед угрожает целостности моста на Абушке. К ночи Бардин, несколько инженеров и я добрались на паровозе до моста. Пробираясь в темноте по железнодорожной насыпи к мосту, мы все отчетливее слышали треск и шум.

Речушку не узнать! Она вздулась, почернела. Лед вздыбился, наступал на мост и угрожал срезать его. Мы спустились на лед под мост. Несколько примитивных деревянных ледорезов уже растерты в щепы. Одну из свай моста срезало, будто нож прошелся по маслу.

Если не уберечь моста, площадка и все строительство будут отрезаны от внешнего мира.

Еще до нашего прихода начали взрывать лед. Из-

далека доносились раскаты взрывов, переходящие в канонаду. У моста тем временем образовался большой ледяной затор. Льдины огромной величины — настоящие айсберги — напирала на мост.

Подрывники работали с утра. Они брали в руки снаряды, начиненные аммоналом или динамитом, ползли на четвереньках по льду, закладывали снаряды под льдины и зажигали фитиль. Трудность заключалась в том, что нужно было успеть отползти и убежать до того, как произойдет взрыв.

После каждого взрыва вздымались причудливые столбы ледяных осколков и воды. Надо спешить! Надо как можно скорее измельчить, искрошить лед, — а он все наступает и медленно, медвежьей хваткой нажимает на мост.

Бардин и я попали в полынью. В два часа ночи пошли переменить одежду и немного согреться. Рабочие попеременно отправлялись попить чаю, закусить. Через час все снова собрались у моста.

Лед был ослаблен многочисленными взрывами, но все же успел за это время срезать еще один ледорез и придвинуться к основным сваям, на которых держался мост. Всю ночь продолжались подрывные работы. Один из подрывников, убегая от зажженного им снаряда, поскользнулся, упал и был убит взрывом. Другие продолжали работу. Надо во что бы то ни стало спасти мост!

Под утро вода начала убывать. Лед напирал уже слабее, но мост оказался сильно расшатанным. Пришли плотники укрепить сваи, восстановить ледорезы.

Вести с верховьев речушки поступали тревожные. Ожидалась новая ледовая атака.

Днем продолжались подрывные работы. Наступила вторая ночь. Весь запас аммонала и пироксилиновых шашек израсходован. Заготовили новые снаряды. Лед вновь с разрушительной силой устремился на мост.

Всю ночь взрывали льдины, проталкивали их баграми, устанавливали крепления. Вдруг лед стремительно двинулся вперед. Раздался невероятный треск, лед сорвал вторую сваю. Мост дрожал и бился в конвульсиях.

Подрывники, инженеры, рабочие, служащие, ежесекундно рискуя жизнью, бросались в атаку на льды. Измельченный и искрошенный подрывными работами» подталкиваемый баграми, лед проползал между сваями. Измученные тяжелой работой, люди молча и безотказно выполняли команду руководителей.

Под утро вода схлынула. Основные массы льда прошли. Мост производил впечатление серьезно раненого, но все же живого организма.

Через два дня напряженного ремонта железнодорожное движение по мосту было возобновлено.

Работы на площадке протекали в эти дни нормально. Большинство даже не знало о том, какая напряженная борьба ведется в эти короткие и страшные часы на таком важном участке стройки, как мост.

Руководителям строительства стало ясно, что нельзя больше зависеть от хилого и слабенького моста. Весной начали строить постоянный железнодорожный мост через Абушку. В 1932 году крепкие железобетонные устои нового моста не боялись весеннего наступления маленькой, свирепой Абушки.

ЕДИНОНАЧАЛИЕ

Когда я приехал в Кузнецк, секретарем райкома был Андрей Кулаков, ленинградец, мобилизованный на партийную работу в Сибирь. В Сибири он работал уже два-три года, но в Кузнецк попал недавно. Вышло так, что после моего приезда Кулаков уехал: сначала — на краевую партийную конференцию, а потом — на

XVI съезд партии. Заменял его Лупинин, бывший балтийский матрос.

ЦК присылал новых людей. Надо было их расставлять по местам, надо было и снимать старых работников, не справлявшихся с порученным им делом.

Управляющий делами стройки за те несколько дней, когда я к нему присматривался, показал себя бездельником типа самоснабженца, с претензией на политиканство, с креном в склочность. Я его вызвал и сказал, что он может уходить. Это привело к неожиданному для меня разговору с Лупининым: как мог я снимать ответственных работников, не согласовав этого с райкомом? Я ответил Лупинину, что я буду и дальше так делать, если этого потребуют интересы стройки.

Вскоре последовали увольнения еще некоторых работников и новые назначения. Отношения с Лупининым стали натянутыми: «новый человек не считается с райкомом».

А время наступало горячее. Негодных работников надо было быстро снимать или передвигать на другую работу. Некогда, да и часто не к чему было заниматься бесконечными согласованиями.

Вернулся с партийного съезда Кулаков. Он имел со мной «душевный» разговор. Я говорил, что у райкома — большая работа по политическому воспитанию многих тысяч уже имеющих и вновь прибывающих рабочих, что не стоит райкому заниматься административными делами, не стоит ему заниматься той работой, которую партия возложила на хозяйственников.

Кулаков со мной как будто согласился. Хороший партиец и энергичный работник, он много делал для того, чтобы подтянуть массы к тем большим задачам, которые стояли перед Кузнецкстроем. Но задачи с каждым днем усложнялись, работы расширялись, лю-

дей становилось все больше. Чувствовалось, что Кулакову становятся не под силу новые масштабы.

Летом 1930 г. рабочих нехватало. Те, что были у нас, неполностью использовались. С согласия местных организаций, мы ввели сверхурочные работы и перевели рабочих на прогрессивную сдельщину. После этого дело начало лучше подвигаться вперед. Поднялась выработка рабочих, повысился их заработок.

В августе мне предложили выступить с докладом на заседании бюро Кемеровского окружного партийного комитета.

До того времени я был так загружен работой, что ни разу не мог поехать в Кемерово переговорить с руководителями окружкома.

Секретарем окружкома был Икс. На заседании я рассказал, что сделано, какой план работ намечен, какие имеются на стройке недостатки.

Начались прения. Ораторы нападали на меня единодушно, даже в одних и тех же выражениях. Они говорили, что ее нужно увеличивать темпы и объем работ «такими методами», что мое пренебрежение партийной организацией при назначениях новых работников обнаруживает чуть ли не антипартийность.

Выступали почти все члены окружкома. В разных вариациях и выражениях все предупреждали меня, что новые методы руководства и организации работы «не будут допущены». Примерно в том же духе выступил и секретарь окружкома Икс.

Несколько осторожнее говорил Кулаков. Он старался наметить возможность дальнейшей совместной работы.

В заключительном слове я категорически и резко заявил, что считаю наши методы работы правильными, что мы их не изменим. Это еще больше настроила окружкомовцев против нового руководства.

Группе товарищей поручили совместно со мной разработать резолюцию. Принять ее решено было на выездном пленуме окружкома в Кузнецке.

Но в это время было вынесено решение об упразднении окружкомов. Окружкомы в Сибири должны были быть ликвидированы, кажется, к 1 сентября. За несколько дней до ликвидации окружкома приехали к нам участники, пленума во главе с Иксом. Тут же начала работать комиссия, которой в свое время поручили составить резолюцию по моему докладу в Кемерове.

Проект резолюции был написан заранее. В нем резко и отрицательно оценивалась вся наша работа. Я решительно возражал против содержания основных пунктов резолюции и всего ее тона. В комиссии мы не достигли соглашения.

Началось заседание пленума.

Икс вел заседание, явно потакая обиженным людям. На этом же заседании сплоченной группой выступали недавно приехавшие партийные товарищи, мобилизованные ЦК. Они возражали против предложенной резолюции.

Заседание длилось до поздней ночи. Я говорил очень резко, хотя и старался сдерживать себя. Мне в тот вечер казалось, что рухнет все то, что мы с таким трудом сколачивали, с таким трудом организовывали.

Икс не хотел или ему трудно было понять, что на стройке необходима жесткая дисциплина, крепкое единоначалие.

Заседание окружкома в Кузнецке кончилось ничем. Резолюцию не приняли. А через день окружком был распущен, и его работники распределены по различным организациям.

Я сообщил крайкому о создавшемся положении и просил усилить руководство партийной организации

Кузнецкстрой, прислать людей, которые могли бы справиться с новыми большими задачами.

В сентябре секретарем райкома был избран незадолго до того приехавший Станкин.

До этого Станкин работал секретарем Барабинского окружного комитета — района сельскохозяйственного, в котором промышленности не было. Станкин — старый партиец, окончивший курсы марксизма, работал за границей. У него было значительно больше теоретической подготовки и практического опыта, чем у Кулакова. Станкин сразу показал себя человеком крепкой воли и активным. С ним приехал на время инструктор крайкома Курганов, а вслед затем стали прибывать новые члены бюро райкома — Охотин, Власов и др. Партийное руководство значительно усилилось.

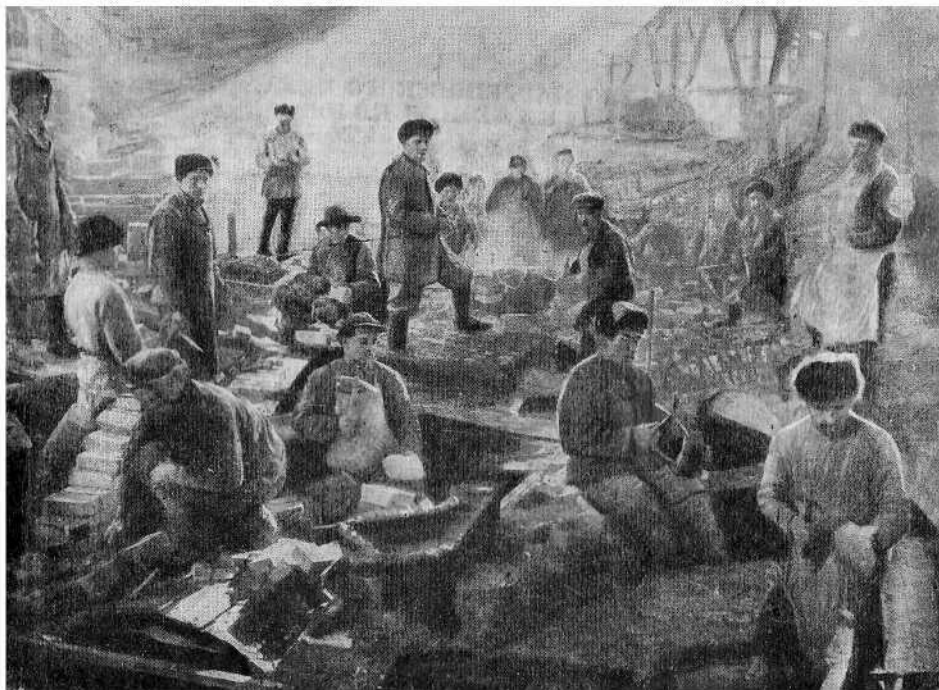
Через короткое время я убедился, что новое бюро райкома решило взять в свои руки руководство всеми работами на стройке. Райком стал вмешиваться в непосредственное управление стройкой и давать директивы «для неукоснительного выполнения».

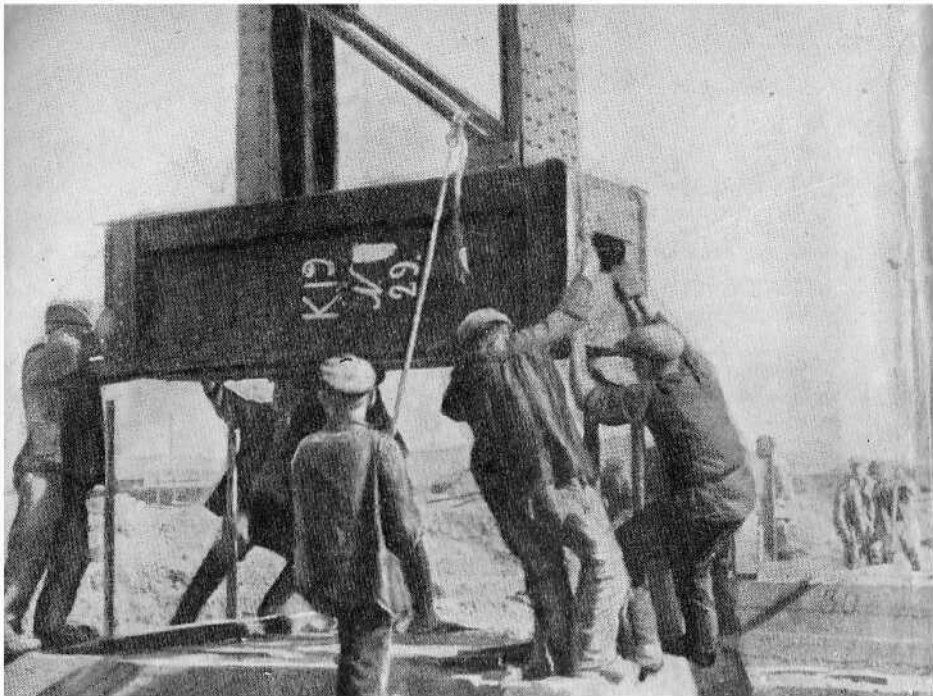
Я протестовал по каждому отдельному случаю. Но принципиальный вопрос — о взаимоотношениях партийной организации и хозяйственного руководства — уяснен не был. Мы долго и подробно говорили на эту тему со Станкиным. Он настаивал на том, что указания райкома во всех случаях директивны и обязательны для управления строительством. Я с этим не соглашался.

В ноябре состоялся пленум райкома. Обсуждался план работ. Пленум принял решение, в котором указал на необходимость перестроить план работ и перенести центр тяжести на жилищно-бытовое строительство. Мы возразили.

Затем возник спор с райкомом по поводу системы зарплаты. Мы устанавливали прямую сдельщину, что-

КЛАДКА КОКСОВЫХ ПЕЧЕЙ.
ОСЕНЬ 1931 г.

СТРОИТЕЛЬСТВО МАРТЕНОВСКОГО ЦЕХА.
МОНТАЖ ЖЕЛЕЗНОЙ КОЛОННЫ
В 54 ТОННЫ.

бы всячески стимулировать труд рабочих. Самую систему зарплаты и премирования мы строили так, чтобы как можно скорее закрепить за стройкой кадровых рабочих и побороть текучесть. Райком придерживался иного мнения о сдельщине. Каждый раз спорили и по поводу различных назначений.

Начали портиться отношения и с новыми руководителями, райкома.

Сведения об этом дошли до крайкома. Приезжали на стройку второй секретарь крайкома Зайцев, инструктор крайкома Кудрявцев. Они пытались «помирить» меня со Станкиным и создать нормальную обстановку для работы.

Каждый раз после таких бесед Станкин и я старались наладить дружную работу. Но скоро вновь обнаруживались расхождения.

ДЕЛА ИНЖЕНЕРСКИЕ

Несрабатанность партийного и хозяйственного руководства чувствовалась на многих участках работы.

Особенно обострились отношения вот по какому поводу. Многие — пожалуй, большинство — из приехавших на стройку инженеров не имели большого опыта практической работы. Многие строители никогда не видели металлургического завода. Многие прямо со школьной скамьи попали на самостоятельную руководящую работу.

Людей было мало, работы — много. Рассчитывать на то, что удастся получить достаточное число работников, было нельзя. Новые заводы строились по всей стране — им тоже нужны были инженеры, экономисты, хозяйственники. Значит, надо было работать с имеющимися, пусть не всегда опытными работниками. Их

самих смущали масштабы работ и недостаточная опытность. Для того, чтобы люди скорее освоились и работали более уверенно, надо было ободрять их, дать возможность рисковать в производстве, а не «бить» за каждую допущенную ошибку, упущение. Особенно следовало учесть то, что весь инженерно-технический персонал жил в крайне тяжелых материальных условиях, без семей, без минимальных культурных удобств.

Иной подход был у Станкина. Во всем подозревавший неладное, он, когда дело касалось инженерно-технических работников, доходил до мнительности. Не замечая, что и в старом инженерстве происходят большие сдвиги, что люди начинают все больше и все искреннее увлекаться работой, он не раз говорил мне: за ошибки надо судить, карать.

Расхождения углублялись.

В Кузнецке не было больших помещений, где можно было бы устроить большое собрание. Не было культурных учреждений—кино, театра, клуба. А осенью на площадке уже работали десятки тысяч людей.

Решили построить театр деревянный, временный, так как плана города еще не было. В сентябре начали строить, твердо решив праздновать тринадцатую годовщину революции открытием театра.

В шестьдесят дней построить театральное здание, рассчитанное больше, чем на тысячу зрителей, с соответствующих размеров сценой, залом, обслуживающими помещениями—задача нелегкая. Руководство этим делом было поручено инженеру Зиверту. Он так повел работу, что 5 ноября общепостроечное торжественное заседание в честь XIII годовщины Октябрьской революции происходило в театре.

Но так как строили наспех, да притом из сырого материала, то неизбежны были промахи, переделки. После открытия театра обнаружилось дефекты здания, которые надо было устранить.

Местные судебные органы привлекли Зиверта к уголовной ответственности. Зиверта судили и признали виновным, приговорив к лишению свободы.

Хотя приговор суда реализован не был, нетрудно представить себе, какое впечатление произвела на Зиверта такая оценка его большой и самоотверженной работы, проходившей на виду у всех.

В портфеле у прокурора Позднякова было немало начатых производством дел, подобных зивертовскому.

Людей вызывали на допросы, отбидади подписку о невыезде, собирались судить.

В проектно-строительном отделе строительства работала талантливая молодая инженер Пирожкова. Еще будучи студенткой Томского института, она написала работу о железобетонных сооружениях, удивившую всех профессоров. Оставаясь студенткой, Пирожкова работала на Кузнецкстрое и участвовала в проектировании некоторых его сооружений. Закончив втуз, она добровольно приехала на стройку в проектный отдел. Работала Пирожкова безупречно. Способный работник, она быстро продвигалась вперед.

К Пирожковой приехала мать. И тут Пирожкова возымела «преступное желание» получить удобную комнату. Это сочли за рвачество. С согласия Стапкина Пирожкову сняли с работы и возбудили против нее судебное дело.

Я в то время был в Москве. Вернувшись на площадку, я узнал об этом деле. Вызвал к себе Пирожкову. Со слезами на глазах она рассказала о преследованиях, которым подвергается. Я приказал восстановить Пирожкову в должности.

В это дело вмешалась «За индустриализацию», напечатавшая фельетон о деле Пирожковой. Газета резко осудила поведение местных организаций не только в деле Пирожковой, но и в других аналогичных случаях. Конфликт с райкомом, вызванный его отноше-

нием к инженерно-техническим работникам, с каждым днем разрастался и углублялся.

На площадку приехал член ЦКК и член президиума ВЦИК А. В. Шотман. Он сидел в моем кабинете, когда пришел прокурор Поздняков. На основании «статей и примечаний к ним» Поздняков требовал отдать под суд многих руководящих инженерных работников. Я сказал Позднякову, что его линия — губительна для стройки.

В разговоре принял участие Шотман. Прямо и ясно он квалифицировал линию местного прокурора, как глупость и антисоветское дело. Прокурор сначала возмутился, но после, узнав, кто с ним говорит, несколько смирился.

Конфликт с райкомом становился из тайного явным. Мое отношение к инженерству квалифицировали в райкоме как «либеральничанье»,

Дело настолько обострилось, что" на площадку прилетел секретарь крайкома Эйхе. Всю ночь сидели Эйхе, Станкин и я, обсуждая создавшееся положение. Я сказал Эйхе, что дело так дальше тянуться не может, что вопрос надо решить кардинально и быстро.

В то время обострились также отношения Станкина с редактором нашей построечной газеты — Казовской. Работница «Правды», молодая, способная Ася Казовская (ныне умершая) была командирована ЦК к нам из Москвы. Станкин настаивал на том, чтобы газета во многих случаях выступала против руководства строительства и ряда инженерно-технических работников.

Казовская отказалась проводить вредную линию, на которой настаивал Станкин. Через некоторое время райком, при протесте с моей стороны, снял Казовскую с работы редактора. Казовская поехала в Москву и сообщила о положении на стройке тов. Сталину.

Станкина сняли с работы, прокурора — тоже. Порт-

фель новых судебных «дел» был ликвидирован, а старые «дела» пересмотрены.

Через короткое время все прочли шесть сталинских условий, и многим стало ясно то, в чем они сомневались. Инженеры почувствовали, что у нас не позволят безнаказанно травить честных и добросовестных работников.

Вслед за Станкиным крайком; снял нескольких членов бюро райкома. На площадку приехал рекомендованный ЦК г. Хитаров, новый секретарь райкома. Затем приехали другие новые работники райкома.

ПОДСОБНЫЕ ЦЕХИ

В 1930 г. были заложены почти все подсобные цехи — котельный, механический, кузнечный, литейный и шамотно-динасовые. Впрочем мощность оборудования и объем производства литейного и шамотно-динасового цехов таковы, что их вполне можно считать самостоятельными, притом довольно большими предприятиями.

План предусматривал быстрое сооружение и немедленный пуск подсобных цехов. К тому времени, когда будет полностью развернуто строительство и начнется монтаж основных цехов комбината первой и второй очереди, подсобные цехи должны уже работать полным ходом и без перебоев. Практика показала, что заблаговременный пуск подсобных цехов часто пред-решал успех всей работы.

Подсобные цехи позволили Кузнецкстрою самостоятельно изготовить подавляющее большинство железных конструкций. Отливка и обработка поломанных и недостающих частей оборудования в литейном и механическом цехах, срочное изготовление недоста-

ющих марок шамотного и динасового кирпича — все это помогало стройке, отдаленной от промышленных центров страны, все это ускоряло монтаж и пуск агрегатов.

Создание подсобной базы отличало Кузнецмстрой от многих других строек, упустивших из виду это важнейшее звено подготовительной работы.

Сначала были построены временные деревянные здания мастерских для изготовления железных конструкций. Летом же 1930 г. заложили здание постоянного котельного цеха. К октябрьским праздникам построили этот первый наш постоянный цех. Здание было покрыто, остеклено, а на ящиках с оборудованием устроили трибуну для митинга.

Строителям и всем нам казалось, что раз готово здание, значит и цех готов. Как мы ошибались! Потребовалось еще много месяцев упорного труда, чтобы подвести фундаменты под оборудование, смонтировать механизмы и подъемные краны, провести отопление, подать воду, пар, ток. И, наконец, что самое важное, надо было организовать производство, наладить правильное использование установленного оборудования.

Цех, «законченный» в 1930 г. к октябрьским торжествам, начал работать нормально лишь весной и летом следующего года.

То же самое получилось у нас и с механическим цехом, Мы начали строить его летом 1930 г. Предполагали закончить постройку до холодов, но это удалось только зимой. А весь 1931 г. пришлось затратить «а то, чтобы доделать, достроить цех, затем смонтировать оборудование, наладить его работу. Для этого нужно было одновременно устроить водоснабжение, канализацию, подачу пара и тока, закончить подводку железнодорожных путей. Механический цех начал нормально работать только в 1932 г.

Механический (по преимуществу ремонтный) цех обладает самым разнообразным оборудованием, его производственные задания весьма различны: от крупных частей машин до мельчайших деталей и собственного инструмента.

Кузнечный цех начал строиться в 1930 г., был закончен в 1931 г., а начал работать и налаживать производство лишь в 1932 г.

Механический цех строился в глубокой котловине. Пришлось делать довольно глубокие фундаменты и подсыпать много земли. Дренажа нет, водоснабжение и канализация — ненадежные. Под фундаменты начала просачиваться вода, здание стало давать большие осадки и трещины. То же получилось и с кузнечным цехом.

Поползли слухи, что механический и кузнечный цехи «погибли», что спасти их невозможно, что ошибки допущены нарочно. Сообщения в раздутом и преувеличенном виде дошли даже до Москвы.

Товарищ Орджоникидзе вызвал меня к телефону и стал подробно расспрашивать, насколько верны слухи. Мне пришлось послать в Москву нашего главного строителя со всеми документами, чтобы доложить о действительном положении вещей и рассеять тревогу.

Нет худа без добра! Осадки в механическом и кузнечном цехах, а частично и в котельном—все они расположены на одном участке—заставили вести точный, неуклонный контроль и наблюдение за всеми сооружениями. В дальнейшем при постройке любого сооружения мы старались уже заранее обезопасить его от возможной осадки. Например, на участке третьей и частично четвертой доменной печи (в тех местах, где грунт был не совсем надежен) забивали железобетонные сваи.

Но слухи не прекращались. Сообщалось даже, что кузнечный цех как бы раскололся на три части. А цех

в это время (1932 г.) стоял целехонек, в нем шла работа.

В 1933 г. приехала специальная комиссия Совета труда и обороны. Она подробно обследовала положение с осадками, ознакомилась с состоянием возведенных сооружений и зданий, но признала, что серьезной угрозы нет, что сооружения ведут себя нормально, и предложила ряд дополнительных мероприятий.

Комсомольская организация решила взять шефство над литейным цехом. Строительные работы в цехе открылись многочисленным комсомольским субботником. Крепкий мороз обжигал лица и руки. Комсомольцы с песнями дробили окаменевшую от морозов землю. Это было зимой 1930—31 г.

На площадке у нас работала в то время одна небольшая однотонная вагранка. Разумеется, она не могла дать столько чугунного литья, сколько требовалось. Приходилось самое простое литье возить из Донбасса, Ленинграда, Москвы, Урала.

Надо было поскорее закончить литейную, а строительные работы отставали. Здесь сказалось отсутствие окончательного проекта здания.

Решили монтировать первую вагранку в незаконченном здании литейного цеха. Первого августа 1931 г., после торжественного митинга, первая пятитонная вагранка фасонно-литейного цеха дала литье. Вагранка стояла в незаконченном здании, среди строительных лесов, гор земли и разрытых котлованов: оазис среди строительного хаоса!

Литейный цех — незаконченный и не до конца оборудованный, при всей примитивности и полукустарности его производства — все же часто выводил нас из больших затруднений в строительстве и монтаже, а впоследствии в производстве запасных частей для действующих цехов. Литейная выпускала излож-

ницы для мартенов, шлаковые ковши и мульды для доменного цеха и, наконец, валки для прокатного цеха. Но то обстоятельство, что строительные, монтажные и эксплуатационные работы велись одновременно, вызывало постоянные столкновения строителей с эксплуатационниками. Они друг другу мешали, и поэтому вечно спорили. Цех достраивался с большими мучениями.

С неменьшими трудностями налаживалось производство. Достаточно сказать, что первые два года литейный цех работал без центрального отопления, без вентиляции. Только в 1934 г. он стал работать нормально.

Пример литейного цеха особенно наглядно показал, как важно заблаговременно получить полный проект цеха и лишь после этого приступить к строительству. Работа могла быть сделана значительно скорее и дешевле, эксплуатация цеха налаживалась бы гораздо нормальнее и проще.

Дорогой урок!

Шамотно-динасовый цех запроектировали, как большой завод — свыше 30 тыс. тонн шамота и 15 тыс. тонн динаса в год. Цех проектировался в Ленинграде, когда в стране особенно чувствовался недостаток металла. Проектировщикам казалось, что дерево — универсальный материал, который может и должен все заменить. Несмотря на большую огнеопасность производства, весь цех построили из дерева. Деревянные сборные фермы над печным и сушильным отделениями достигают 44 метров в пролете!

Цех строили все лето 1930 года. К октябрьским праздникам на цехе вывесили плакат: «Цех готов». Но только впоследствии все мы убедились, как много еще надо сделать, чтобы цех превратился в живое, действующее предприятие...

Только в начале 1931 г. выдали первый шамотный

кирпич. Но цех еще долго переживал «детские болезни» пуска. Особенно трудно было наладить производство динаса.

В июне 1930 г. вся мощнорть электроустановок Кузнецкстроя составляла... десять киловатт. Надо было как можно скорее построить временную электростанцию.

Здание электростанции строилось с весны 1930 г. Летом установили локомобили, и к концу года мощность первой временной электростанции достигла 1.300 лошадиных сил.

Строительные работы, их механизация, электроемкие подсобные цехи и заводы, растущий город предъявляли все большие требования на электроэнергию. Зимой 1930 г. стали подсчитывать баланс электроэнергии на будущий год. Без достаточного количества энергии не могли работать многочисленные мощные подсобные цехи, деревообделочный завод, кирпичные заводы и др. Постоянная электростанция могла дать ток лишь к концу 1931 г. или началу 1932 г., не говоря уже о том, что на время пуска и наладки постоянной электростанции понадобится немалый резерв электроэнергии.

Баланс получался отрицательный. Тогда мы решили строить вторую временную электростанцию, мощностью не менее 2,5 тыс. квт. Отрядили людей в Москву, чтобы найти готовое оборудование — слишком долго было бы заказывать его и ждать пока изготовят.

Командированные в Москву товарищи во главе с молодым инженером-коммунистом тов. М. В. Шадринным нашли нужное оборудование. Не теряя лишнего времени, они сами организовали демонтаж оборудования и одновременно проектировали здания для него. Первыми прибыли на площадку строительные чертежи. И когда оборудование еще демонтировалось, на

площадке уже приступали к строительству станции!

Нехватка энергии принимала характер бедствия. Много механизмов не могло работать — не было энергии.

Шадрину поручили руководить постройкой второй временной электростанции и монтажом оборудования. Он оказался прекрасным руководителем и талантливым организатором. С того момента, когда была вынута первая лопата земли (в котловане станции, я до дачи тока прошло только 75 дней—рекордный срок! Руководимый Шадриним коллектив не только построил, смонтировал и пустил станцию в ход, но и соорудил временную плотину у реки, организовал подачу топлива к станции. Молодой прораб Бурдасов, техники, десятники, рабочие, строители и монтажники проявляли чудеса ударной работы и преданности делу.

Станция была пущена. С этого времени положение на площадке резко улучшилось. Предприятия и строительство не знали уже, что такое нехватка электроэнергии. Мы подвели крепкую базу под механизацию. Благодаря освещению стало возможным на всех участках работать круглые сутки. Образовался резерв электроэнергии и для пуска постоянной электростанции. Станция работала без перебоев.

Сибиряки вспоминали как в Новосибирске станцию, в 500—600 киловатт строили два года. Открывал ее Михаил Иванович Калинин. А у нас постройка более крупной станции была лишь одним из эпизодов — временным ударным участком. Советская Сибирь за несколько лет сильно шагнула вперед!

Сейчас, когда пишутся эти строки, на площадке работает постоянная электростанция мощностью свыше 80 тыс. квт. Много и хорошо послужившие Кузнецкстрою временные электростанции демонтированы.

Летом 1931 г. работы были в разгаре. Темпы на-

растили с исключительной быстротой. Работали на всех участках очень напряженно. Это было радостное напряжение. Работали помногу, производительность часто была рекордная, работали весело, с какой-то удалью, с песнями.

Труд был радостью.

Помню бригаду Морозова землекопов мартеновского цеха. Они соревновались с землекопами всех участков и неизменно всех опережали, потому что правильно расставляли людей, давали каждому точное задание, хорошо и умело работали.

Морозов, прибывший год назад на площадку, стал организатором не только земляных работ у себя в мартеновском цехе, он потянул за собой почти всех землекопов площадки. - Бригада Морозова получала премию за премию. Надо было видеть их в котлованах мартеновского цеха. Рубашки сняты, тела блестят на солнце, и все время мелькает бесконечная лента выбрасываемой земли.

Когда бы мне ни приходилось говорить с Морозовым, он постоянно рассказывал о том, какой рекорд бригада поставила вчера или как она побила прокатчиков третьего дня: Морозов стал выдвигаться и дошел (с землекопов!) до большой и серьезной работы-заместителя начальника цеха.

"1931 год был годом развернутого соревнования во всех цехах, всех бригадах по различным видам работы. Началась и у нас. борьба за всесоюзные рекорды; за максимальное количество замесов бетономешалок в рабочий час, за максимальное количество кирпича, уложенного в рабочий день, за максимальное количество кубометров земли, вынутых в рабочий час, за максимальное количество уложенного огнеупорного кирпича в рабочий день.

Летом 1931 года целый ряд участков, бригад включился во всеплощадочный и всесоюзный конкурс-

сы. Бригады, участвовавшие в этом соревновании, работали с большим азартом. Глядя со стороны, зачастую казалось, что работы носили спортивный характер. Рабочие, основные и подсобные, бригадиры, десятники носились по работам как футболисты за мячом. В течение целых смен даже не садились покурить. Напряжение было максимальное.

Но, присматриваясь к работам, мы замечали, что погоня за рекордами подчас начинает сказываться на качестве работы. На стройке города вместо средней нормы 600—700 кирпичей выкладывали до 6—8 тысяч. Отдельные кладки делали и больше. Скоро обнаружили дефекты такой кладки: кирпич положен косо, недостаточно дано раствора. Погоня за максимальным количеством замесов бетономешалок приводила к недостаточному смешиванию гравия с цементом, а это сказывалось на качестве бетона. В разгар соревнования пришлось поднять вопрос о качестве. Многие, увлекшись борьбой за рекорды, считали наши требования к качеству «бюрократической затеей», а между тем дефекты в работе требовали именно таких мероприятий. Это заставило нас особенно серьезно и внимательно организовать технический надзор и наблюдение за проводимыми работами. Вскоре соревнование, широко организованное нашей партийной, профсоюзной и комсомольской организациями, сказалось на резком увеличении не только количественных, но и качественных показателей работы строителей.

Электросеть на площадке была чрезвычайно разветвленной и часто перепутанной. Ко всем строительным участкам был подведен ток. Линии-временки к строительным механизмам перемещались почти каждый день. К подсобным предприятиям ток был подан по воздушным линиям высокого напряжения — 6000 вольт. Строилась подземная железобетонная галерея, где монтировалась линия высокого напряжения.

Вся постоянная электросеть укладывалась под землей в гончарных трубах. Протяженность линий исчислялась многими десятками километров. Сложная запутанная электросеть почти каждый день давала перебои. Последствия аварий надо было ликвидировать быстро. Молодой инженер А. Ф. Скоморовский, отличавшийся поразительным спокойствием, удивительно хорошо ориентировался в сложном лабиринте сети.

Электрохозяйство росло с каждым днем: электромоторы насчитывались десятками, потом сотнями. Увеличивалось число подстанций.

Скоморовский— уже главный электрик Кузнецкостроя. Он организует временные электроремонтные мастерские, которые постепенно начинают справляться с нарастающими требованиями.

Вскоре прокладывается на много десятков километров сеть высокого напряжения с подстанциями к угольным районам, к рудникам. Скоморовский сумел организовать бесперебойную работу этой сети. Много было срочных работ по электромонтажу: сегодня это временная, завтра—центральная электростанция, позже — трамвай. Скоморовский и его товарищи никогда не отказывались от работы, как бы она ни была сложна — делали ее до конца.

ХОЗЯЙСТВО

В 1930 г., в одну из поездок в Москву, я встретил старого знакомого по сибирской работе А. С. Краскина. Талантливый человек, когда-то доцент изящной литературы, он в дореволюционное время, как еврей, был вынужден сменить поэзию на прозу, а впоследствии стал крупным советским хозяйственником. Крас-

кин, коренной сибиряк, работал в различных отраслях хозяйства, но всегда — как представитель Сибири и для Сибири, никогда не порывая связи с ней.

Я помнил Краскина по работе в Сибири в 1919—20 гг. Вместе с ним и труппой товарищей мы тогда воевали с остатками капиталистического «Копикуза», с, его бывшим руководителем, умным и способным, но враждебным нам Федоровичем. Вместе с Краскиным мы изгнали Федоровича и его присных из Сибири.

При встрече в Москве я был переполнен впечатлениями о Кузнецке. Я говорил Краскину, что нет более интересной, более захватывающей и увлекательной работы, чем у нас. Он тут же выразил желание отправиться в Кузнецк. Мы договорились, и он поехал со мной.

В Сибирь мы ехали вместе с бывший начальником Турксиба В. С. Шатовым, в его служебном вагоне. Шатовский патефон напевал и наигрывал лирические мотивы, а мы с Краскиным долго и обстоятельно толковали о Кузнецкстрое, говорили о том, как организовать нашу работу, как организовать большое и сложное хозяйство Кузнецкстроя.

Строительство расширялось с каждым днем. Стремительно рос поток материалов и оборудования. Лес, цемент, кирпич, машины, инструмент, материалы и арматура для водоснабжения, канализации, специальных работ, сложные и разнообразные электроматериалы, аппаратура и оборудование — все это надо было заказать, принять, хранить, правильно расходовать и учитывать.

Увеличивалось транспортное хозяйство — автотранспорт и конный транспорт.

К нам был послан по мобилизации Б. Л. Иванов — специалист автомобильного дела. Бывший офицер, затем красный командир, он сохранил военную выправку и привычку к военной дисциплине. Вначале мы поручили Иванову автомобильное дело. Он стал обзаво-

диться хозяйством, организовал, ремонтные мастерские, склады запасных частей и автоматериалов. Начал восстанавливать кладбище машин, взялся за организацию гаражей, начал готовить шоферов.

Вскоре мы передали автоцеху и конный двор. У нас было свыше двух тысяч своих лошадей и работало много артелей коновозчиков. Приходилось кормить несколько тысяч лошадей. Овса и сена по нормам не хватало. Иванов организовал свой совхоз с многими сотнями гектаров посевов и покосов. Чтобы обеспечить конный двор упряжью и повозками, мы организовали свои ремонтные мастерские — кузнечную, шориую и др. Надо лечить лошадей — устраиваются амбулатория, ветеринарный пункт, а затем и ремонтный пункт — лошадиная «санатория».

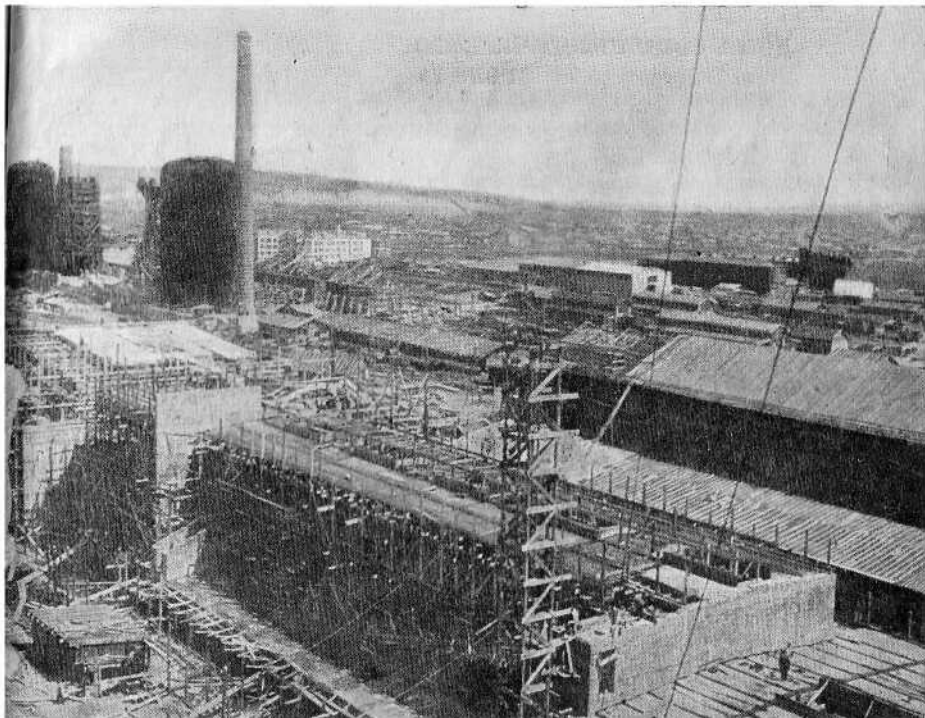
Наш местный транспорт вырос в большое хозяйство. Экономичность его работы сказывалась уже на стоимости строительства. Мы включили автогужевой цех в систему хозяйственных частей Кузнецкстроя. Автогужевой цех стал образцовым участком нашего хозяйства.

Питерский рабочий, коммунист Дмитриев, попал в 1918 г. на Дальний Восток и там долго партизанил. В 1928 г. его по партийной мобилизации: направили на площадку Кузнецкстроя для работы в качестве шофера. Это был первый шофер «а Кузнецкстрое».

Коренастый, широкоплечий, с хорошими умными глазами, он много работал — любил автомобиль, чувствовал его. Дороти были у нас скверные, подчас не было никаких дорог. Машин становилось все больше, а опытных шоферов (да и неопытных) не хватало.

Дмитриев начинает обучать шоферскому делу молодых парней и девушек. Так появились шоферы-сибиряки кузнецкстроевской выучки. Сколько терпения и выдержки проявлял Дмитриев при обучении ребят! А какие смелые и преданные шоферы-дмитривцы!

УЧАСТОК СТРОИТЕЛЬСТВА
1930 г.

ДОМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
ГОРОДА

Машин на площадке уже свыше ста. Надо создать ремонтную базу. Дмитриев организует мастерские и руководит ими. Много раз мобилизовали его на лесозаготовки, на разведки. Приедет после мобилизации — и опять за машины. Неплохой организатор и вообще человек очень способный Дмитриев отказывается от административных должностей, он не хочет уходить от своих машин. Однажды мы с ним совершили длинную поездку на машине. В пути он рассказал мне, что еще в Ленинграде его тянуло к охоте, что здесь, на Кузнецкстрое — так близко к охоте, а все некогда.

Работал он очень много, но никогда не говорил о перегруженности, не жаловался на трудности. Сколько надо было проявить изобретательности, изворотливости, смекалки, чтобы при отсутствии запасных частей и при частых поломках машин поддерживать в сохранности большое автохозяйство. Дмитриев это делал спокойно, без рисовки.

В 1933 году мы предложили ему стать руководителем автогужевого цеха. Он отказался — и лишь после больших уговоров согласился быть заместителем начальника.

Пять лет большой работы в далекой Сибири уже за спиной Дмитриева. Дал он стройке много. И сам вырос немало.

К концу 1930 г. в наших домах, бараках и землянках жили десятки тысяч людей. Надо было снабжать их топливом, мебелью, постельными принадлежностями, надо было организовать общественное питание, обеспечить хранение и перевозку продуктов питания.

Более серьезным становилось и финансовое хозяйство стройки. Во второй половине 1930 г. ежедневный расход достигал нескольких сот тысяч рублей, а в 1931 г. были дни, когда расход доходил до миллиона рублей в день.

Надо было организовать разветвленную агентуру

во всех тех пунктах, с которыми Кузнецкстрой был связан. Надо было этой агентурой управлять, давать указания агентам, следить за их работой.

Краскин давно томился по живому делу. Его отъезд из Москвы сильно смахивал на бегство от засасывающей канцелярской и бумажной работы.

Началась кропотливая, будничная организация хозяйства. Я тем более поддерживал начинания Краскина, что работа по организации хозяйства вначале встречала подозрительное отношение инженеров и техников. Они считали эту важнейшую отрасль работы на стройке делом «торговцев». Многие руководители строительных работ полагали, что кубометры земли и бетона, тонны огнеупоров и железных конструкций — вот «настоящее дело», а подсчитывать рубли — «не инженерское занятие», это недостойно гигантских масштабов Кузнецкстроя.

Понадобилось много упорства и настойчивости, чтобы изменить презрительное отношение к рублю, к материальным ресурсам, к экономике стройки.

Материалы и оборудование были разбросаны по многочисленным участкам, часто без всякого учета и надзора. Нередко материалы расхищались. Тот, кто был у нас на площадке во второй половине 1930 или начале 1931 г., представляет себе, какую большую и серьезную работу нужно было проделать, чтобы в течение года взять на учет каждый болт, каждую деталь, каждый гвоздь, чтобы создать правильно организованное складское хозяйство.

Строить склады, подвозить к ним материалы, наладить их хранение и учет — вот с чего начал Краскин и его коллектив работников. Через год мы уже знали, что имеется на стройке и чего ей нехватает. С большим трудом, но мы приучили людей бережно относиться к материальным ценностям.

Материалы и оборудование посылали нам отовсюду

ду. Часто можно было те или иные механизмы, детали, материалы отдать нуждающимся в них предприятиям, при том без всякого ущерба для Кузнецкстроя. Поставив надлежащим образом учет, мы обнаружили у себя много лишнего, много такого, что было нужно и ценно для других строек. Оказалось, что у нас на самой площадке есть много нужного нам оборудования, а мы раньше не могли его найти. Иной раз приходилось заказывать вещи, уже полученные, но затерянные.

Стоимость оборудования исчислялась десятками миллионов рублей, вес его доходил до многих тысяч тонн. Надо было наладить хранение — от такой машины, как чудовищная станина блюминга, до мельчайшей электроаппаратуры, до тончайших лабораторных приборов.

Цеховики и монтажники относились к этой работе небрежно. Обычно они вспоминали об оборудовании лишь тогда, когда оно им требовалось по ходу монтажа. Много пришлось повоевать, чтобы приучить строителей и монтажников к элементарному условию хорошего хозяйства — учитывать ценности, дорожить ими, беречь их от порчи и расхищения.

Помню доставленный нам из цеха наряд рабочей бригаде:

1. Найти такую-то часть оборудования — следует подробное описание.
2. Расстояние — в радиусе 1—2 км. от места монтажа.
3. Оплата — 82 рубля.

Таких случаев много. Затрачивалось немало труда и денег, чтобы разыскать до крайности необходимую часть машины.

Строительные материалы хранились не лучше. Однажды приходит к Краскину, а затем ко мне на-

чальник коксового цеха и возбужденно требует леса и других материалов. Взволнованный начальник сообщил, что из-за отсутствия материалов работы уже остановились. Невозмутимый Краскин посылает людей в цех проверить, действительно ли иссякли материалы. Находят большие запасы. На завтра сконфуженный начальник цеха вынужден был признать, что он понятия не имел об этих материалах.

Учет!

Большинство работников строительства привыкло все учитывать лишь в двух измерениях: объем и сроки. Денег никто не считал и не хотел считать. Многим казалось, что это ни к чему: был бы Кузнецкстрой, а во что он обойдется — неважно.

Работали у нас контрагенты. Строили они дорого. Со многими из них мы расстались, чтобы самим вести работы, так называемым хозяйственным способом. Наши люди, проверяя работу оставшихся контрагентов, выяснили, что они берут много лишнего, составляют дутые сметы, требуют возмещения не имевших места расходов. Краскин организует проверку счетов работ контрагентов. Водоканалстрой, Востоксантехстрой и другие вынуждены были вернуть много сот тысяч «переполученных» рублей. Когда началась проверка, оскорбленные контрагенты заявили, что проверять их не к чему и нельзя, что они — государственная организация, но проверка продолжалась и чванливым рвачам пришлось возвращать деньги.

Хозрасчет!

Практика показала, что при надлежащей организации строительства, учета и контроля можно укладываться в сметную цифру себестоимости и даже выполнять работу по ценам ниже указанных в сметах.

Краскин, преодолевая сопротивление, воспитывал у людей вкус к бережливости, к экономии та стройке. Через год многие из цеховиков и руководителей уча-

стков начали входить «во вкус» экономии, стали заглядывать в баланс, следить за постановкой настоящего, не «потолочного» учета.

На площадке было много отходов стройматериалов, много поломанного инструмента, оборудования, изношенной спецодежды и обуви. Стали все это собирать. Нашелся предприимчивый десятник — заведующий утильдвором. Сначала он стал сортировать, а затем и чинить привезенные лопаты, повозки, обувь, спецодежду. Постепенно на утильдворе были построены временные полукустарные мастерские — кузнечная, обувная, портняжная и др. После этого начался систематический сбор, сортировка и ремонт всего собранного.

Утильдвор преобразился в утильцех. Количество выпускаемой им после ремонта и починки продукции все нарастало. В 1932 году стоимость продукции утильцеха достигла 2 млн. руб. Экономия огромная. А главное — утильцех стал давать крайне нужные сапоги, валенки, инструмент, много дефицитных материалов.

Мы предоставили утильцеху право собирать все, что валяется, все, что «плохо лежит» в цехах. И хотя цеховики стали жаловаться на утильцех и остерегаться его сборщиков, на площадке было организовано большое хозяйство по сбору и переработке утиля. В последнее время утильцех уже выпускает много товаров ширпотреба и снабжает строительство и завод изготавливаемым в его мастерских инструментом.

Руководящие работники Кузнецкстроя и, прежде всего, конечно, Краскин, серьезно занимались экономикой стройки. Когда в 1932 г. в одном из номеров «За индустриализацию» я рассказал о нашей хозяйственной работе, об учете, о принципах организации, это заинтересовало руководителей многих других строек. Я получал от них письма с просьбой прислать

материалы — слишком животрепещущим был этот вопрос.

Тов. Орджоникидзе неоднократно указывал мне на необходимость бережно и серьезно относиться к хозяйству стройки.

— Надо считать рубли и копейки, надо беречь каждую доску, каждый гвоздь, каждую бочку цемента! — говорил он.

Не случайно, приехав в Кузнецк, Серго начал с подробного осмотра состояния складского хозяйства, хранения материалов и оборудования. Не случайно и тов. Пятаков, будучи на Кузнецкстрое, тоже подробно знакомился с состоянием складского хозяйства, с условиями хранения материалов и оборудования, с постановкой учета.

Мы с большим опозданием организовали хозяйство стройки, и это стоило нам многих средств.

Урок не только нам, но и всем тем, кто ведет или начинает крупное строительство.

Изучение хозяйства цехов и всего комбината нередко наталкивало на серьезные, общие для всего организма стройки вопросы. Когда Краскин произвел серьезный анализ себестоимости строительных работ, нам всем стало ясно, что штаты служащих, инженерно-технических работников и обслуживающего персонала — выше нормы. Начали проверять этот вывод в цехах, на участках. Вывод подтвердился. Мы сильно сократили штаты, перебросили людей на производство, что принесло значительную экономию.

Организация хозяйства — работа трудная, кропотливая, зачастую неблагодарная. Она требовала большого упорства и внимания. Когда Краскин приехал на площадку, в его шевелюре было еще много островков черных волос. На стройке они исчезли. Теперь он сед. Этот человек напряженной и нервной работой подорвал свое здоровье. Большой знаток литературы,

некогда пушкинист, а ныне прекрасный большевик-хозяйственник, Краскин немало сил и здоровья отдал Кузнецкстройю.

ВОДА И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Нам, руководителям стройки, и многим инженерам казалось, что главное —окончить сооружение доменной печи. Но мы заблуждались. Для того, чтобы завод мог работать, мог плавить и прокатывать металл, надо было прежде всего закончить водонасосные сооружения на Томи и главные водопроводы с перекачечными насосными станциями, надо было обеспечить заводу электрический ток, воздух, пар; соорудить специальные чугуновозные и шлаковозные пути; построить здание и установить в нем разливочную машину. Особенно важно было до задувки домны пустить коксовые печи, чтобы накопить нужные запасы металлургического кокса.

О ходе строительства, об успехах и неудачах Кузнецкстроя ежедневно оповещалась вся страна. Хозяйственные и партийные организации с напряжением следили, не запаздываем ли мы.

Стройка — таков был план работ—шла большим числом «встречных забоев». Окончить все строительные и монтажные работы, опробовать и отрегулировать многочисленные и разнообразные механизмы надо было в определенные сроки, связанные с пуском того или иного агрегата.

Закончились обследования Томи, составили проект водозаборных сооружений и летом 1930 г. приступили к работе. Надо было устроить большую деревянную водоприемную галлерею длиной в 220 метров. Делали ее на берегу, а затаскивать на лед предполагалось зимой. Прорубив лед, надо было на дне реки очистить

канал для укладки и затопления водоприемной галереи, затем со льда же надо было галлерею целиком, в собранном виде, опускать на дно, а после уже — затопить ее.

Кроме галереи надо было устроить большой железобетонный колодец и сложную водонасосную станцию на берегу Томи.

План был хорошо продуман и детально разработан. Руководили всем делом начальник работ Н. А. Баш и главный инженер С. И. Сазыкин.

Зима стояла жестокая. Морозы доходили до 50 градусов. Работали у Томи присланные к нам раскулаченные сибиряки, привыкшие к суровой зиме (они неплохо работали)..

На изготовление водоприемной галереи и подготовку ее к пуску ушло несколько месяцев. Торопились спустить галлерею до ледохода, иначе вся работа пойдет насмарку, и устройство водозаборных сооружений отодвинется на год.

Наступили; наконец, решающие дни. На льду собирали галлерею. Закончены большие подрывные и землечерпательные работы на дне реки. Началась подготовка к спуску галереи. Разработан самый детальный план. Инженеры, техники, десятники, рабочие — спецпереселенцы почти сутки не сходили со своих мест.

Утро. Проверяется расстановка людей. Дана команда. Она передавалась по всей длине флажками. Постепенно и плавно галлерею стали погружать в воду. К ночи; она уже была в воде, на завтра — на дне реки, закрепленная шпунтами и придавленная сверху слоем камней.

Водоприемный колодец и насосная станция на Томи вошли в список «пусковых» объектов.

Предстояло проложить две линии деревянного водопровода диаметром 1,2 метра и длиной 3,5 километра — от Томи до завода. Деревянный водовод такого

диаметра и такой длины делался в Союзе впервые. Затем надо было достроить, смонтировать и опробовать насосную станцию второго подъема и уложить на территории завода разветвленную сеть труб для водоснабжения и канализации. Без этого нельзя пустить электростанцию с воздухоудвкой, коксовые батареи, доменные печи.

Мы не учли, насколько трудны эти разбросанные на большом расстоянии работы. Намеченные нами сроки окончания сооружений все больше отодвигались. Только 20 августа 1931 г. первая вода из Томи была подана на промышленную площадку. Начались мелкие, кропотливые исправления многочисленных дефектов, которые обнаружили при проверке сделанного. На стройке говорили: «Вода дана. Борьба за надежную воду поололжается».

В августе 1930 года нарочный доставил из Москвы первые чертежи земляных работ на участке будущей электростанции.

Чертежи удалось получить в Энергострое с большим трудом. Проекта всей станции еще не было, а ждали мы его не скоро. Оборудование, конечно, тоже не было заказано.

В 1930 году к нам вместе с другими инженерами Стальстроя приехал В. С. Петровых. Он имел за спиной практику строительства электростанций в Костроме и других местах. Петровых ждал проекта, чертежей станции. Ему не терпелось начать работу. Подготавливали площадку под станцию, строили склады и рабочие помещения, хотя никто точно не знал, где будет расположена станция и какой она будет. Петровых как бы тренировал самого себя и строителей.

Молчаливый, мягкий, несколько робкий человек,

он часто приходил ко мне и Бардину доказывать настоятельную необходимость скорее получить чертежи, чтобы не терять золотого времени — лета. Чертежи прибыли утром. После обеда Петровых вместе с начальником работ уже расставлял людей, организовал бригады землекопов. В тот же день начали копать первый котлован под станцию.

Приближалась зима. Станцию надо было продолжать строить. От многих других инженеров Петровых отличался тем, что всегда заранее продумывал технику выполнения предстоящих работ. На участке электростанции начали строить тепляки, помещения для согревания гравия, утепленный бетонный завод. Петровых продумал процесс работ до конца, и зима его врасплох не застала.

Трудно зимой строить! Тепляк на станции был высок — десятки метров, семь этажей! Подвести туда центральное отопление не могли. Поддерживать температуру в тепляках можно было только коксовыми жаровнями. Но это опасно! Одно неосторожное движение, выпадет кусок кокса из жаровни — и тепляк может воспламениться. Существовала постоянная угроза свести на-нет огромный труд и средства, потерять год работы.

В эту зиму Петровых, как он мне после рассказал, не мог спать спокойно ни одной ночи. Проснется и пойдет тотчас же на станцию. Ему даже снился пожар тепляков. Он (да и все мы) вздохнул облегченно, когда наступило лето и можно было разобрать опасные тепляки.

Доменная печь по плану должна была быть задута к октябрьским праздникам 1931 г. Станцию надо было пустить *за* месяц — два до пуска домны. К середине лета стало ясно, что строительные и монтажные работы серьезно запаздывают. Началась гонка. Работа шла круглые сутки, без выходных дней.

Нажимали мы, нажимали общественные организации. Начальник строительства станции начал нервничать и настаивать на том, чтобы его отпустили. Нервы сдали у него — мы его освободили. Новым начальником строительства электростанции назначили Э. Гольденберга.

Организатор Гольденберг — жизнерадостный и полный свежих мыслей и предложений. Работу он как бы с удовольствием смакует. Эти свои качества Гольденберг распространяет на окружающих. Недавно еще книжный человек, он из кабинетного работника быстро преобразился в работника практического. Постоянно в сапогах, кожаной куртке, он и внешне приобрел вид мастерового.

Особенно поразились преображению Гольденберга приезжавшие к нам товарищи, которые знали его по прежней работе красного профессора, недавнего заместителя председателя Госплана. В конце 1933 года Гольденберг был назначен на самостоятельную работу начальником строительства Камышбуруна.

На станции работало много иностранных монтеров. Они нас шантажировали и по сути дела мешали работать. Немало сил пришлось потратить нам и новому начальнику станции Гольденбергу, чтобы заставить разнородный, разнокалиберный состав монтеров, преимущественно рвачей, работать нужными темпами.

Надо было построить станцию, сложное водное хозяйство, совершенную и комбинированную подачу нефти и угольной пыли, мощные котлы в 30 атмосфер давления, паровое хозяйство с разветвленной и сложной системой паропроводов высокого давления, машинный зал, электрическое распределительное устройство.

Начиная с сентября 1931 г., когда закончили монтаж первой турбины, нам почти каждый день казалось, что уже «все готово», и завтра можно опробовать отдельные агрегаты, а потом и весь производ-

ственный комплекс станции. Но дни проходили, и мы то и дело обнаруживали новые недоделки и дефекты: то протекал водопровод, то лопался паропровод, то горели подшипники на смонтированных машинах, то получалось короткое замыкание на различных участках распределительного устройства.

Сложное и деликатное оборудование электростанции уже установлено, а кругом еще стоят леса, продолжаютя штукатурные работы, кое-где бетонные. Крыша протекает...

Рабочие, инженеры, техники, мастера не уходили со станции по несколько суток. Недоспавшие, с воспаленными, красными глазами люди работали из последних сил. Всем казалось, что вот только бы устранить сегодня дефект, который обнаружен вчера, и все пойдет гладко. Но завтра обнаруживали новый дефект, уже в другом месте: расплата за скверное качество строительных и монтажных работ, за недоделки...

Приближался октябрь-ноябрь — намеченный по плану срок пуска и коксовых и доменных печей. Но пара и тока все еще нет! Строители каждый раз называли новые «твердые» сроки, а эти сроки вновь и вновь проходили. Так тянулись недели, месяцы. Работа велась безостановочно, напряженно.

Нервничали мы, нервничали профессиональные и партийные организации. В городском партийном комитете шло совещание. Докладывал руководитель станции Гольденберг. Он назвал новые сроки пуска. Совещание приняло сердитую резолюцию. Передвижку сроков комитет назвал обманом партийной организации и невыполнением задания правительства. Совещание предупредило руководящих работников-коммунистов, что в случае дальнейшей оттяжки срока пуска станции возникнет вопрос о пребывании их в партий.

Чтобы электрическая станция могла работать, нужно было построить колоссальный железобетонный

охладительный бассейн. Он должен был служить не только для охлаждения воды, но и как резерв воды — на случай аварии водопровода.

Железобетонный бассейн подобной емкости строился в Союзе впервые. Вынимали десятки тысяч кубометров земли. Землю отвозили, бассейн бетонировали. Работали круглые сутки, непрерывно. Надо было спешить. Все делалось в горячке, спешно. И это сказывалось на качестве.

Строители и эксплуатационники беспокоились: как поведет себя бассейн? Не будет ли пропускать воду? Бассейн был расположен выше электростанции. Если бы он дал течь, то это угрожало бы целостности станции.

Наконец бассейн начал заполняться. Масса воды уже в бассейне—сорок тысяч кубических метров! Проходит первый день — вода держится на том же уровне, утечки незаметно. Второй день — все благополучно. А вечером мне позвонили по телефону и сказали, что бассейн дал течь...

Бесконечные горы земли, склады строительных материалов, разрытые канавы окружали бассейн. У бассейна я застал наших строителей и главного энергетика М. Ф. Голдобина. Человек с большой практической школой, начавший с мальчиков и дошедший до главного энергетика Кузнецкстроя — он, какая бы авария ни случилась, какой бы сложный технический вопрос ни требовалось разрешить, всегда, улыбаясь, вспоминал: а у меня в таком-то году был такой же случай на таком-то заводе.

На этот раз был растерян и Голдобин. Мощная струя воды хлестала из бассейна. Недалеко от бассейна находилась водонасосная станция второго подъема. Вода устремилась туда. Подвальный этаж насосной залило водой. Вода уже подходила к первому этажу, к помещению насосов.

По предложению Голдобина — у него, конечно, такой случай уже был на Урале, в Кушве — решили забросать течь глиной с навозом. Рассчитывали, что это, если не остановит, то хоть несколько замедлит утечку воды из бассейна. Привезли навоз. Десятки рабочих стали забрасывать глиной и навозом то место, где утекала вода. Временами казалось, что струя уменьшается, но затем рода вновь устремлялась из бассейна, но уже не через те места, которые забрасывали навозом.

Рабочие, мастера, инженеры работали по шею в воде, покрытой слоем льда. Люди замерзали, отогревались и снова работали. Так — всю ночь.

Вызвали для откачки воды пожарную мотопомпу. Десятки людей несли ее на руках к месту аварии. Помпу сопровождал спокойный пожарный в присвоенной ему полной амуниции. Наконец, помпа у места аварии. Пробуем ее запустить — не, работает! Пожарный спокойно оповещает, что так как помпа прибыла недавно, то ее еще не опробовали. Причина ясна. Волноваться не следует...

До самого утра уходила вода из бассейна. Удалось задержать воду только в одной секции бассейна, которую закрыли шандором. Остальная вода ушла.

Все были вконец измотаны. Утром мобилизовали сотни людей и много насосов. Они откачивали воду из всех затопленных помещений. Воду высасывали, высасывали огромное количество воды, — казалось, этому не будет конца.

Когда начали чистить бассейн, то увидели, что авария произошла вовсе не в том месте, которое старательно забрасывали навозом.

Спешка, низкое качество строительной работы — мы справедливо расплачивались за это.

Углеподготовка электростанции не была готова. Решили пускать станцию на нефти. В первые дни неф-

теподача вела себя нормально, но вскоре то тут, то там стали обнаруживаться дефекты монтажа. Опять надо исправлять. Выбиваясь из сил, люди работали над исправлением обнаруженных недостатков, чтобы завтра начать работу сначала.

Нас подстерегала приближающаяся зима 1931—32 гг. Малейшая небрежность, малейшая непредусмотрительность — и из строя выйдут водопровод, паропровод, нефтепровод, оборудование станции. Три месяца длилась пусковая горячка. Три месяца тщательно проверялись все участки, почти законченные строительством и монтажом. Заканчивались доделки, устранялись недостатки и заново начиналось опробование. Срывала дело расейская привычка работать «на-авось», привычка рассчитывать, что «кривая как-нибудь вывезет».

Первые декады января 1932 г. были кульминационным периодом борьбы за пуск станции. В пять часов утра 21 января меня разбудил начальник станции Гольденберг. За последние декады он почти надорвался от непосильной работы, которой, казалось, не было видно конца. Смачно затягиваясь папироской, он сообщил мне, что получен, наконец, промышленный ток. Турбина в 6 тыс. киловатт пущена, ток—на шинах...

Первый «забой» был доведен до конца. Но мы так долго ждали этого момента, так были измучены каждодневным «завтра», что в первую минуту весть об успехе и не радовала...

Год и четыре месяца напряженнейшей работы потребовалось на то, чтобы дать первый ток. Когда все убедились, что ток есть «всамделишный ток», люди очень обрадовались этой первой победе, придавшей бодрость для дальнейшей работы. Надо было продолжать строить меньшими темпами, с меньшим напором! Впереди еще— монтаж и пуск третьего и четвертого котла, второй турбины на 6 тыс. квт., третьей турбины на 24.000 квт. Надо пустить первую, вторую и

третью воздуходувные машины, закончить углеподготовку...

Работы еще—непечатый край!

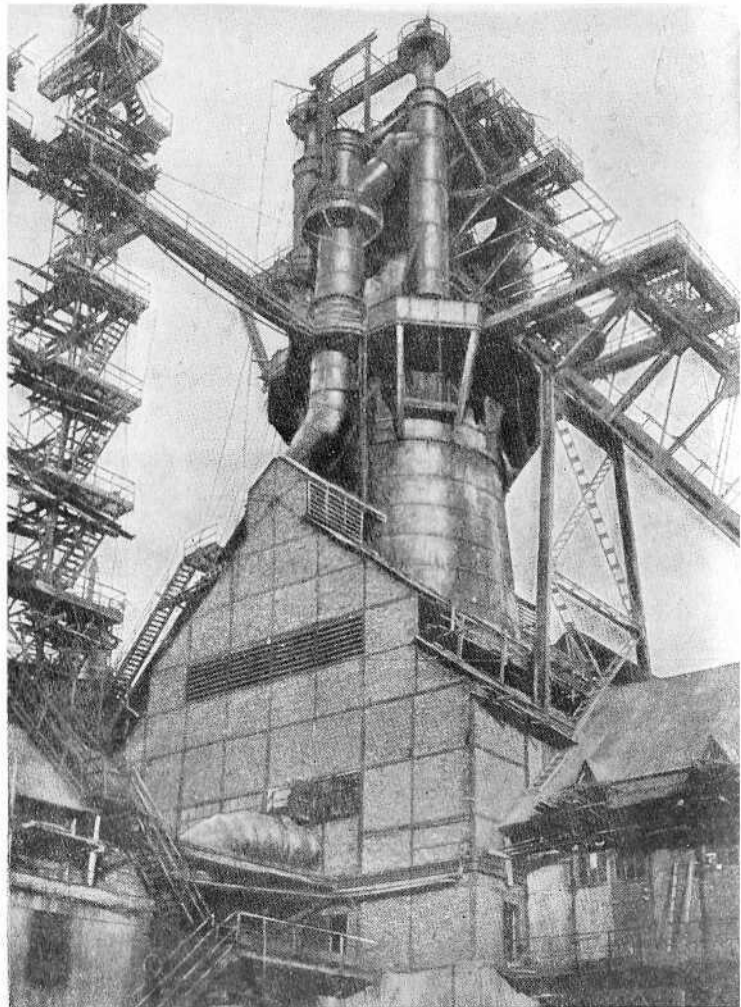
КОКС

Приступая к строительству коксовых батарей, мы, как я уже говорил, натолкнулись на скверный грунт. Пришлось под коксовые батареи забивать сваи. Это отняло у нас больше месяца. Бетонные работы и огнеупорная кладка продолжались и зимой.

Надо было построить и сдать в эксплуатацию железобетонные угольные ямы, помольные и шихтовые отделения, силоса для хранения шихты, мост на коксовую турму, словом всю углеподготовку, рассчитанную на обслуживание первой и второй очереди коксовых батарей, обеспечивающих коксом все доменные печи. Одновременно нужно было смонтировать массу оборудования для переброски и транспортировки угля к четырем коксовым батареям. Работы много!

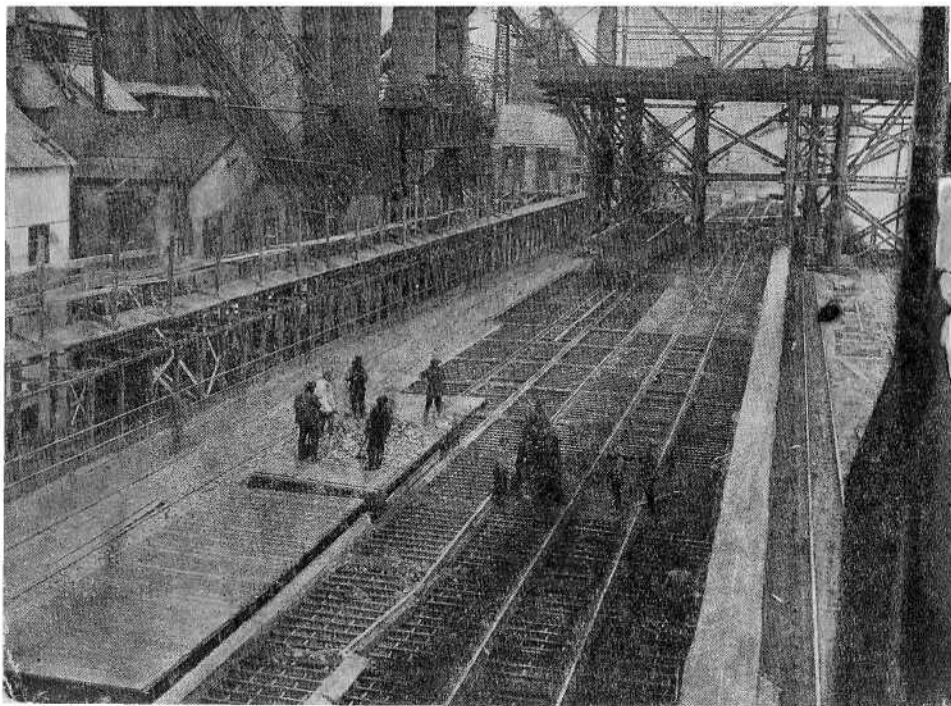
Угольные ямы, уходящие на 9 метров в землю, нужно было строить на одном из самых гористых участков площадки. Пришлось сначала снимать и выкапывать десятки тысяч кубометров земли, а затем бетонировать угольные ямы л силоса. Работы много, работы сложной и, вдобавок ко всему, часто хватало материалов и оборудования. Мы явно запаздывали!

В кузнечком коксе немало положено нервов и сил бежавшего из польской тюрьмы т. Молотковского. Избранный секретарем партколлектива коксового цеха, он сначала «плавал», плохо знал наши условия. Но прекрасный организатор, хороший массовик он вскоре сумел завоевать крупный авторитет для парторганизации не только среди рабочих, но и среди инженеров. Крепкий, коренастый он выказал удивительную работо-

ОКОНЧАНИЕ МОНТАЖА
III ДОМЕННОЙ ПЕЧИ.

**БУНКЕРА ДОМЕННОГО ЦЕХА.
РАЗГРУЗКА СВАРКИ.**

способность. Рабочие его знали. Главное свое внимание он обращал на организацию бригады — низового звена. Он не любил отсталых методов работы и жестко боролся с живыми носителями их в цехак. Международное значение нашей стройки он хорошо чувствовал и всегда говорил о нем в своих выступлениях.

Коксовые батареи строились под наблюдением представителей французской фирмы. Французы всячески затягивали окончание работ и апробацию пуска. То, по их мнению, работа была сделана нехорошо, и они заставляли бесконечное число раз переделывать, то нехватало некоторых марок кирпичей, то еще что-то. Французы священнодействовали, таинственно заглядывали в свои чертежи и записные книжки. Они не торопились!

Уже наступила осень 1931 года. Надо поскорее ставить печи на сушку. Морозы могут повлиять на чувствительный кирпич-динас.

Сушка и разогрев печей требуют 60—70 дней. Печи на разогрев были поставлены в конце сентября. Все остальные работы мы сконцентрировали так, чтобы к моменту пуска коксовых батарей обязательно было закончено обслуживающее хозяйство цеха.

Окончание монтажа и строительные «доделки» шли в условиях тяжелой сибирской зимы. Так же, как на электростанции, переделки бесконечно отодвигали окончание работы. Как и на электростанции, люди выбивались из сил. Свыше четырех ; месяцев прошло с тех пор, когда был поднесен *факел* к костру под коксовыми печами, поставленными на сушку, пока мы смогли приступить к загрузке печей.

Для домен подготовили воду, воздух, пар, ток. Не было кокса. Казалось, что отсутствие кокса — единственное, что задерживает задувку доменной печи. Будь кокс, — думали мы, — дали бы чугуны. Так Кузнецкстрой информировал Москву. Тогда нам дали несколько ты-

сяч тонн кокса со старых кемеровских печей. Кокс начал прибывать, но тут мы убедились, что доменная печь... не готова.

Загрузка коксовых печей откладывалась. Ежедневно обнаруживались новые недоделки и недостатки. Загружать печи, несмотря на протесты и возражения французов, начали 23 февраля. Получения первого кокса надо было ожидать 36 часов. Внезапно обнаружили еще некоторые дефекты, которые не только могли задержать выдачу кокса, но и угрожали целостности самих печей. Выяснилось, например, что вода для тушения кокса подается с большими переборами, что линии материалопровода дали течь. Все это надо было исправлять и налаживать заново.

Двое суток весь инженерный персонал цеха, все монтажники работали, не выходя из цеха. Руководители стройки, в том числе Бардин и я, тоже бессменно дежурили в коксовом цехе, помогая мобилизовать все, что потребуется для немедленного устранения замеченных недостатков.

Весь день двадцать четвертого февраля прошел в большом напряжении. Власть перешла уже от строителей к эксплуатационникам-коксовикам, химикам. Командовали пуском они: инж. Е. Э. Лидер и старый мастер А. З. Волошин. Наконец, наступил вечер двадцать четвертого. Рабочие, инженеры, техники, партийные и профессиональные работники, почти весь руководящий состав площадки, представители газет — все нервничали, все нетерпеливо ждали торжественной минуты и не уходили из цеха. Кокоовики обещали с часу на час выдать кокс.

В 12 часов ночи подошел тушильный вагон. Коксовыталкивателю был дан сигнал — вытолкнуть первый коксовый пирог.

Огненная лава кокса устремилась в тушильный вагон. Вагон степенно двинулся к тушильной башне.

Обильный поток воды дождем залил раскаленный кокс. Облако густого белого пара покрыло тушильную башню. Тушильный вагон выехал из башни. Все бросились к нему, горя желанием увидеть и потрогать первый коке. Специалисты пробовали кокс на вес, на твердость, ощупывали его, разглядывали.

— Кокс хороший, металлургический, — сказал Бардин.

На коксовых батареях и возле них, несмотря на поздний час, оставались толпы народа. Многие пришли с женами и детьми. Каждый понес к себе домой кусок первого памятного кузнецкого кокса. Лица у всех праздничные и радостные. С таким блаженным видом, бывало, шли от пасхальной заутрени с пасхами и куличами люди, веровавшие в бога.

Ночью через ухабы и рытвины разрытой площадки возвращались люди к себе в землянки, в бараки, бережно неся в руках овеществленную свою работу и радость — кузнецкий кокс.

В два часа ночи я позвонил в Москву товарищу Орджоникидзе и сообщил ему, что получен первый качественный металлургический кокс. Серго горячо поздравил нас и просил нажимать на пуск доменной печи.

На стройке коксохимического завода старший прораб А. П. Фролов — молодой, знающий и энергичный инженер — строил углеподготовку и железобетонные силоса. Силоса — девять широких круглых башен высотой в 45 метров каждая. Сверху они заканчиваются глубокими железобетонными воронками, уходившими во внутрь.

Материалы подавались на верх строящихся силосов по боковому подъемнику. На одном из силосов уло-

жили настил из досок, на который складывали строительные материалы. На этой же площадке происходили собрания рабочих. По мере того, как росли силоса, поднимался настил с материалами, поднимались — в буквальном смысле слова — и собрания рабочих.

Участок Фролова отставал. Фролов жаловался, что нехватает материалов. Он решил прибегнуть к хитрости: подымал материалы наверх и складывал их там на настил, чтоб другие прорабы ничего не могли забрать для своих участков. На верхнем настиле накопилось несколько вагонов леса, арматурного железа, инструмента и всякой всячины.

Секретарь ячейки, председатель цехкома, технический персонал решили поговорить с рабочими, как ускорить работу — окончить силоса в срок. Пальцем, обмокнутым в чернила, написали на листе газеты объявление: «Собрание срочное. Явка всех обязательна». Собрание открылось на высоте 45 метров, это было к вечеру.

Держась за доски опалубки, Фролов сказал вступительное слово. «Материал поднакопили, дело теперь за нами. Надо работать не менее 10 часов, от выходных дней временно отказаться, сменам не уходить с работы, пока не сделали то, что назначено по плану».

Взял слово кто-то из рабочих. В это время раздался страшный треск — настил лопнул, и несколько десятков человек вместе со всей массой строительных материалов провалились на много метров вниз, в железобетонную воронку силоса. Выхода из силоса внизу не было.

Нам сообщили о катастрофе. Бардин, Краник, Краскин и я прибежали к силосам. Забрались наверх. Вся воронка, куда провалились люди, была заполнена тонкой цементной пылью. Что делается внизу — не видно. Слышны лишь крики и стоны. Вызвали пожарную часть, вызвали врачей. Пожарные спустили веревочные лестницы, по ним мы полезли вниз. Там темно и

пыльно. Из под обломков раздавались крики. Трудно было разобрать, где люди, откуда стоны. Израненные, придавленные материалами, люди задыхались в цементной пыли, разъедавшей горло, легкие, глаза.

Из воронки неслись крики: «Воды! Пить!» Провели электричество, дали свет, спустили на веревках несколько ведер воды, пожарных.

Как оказать первую помощь? Как вытащить людей? Вытаскивать наверх? Нельзя! Остатки лесов угрожают рухнуть в любую минуту. Выносить вбок? Для этого надо прорезать две толстых железобетонных стены — воронку и самый каркас силоса. На это уйдет много часов, может быть целая ночь, а помощь нужно оказать немедленно. Решили перевязать раненых в самой воронке. Спустили на веревочных лестницах врачей и медикаменты и, сложив несколько досок, приступили к перевязке.

Внизу, в воронке силосов, спасательными работами руководил заместитель начальника Кузнецкстроя Кроник и начальник строительства коксохима Дмитриев.

Когда я спустился в воронку, мне бросилась в глаза группа из трех человек, лежавших среди наваленных строительных материалов; Один из них — слегка раненый, но сильно оглушенный и напуганный рабочий, второй — Фролов, мертвый, задохнувшийся, придавленный. Внизу, под ними — рабочий, раненый, но живой. Мы начали относить мертвых в сторону и перевязывать раненых. Фролова с большим трудом втащили веревками наверх.

Обвал произошел в 6—7 часов вечера. Только к 2 часам ночи удалось пробить отверстия в железобетонных стенах. Тогда начали на руках, через конвейер расставленных людей, выносить наружу раненых, а потом и мертвых. Среди пострадавших — весь руководящий персонал участка.

К 5 часам утра вынесли наружу всех раненых и мертвых. Все время у силосов стояла многотысячная толпа. Но под утро народу оставалось мало.

Уехал последний автомобиль с трупами погибших. У силосов стояли Кроник, Бардин, Хитаров, я и несколько других работников строительства. Все были подавлены страшной катастрофой, напряжением пережитой ночи. Спихватившись, стали искать Дмитриева. Его нашли свалившимся от сердечного припадка у штабеля досок, где-то за силосами. Увезли и Дмитриева.

Настало утро. Мы не находили слов для разговора. Все тихо побрели к себе. Я составил телеграмму центральным и краевым органам с сообщением о катастрофе, о ее причинах, жертвах.

Скоро должен был раздаться призывный гудок. Работу надо было продолжать. Мы с Хитаровым, не ложась спать, пошли утром на участок коксового цеха. Рабочие собрались на митинг. Все подавлены несчастьем. Мы говорили о необходимости продолжать работу, продолжать выполнение того задания, которое возложено на нас партией и правительством. Надо так работать, чтобы-больше не было подобных случаев.

После меня и Хитарова никто не стал говорить. Все молча взяли топоры, лопаты и пошли на работу.

В клубе, убранном цветами и увешенном лозунгами, стоял ряд гробов. На каждом гробу была написана фамилия и род работы убитого: плотник, прораб, инженер, техник, землекоп, бетонщик...

Двинулась похоронная процессия. За гробами шли жены, дети, шли десятки тысяч рабочих.

Над братской могилой, вырытой в единственном у нас тогда общественном саду (невдалеке от строительства), выступали ораторы. Говорили о том, что наши товарищи погибли на фронте социалистической строй-

ки. Говорили, что надо в дальнейшем избегать легкомыслия в работе и беречь самое драгоценное в строительстве социализма — человеческую жизнь, Говорили, что надо продолжать выполнение важнейшего дела, которое поручено партией. Пришлось выступать и мне.

Трудно было говорить.

Последний ком земли. Поставлена ограда у братской могилы. Все разошлись.

Катастрофа, гибель товарищей, похороны — все это еще больше напоминало о том, что мы — на фронте, что опускать руки нельзя.

Мы запаздывали, мы отставали — надо продолжать работу!

Незадолго до катастрофы ко мне из Москвы приехал погостить мой десятилетний сын. Видал я его редко и мало. Он целыми днями с увлечением бегал по стройке и особенно любил подолгу стоять у экскаваторов, или цепляться сзади к грузовым машинам. Очень любил рассказывать о виденном, щеголяя где-го услышанными техническими выражениями.

На другой день после катастрофы он уже побывал и у силосов и в больнице, знал все подробности происшедшего. Увидев меня, сильно подавленного случившимся, он долго молчал. Но, видно, его и всех его сверстников мучил вопрос: кто виноват? Наконец, он не выдержал и спросил:

— Папа, правда ведь, Фролов не должен был устраивать собрания наверху силосов? Он — инженер. Ведь он должен был понимать опасность!

Весной и летом 1932 г. мы пустили углеподготовку и две коксовых батареи. Химический завод только начинал строиться. Впереди еще были окончание хими-

ческих цехов и сооружение третьей и четвертой батарей коксовых печей. Здесь мы впервые физически ощутили, как трудно вести строительные работы рядом с действующими агрегатами.

Строители помнили, какие лишения приходилось переносить в связи с необходимостью укреплять грунт под будущими коксовыми печами. Готовясь к строительству третьей и четвертой батарей, строители заранее приготовили железобетонные сваи и забивали их по мере того, как был готов котлован. Но теперь, оказывалось, работать стало значительно труднее, чем раньше! Люди были зажаты, с одной стороны, действующими коксовыми печами, с другой — железнодорожной сортировочной станцией и паровозным депо. Некуда выбрасывать землю, очень трудно ее вывозить.

Ценный газ первых двух коксовых батарей можно было использовать для химической переработки как высококалорийное топливо. Но газ выпускался на воздух, так как задерживалось строительство химических цехов и устройство газопровода. Только в феврале, почти через год после выдачи первого кокса, был закончен газопровод от коксового до мартеновского и прокатного цехов — длиной в 2 км. Здание углеподготовки вместе с силосами, с транспортером на турму и самой турмой не было ни утеплено, ни оштукатурено. Надо было сделать это во что бы то ни стало до начала второй зимы.

Значительная часть строителей отвлекалась на эти доделочные работы. Между тем надо было строить вторую очередь коксовых печей. Построили тепляк для сооружения третьей и четвертой коксовых батарей и только в феврале 1933 года, закончив бетонирование плиты под батареи, приступили к огнеупорной кладке печей. Летом строительство третьей и четвертой батарей шло уже полным ходом.

Сильно запаздывало сооружение химического за-

вода. Из-за этого комбинат не мог использовать ценнейшие продукты коксохимии, не говоря уже о том, что под ударом находилось состояние печей (неочищенный газ засорял, занафталинивал пущенные коксохимические установки). Для того, чтобы мартен и прокат могли работать без перебоев, им необходим был коксовый газ. Но газ надо было очищать. Мы спешили закончить скрубберное отделение коксового цеха.

Первую и вторую батарею коксовых печей мы строили при технической консультации французской фирмы. Третью и четвертую батареи сооружали одними советскими силами, без всякой иностранной помощи.

Это требовало хорошего технического руководства. В коксовом цехе Кузнецкстроя с 1929 г. работал молодой способный инженер Пиотух. Вдумчивый и серьезный человек, он во время строительства первой очереди коксового цеха пылливо всматривался и изучал работу французов. С ним (вместе работал инженер Антоненко, специализировавшийся на огнеупорной кладке.

Во главе строительных работ коксового цеха назначили Я. А. Контера и поставили одного из наиболее опытных наших строителей — инженера Гурвича. Кадр десятников, техников, прорабов, работавших еще на строительстве первой очереди, был пополнен свежими силами.

Руководящий кадр строителей-коксовиков подобрался хороший. Зато с рабочими было труднее, так как лучшая часть строителей коксового цеха, в том числе коммунисты и комсомольцы, перешли на эксплуатацию. Приходилось заново формировать рабочий коллектив.

Хорошо запомнив урок пуска первых коксовых батарей, строители теперь уже перестали все делать «в основном». На качество работы было обращено самое серьезное внимание. Работа велась чище и лучше.

Осенью 1933 г. была пущена третья батарея. Через 18—20 часов после засыпки выдали кокс. Это происходило уже в будничной обстановке. Только из местной газеты «Большевицкая сталь» площадка узнала о выдаче кокса из третьей батареи.

В мае 1934 г. выдала кокс четвертая батарея. Все четыре батареи печей стали работать с полной запроектованной мощностью.

Началась и продолжается интенсивная работа по сооружению химического завода.

ЧУГУН

Мы были твердо уверены, что при надлежащей мобилизации сил можно будет скоро пустить домну. В октябре 1931 г. мы взяли на себя все непосредственное руководство строительством доменного цеха: я — в качестве начальника, Бардин — в качестве технического руководителя, главный строитель Александров — в качестве руководителя строительных работ.

Об Александрове следует рассказать подробнее.

Осенью 1930 г. мы начинали работы на новых участках. Инженеров, техников приехало много, «о их явно нахватало. Некоторым из них пришлось руководить одновременно несколькими участками, что, конечно, сказывалось на темпах и качестве работ.

В это время я получил телеграмму от Новостали, что опытный инженер-строитель, коммунист, хочет добровольно приехать на работу в Кузнецк. Я телеграфно выразил согласие на приезд, и через короткое время он прибыл на площадку. Это был В. В. Александров.

На площадке тогда были получены чертежи и проекты коксохимического комбината. Г. К. Дмитриев был назначен начальником строительства коксохими-

ческого комбината, В. В. Александров стал главным строителем Кузнецкстроя.

В начале все инженеры-строители встретили относительно молодого Александра несколько недоверчиво. Меж собой его называли «комиссаром строительного дела». Но уже через короткое время коммунист Александров показал себя хорошим и знающим инженером, умеющим не только слушать инженеров, но и давать им технические указания, советы.

У Александра был немалый недостаток — вспыльчивость. Вспылив, он еще больше, чем обычно, нервно дергал плечами. Тяжело он переживал всякую ошибку, всякое отставание в работе. Но товарищи прощали вспыльчивость — человек он обаятельный и удивительно чутко относящийся к делу.

Приехал к нам Александров очень худым. С каждым днем он стал больше худеть. А работал он много! Тяжело было слышать как юн много и подолгу, как-то всем своим нутром кашлял. Однажды (это было уже ночью) возвращаясь с работы, Александров мне оказал, что юн серьезно болен туберкулезом, особенно после фронта.

— У нас в семье, — сказал он, — все туберкулезные. Видно скоро и обо мне придется некролог писать.

В 1932 году заведующий горздравом Малек говорил мне:

— Отправь ты Александра отдохнуть, подлечиться. Он долго не выдержит такой работы.

Я заговорил об этом с Александровым. Он всячески отказывался, ссылаясь на то, что невозможно уезжать при теперешнем положении на строительной площадке. Мы его все же заставили уехать. Он поехал в Томскую санаторию, но через 6—6 дней сбежал из санатория и вернулся обратно. Его ругали. А он, смущаясь, объяснял, что во время работы чувствует себя «как-то лучше».

— Я на работе, — говорил он, — не замечаю уста-

лости. В санатории же меня охватило мрачное, тоскливое настроение. Вот и сбежал...

Он продолжал работать. Помногу курил и также много и затяжно кашлял...

Александров — человек настроения. Хорошо идет работа — он бодр, весел. Неудачи приводили его подчас в тяжелое состояние. Он искренно и непосредственно переживал все радости и печали стройки, ее успехи и поражения. Он любил технику строительного дела, любил новые методы работы.

В план производства работ мы стали внедрять и технические планы. Особую активность, помимо Александрова, развивал Гольденберг. План производства работ, технические планы были делом новым, как и механизация.

Участковые инженеры встречали новшества довольно холодно и формально. Понадобилось немало времени, чтобы новые методы внедрить в жизнь.

В 1932 г. было созвано партийно-техническое совещание, обсуждавшее технический план строительных работ в 1933 году. Разработан он был детально, продуманно. Докладывал Александров. Зал заседаний был весь увешан графиками и планами. Прения велись оживленные и очень серьезные. После совещания Грольман сказал мне:

— Прямо душа радуется, настолько мы выросли, настолько технически подкованы в строительном деле! Хорошо, если бы мы были так же крепки и в эксплуатации!

Когда нужно было подогнать вторую очередь доменного цеха, а техническое руководство было там слабо — Александров стал на несколько месяцев руководителем строительства доменного цеха. Он тогда великолепно показал, что умеет не только хорошо руководить, но и непосредственно работать. Его участок становится все более образцовым на площадке.

Александров питал слабость к музыке. Он очень увлекался ею и тайно мечтал поехать в Москву или в Ленинград послушать настоящую серьезную музыку! Но слишком много работы — не до музыки было!

За все время мне удалось один раз заставить его поехать отдохнуть. Помня о его бегстве, мы послали его вместе с женой, которой дали указание ни за что не отпускать Александрова на площадку до окончания срока отпуска. Рассказывают, что он с трудом отбыл курортную повинность.

Александров любил красоту в строительном деле. Когда строительство завода подходило к концу, Александров начал все чаще говорить о необходимости архитектурного оформления завода.

— Наш завод,— говорил он,— хорошая, красивая девушка. А одета она в лохмотьях. Надо завод одеть! Он тогда будет не только хорошим и технически совершенным, но и очень красивым.

Вскоре при Александрове была создана архитектурная мастерская. Он часто приходил ко мне восторженный, показывая чертежи озеленения завода, архитектурного оформления туннеля и различных заводских зданий. Как и многие из нас, он мечтал, чтобы кузнечный завод был превращен в завод-сад, культурный и благоустроенный.

Александров и теперь продолжает работать на площадке. Он еще больше похудел, осунулся, но с меньшим увлечением кончает строить Кузнечный завод.

Осень 1931 года была обильна дождями. Изрытую площадку затопило водой. Каждое утро, затемно, в 5—6 часов мы вместе с Александровым отправлялись «в плавание» к доменному цеху. День и ночь работали тысячи людей — землекопы, плотники, бетонщики, клепальщики, чеканщики, монтажники, электрики, механики. Помимо них тысячи людей с музыкой и пес-

нями ежедневно приходили на субботники для уборки или для других работ на стройке доменного цеха.

Когда все мы, добросовестно заблуждаясь, полагали, что домна будет вот-вот готова, на Кузнецкстрой приехал тов. Ворошилов. Приехал неожиданно — мы ожидали его приезда на следующий день. Только за несколько минут до прихода поезда мне сообщили о его приезде.

Я с двумя товарищами отправился на вокзал. Мы застали тов. Ворошилова в вагоне, беседующим с председателем крайисполкома Грядинским и другими товарищами. Я спросил Клементия Ефремовича, каковы его планы, что он хочет осмотреть на Кузнецкстрое. Он мне сказал:

— Осмотреть у тебя все—с начала до конца: на что ты деньги тратишь, куда идут средства и материалы, которые вам. дают, идет ли эта помощь впрок, двигаетесь ли вы вперед.

Через несколько минут мы поехали на стройку.

Стали обходить участок за участком, объект за объектом. Большинство рабочих не знало о прибытии наркомвоенмора. Увидев вблизи себя знакомого им по портретам тов. Ворошлиова, они не верили своим глазам. Тов. Ворошилов останавливался, беседовал с инженерами, техниками, рабочими, расспрашивал подробно о положении работ. Наконец, он подошел к доменному цеху. Тогда там одновременно шли земляные, бетонные, монтажные работы и огнеупорная кладка. Мы стали взбираться на первую доменную печь. На верх печи можно было подняться по «чортовым» качающимся монтажным лестницам, по которым обычно лазили только опытные монтажники.

— Осторожнее, Клементий Ефремович,— сказал я,— здесь недолго и упасть.

— Какие же будут у нас наркомы, если они побоятся влезать на доменную печь! — ответил тов. Ворошилов и поднялся на самый верх домны, откуда открылась панорама всей стройки.

Мы лазили по лесам и котлованам цехов с самого утра. Вот уже четыре часа, пять часов дня. Спрашиваю Клементия Ефремовича — устал ли: он?

— Нет,— говорит,— веди, пока не осмотрим все до самого конца.

Как и в доменном цехе, везде тов. Ворошилов подробно беседовал с рабочими, инженерами, руководителями работ, расспрашивал их об условиях труда, об оплате, о том где и как живут, как питаются.

На площадке перед временным театром сколотили из свежих досок небольшую трибуну. Десятки тысяч людей пришли повидать и послушать своего наркома.

Митинг открылся моим рапортом. Сообщая о положении работ, я просил передать центральным партийным и правительственным организациям, что данную нам директиву — форсировать строительство металлургической базы на Востоке — мы выполним и что в борьбе за генеральную линию партии наш коллектив с каждым днем крепнет и усиливает темпы работ.

Затем выступило несколько рабочих и инженеров. Они говорили, что повседневной работой докажут преданность делу, которое доверено коллективу Кузнецкстроя, и что величайшую честь, оказанную нам, оправдают ударной работой.

Ораторы говорили коротко, сильно волнуясь. Один из рабочих так волновался, что закончил почему-то речь лозунгом: «Да здравствует красная милиция!»

Затем взял слово К. Е. Ворошилов.

— Вы должны построить и пустить на службу социализму один из важнейших индустриальных центров Востока. Вы должны скорее дать стране нужные ей тысячи тон» металла. Сделано многое, но остается

сделать еще больше. Я передам Центральному комитету и правительству, передам тов. Сталину обо всем, что здесь видел. Передам и ваши заверения драться по-большевистски за окончательную победу.

Десятки тысяч людей внимательно слушали простые слова тов. Ворошилова. Его приезд сыграл большую роль. Многие ударные бригады были названы его именем. На отстающие участки были брошены дополнительные силы, был дан клич — ликвидировать отставание.

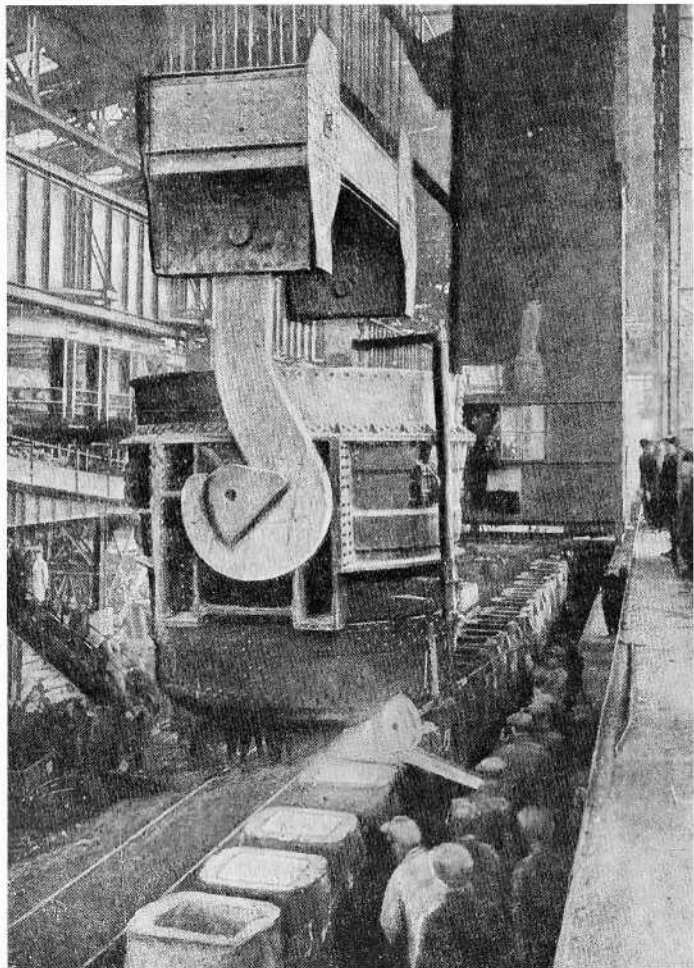
Товарищ Ворошилов рассказал мне:

— Перед отъездом на Восток встретил я в Кремле Демьяна Бедного. Стоя на подножке автомобиля, он более получаса восторженно рассказывал мне о том, что недавно видел на Кузнецкстрое и всячески расхваливал вас. Я тогда подумал: «Демьян — поэт. Наверно, увлекается, преувеличивает». Теперь я вижу, что Демьян не зря так восторгался.

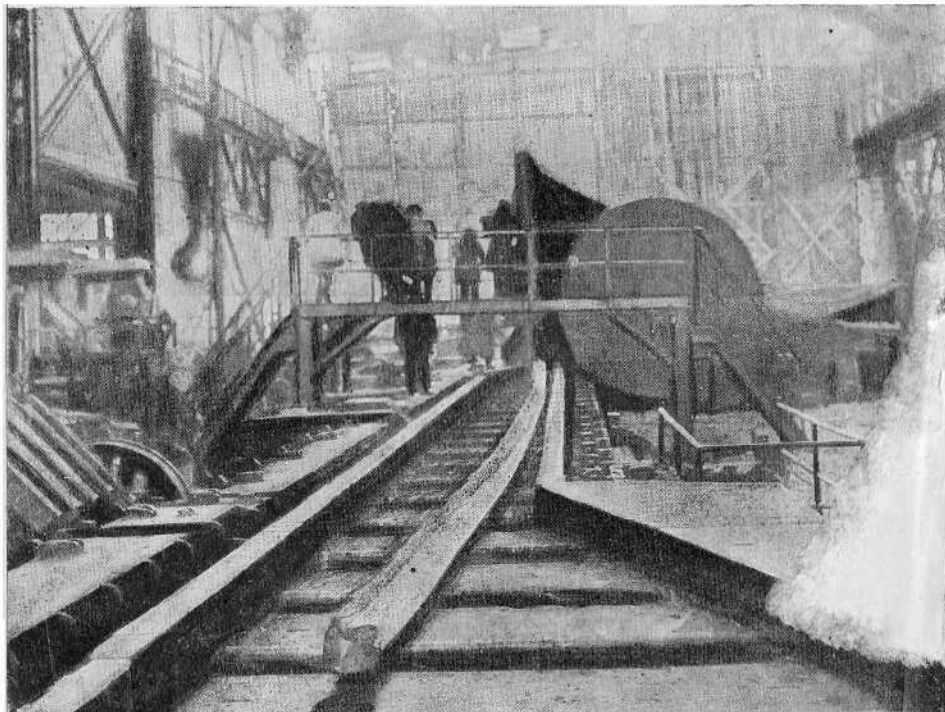
...Ликвидировали одни недоделки — замечали другие... Заканчивали строительные и монтажные работы на одном участке — обнаруживалось, что их остается еще довольно много на другом. ;

До того крепка была у нас уверенность в скором пуске домны, что мы в этом духе слали сообщения Москве. В ноябре из Москвы даже приехала правительственная комиссия для приемки доменной печи и других агрегатов. Возглавлял комиссию начальник Криворожстроя Весник, в комиссию входили многие крупные специалисты. Мы почувствовали себя так словно стоим голые перед врачами. Нас выслушивали, выстукивали, расспрашивали — и мы вместе с комиссией горько признали, что остается еще много доделать. А наступил уже ноябрь — срок, который мы называли, рапортуя Москве о близком пуске печи.

МАРТЕНОВСКИЙ ЦЕХ.
РАЗЛИВКА СТАЛИ В ИЗЛОЖНИЦЫ.
1932 г.

ПРОКАТНЫЙ ЦЕХ. ПРОКАТКА
РЕЛЬС

Помню, как я шутя сказал Веснику, который только приступал к работе на Криворожстрое:

— Вот увидишь, когда у тебя будет туск доменных печей, вероятно, картина будет та же.

По газетам я вижу, что Весник сам теперь на Криворожстрое переживает то же, что переживали и мы...

И он у себя заблуждался, когда думал, что домну можно было пустить за полгода до ее действительного пуска.

Совместно с правительственной комиссией составили план работ, необходимых для задувки доменной печи. Бюро городского комитета партии заслушало сообщение правительственной комиссии, заслушало мой доклад и вынесло чрезвычайно «крепкую» резолюцию. Оттяжка срока пуска домны квалифицировалась, как сознательное введение в заблуждение партийных и правительственных организаций.

Мы получили предупреждение.

Наступила вторая зима.

У нас получила распространение ироническая, а после и ругательная формулировка: «Работа закончена в основном».

Злые языки рассказывали это в лицах так: двое рабочих несли доску от одного места работы к другому. Они дошли до середины своего пути, положили, сели на доску покурить. Один рабочий говорит другому:

— Ваня, дальше носить не надо—в основном уже мы доску донесли...

Все начали понимать необходимость доводить работу до конца, без каких бы то ни было недоделок.

Мы недооценивали двух вещей — «мелочей» и качества. Мы недооценивали необходимости комплексного окончания работ. Это на всем протяжении строительства отняло у нас много времени и средств.

К сказанному надо прибавить, что мы очень остерегались пускать печи зимой, особенно потому, что

дело было в Сибири. Мы опасались, как бы этот пуск не сказался впоследствии на целостности самих агрегатов.

Зима наступала трудная, но это была самая производительная зима на стройке.

Магнитогорцы задули свою доменную печь в конце января. Мы соревновались с Магнитостроем. Вся страна следила за тем, как работаем мы и как работают магнитогорцы. Вся страна следила за тем, какая из двух строек выйдет на первое место в борьбе за УКК. Магнитогорцы нас опередили. Мы стали еще больше нервничать и форсировать пуск домны.

Наступил февраль. Все «встречные забои» подошли к доменному цеху. Поступала магнитогорская руда. Известняк тоже. Значит, руда и флюсы были. Запасы кокса накапливались. Воды достаточно. Ток есть. И воздух.

Опыт работы электростанций и коксового цеха учил необходимости предварительно проверить все агрегаты, все части. Поручили это эксплуатационникам. Многие из них приехали с заводов Донбасса и Урала. Мастера, горновые, подручные, они тосковали по работе, всем надоело бесконечное ожидание давно обещанного «завтра» .

Март стал месяцем напряженной проверки и опробования механизмов.

Наступил и долгожданный день. 30 марта 1932 года начали загружать первую доменную печь.

Огромное паломничество к домне! Пришлось расставить охрану, чтобы дать доменщикам хоть какую-нибудь возможность работать.

1 апреля в 7 час. 50 мин. подали дутье. В 11 час. с газоочистки подали газ для отопления кауперов.

Все ждали чугуна.

2 апреля выдали первый шлак. В тот же день пытались в первый раз пробить чугунную ленку. Неудачно. В ночь со 2 на 3 апреля народ пошел домой немного

вздремнуть, чтобы притти к выдаче чугуна. Наконец, в 6 час. утра 3 апреля доменная печь № 1 выдала: первый чугун — шестьдесят восемь тонн.

Паровоз с ковшами, наполненными жидким чугуном, двинулся к разливочной машине. За ним шла огромная толпа. Все устали от долгого ожидания, от физического и нервного напряжения. Ковши пришли к разливочной машине. Чугун брызгал снопами графитных искр. Под разливочную машину поставлен вагон. Дождем полилась вода, охлаждая красные куски чугуна. Впервые послышались столь знакомые теперь нам всем звуки — равномерные удары чушек чугуна, падающих в железный вагон.

Толпы рабочих и инженеров, заполнивших здание разливочной машины, бросались к вагону, куда падал первый сибирский чугун. Каждый брал по куску чугуна на память о своей напряженной работе, на память о большой победе кузнецкстроевцев.

Утром мы рапортовали ЦК партии, правительству и Наркомтяжпрому: есть сибирский чугун.

Вся страна с величайшим нетерпением ждала нашего чугуна. Достаточно просмотреть газеты за эти дни и напечатанные в них «молнии» многочисленных специальных корреспондентов, чтобы представить себе напряженное внимание к пуску кузнецкой домны.

Отправлялись корреспонденции, начались киносьемки. Для нас же наступала тяжелая будничная обстановка. Началась борьба за то, чтобы чугун давать каждый день, давать столько, сколько нужно по проекту, и нужного качества. Началась борьба за то, чтобы как можно скорее задуть вторую доменную печь, строить третью и четвертую, сдавать в работу мартен и прокат.

Выдача первого чугуна окрылила нас, дала нам силы для дальнейшей работы.

Второго апреля мы выдали первый чугун и решили

на следующий день отпраздновать это важнейшее событие товарищеским ужином. Пригласили выдающихся ударников, мастеров, инженеров, руководящих партийных и хозяйственных работников, инженеров-иностранцев.

Наступил день ударной работы цеха питания. Повара тоже пускали домну! Они соорудили большой торт в форме домны с кауперами и в торжественную минуту зажгли внутри огоньки—«пустили свою домну». Все были радостны. Пили не только квас. Языки развязались, люди оживлялись, становились все веселее.

Но не всем участникам ужина было известно, что утром произошла авария: лопнула линия водопровода, питающая доменную печь. Переключили питание домны на временный водопровод и начали искать место течи. Были мобилизованы лучшие мастера, ударники-рабочие, землекопы, водопроводчики. Больше суток возились они в замерзшем грунте или по пояс в ледяной воде. Нескольким рабочим и мастеру Новикову пришлось нырять в эту ледяную воду.

Наступил вечер. Прямо с места аварии у доменного цеха мы пошли на товарищеский ужин. Во время ужина мне два раза сообщили, что воды нехватает, что может быть придется остановить доменную печь. Все радовались, все выражали искренний восторг победе. Мы же с Бардиным время от времени уходили в доменный цех, чтобы следить, как идет ликвидация первой аварии.

Аварию ликвидировали лишь на следующий день.

Первая авария дала нам сильно почувствовать, как важно не только своевременно окончить работы, но и обеспечить высокое их качество, чтобы не подвергать риску дорогие и сложные агрегаты из-за дефектов строительных и монтажных работ. Поучительный урок! Всякую деталь надо доделывать до конца, всякую деталь проверять, проверять и снова проверять. Только

после этого можно пускать агрегаты и твердо рассчитывать на их надежность.

Комсомольцы решили из первого чугуна отлить специальные плитки и послать руководящим товарищам в Москву. Комсомолец-художник сделал модель барельефа с портретом Сталина и модели некоторых других изделий с надписями. На литейном дворе доменного цеха, еще до выдачи первого чугуна, можно было видеть седого старика с окладистой бородой. Это — мастер-литейщик Фролов. Он решил для большей верности самому заформовать и самому следить за отливкой подарка Москве.

Специальной ложкой набирал Фролов жидкий чугун прямо из литейной канавы и заливал заформованные модели. Подарки были готовы, надо было передать их москвичам.

Я не был в Москве давно: решил лица не казать в Москву, пока не будет чугуна. Чугун есть — можно ехать. За это время накопилась куча дел в Москве.

Во второй половине апреля приехал в Москву. Со мной — два ящика тяжеловесных чугунных подарков.

Первый кузнецкий подарок был вручен тов. Орджоникидзе. С какой любовью и теплотой смотрел он на этот чугун! Он подробно расспрашивал об обстановке пуска, о ходе строительства второй печи. Искренняя радость, товарищеская ласковость чувствовались в его словах. Он вместе с нами радовался первому сибирскому чугуну, на который он сам потратил столько крови, нервов в труда.

ЖЕЛЕЗОМОНТАЖ

Чем дальше подвигались вперед земляные и бетонные работы на стройке цехов, тем шире становил-

ся фронт монтажа железных конструкций. В 1930 г. мы смонтировали тысячу с лишним тонн железных конструкций. В 1931 г. смонтировали уже 21 тыс. тонн, в 1932 г.—26 тыс. тонн. За все время строительства смонтировано свыше 80 тысяч тонн конструкций.

подавляющее большинство конструкций мы изготовили у себя, в своих временных и постоянных котельных мастерских. По количеству изготавливаемых конструкций мы стали одним из крупнейших предприятий Союза. Наладив у себя производство железных конструкций, мы сняли большую нагрузку с заводов Донбасса и Урала, обеспечив в то же время нужные темпы монтажных работ.

На монтажных работах было занято несколько тысяч человек. Почти все рабочие в мастерских и на монтаже были обучены у нас. По своей организованности, дисциплине, преданности работе монтажный коллектив был одним из лучших строительных коллективов Кузнецкстроя.

Здесь нужны были крепкие люди. По предложению инженера Казарновского мы пригласили с Гурьевского завода такелажного мастера Щуплецова. На Гурьевский завод он давно переехал с Урала, кажется, из Надеждинска.

Фамилия явно не подходит к этому человеку. Щуплецов — мужчана крупный, широкоплечий, несколько грузный, с большими черными обвисшими усами. Особенно крупны у него руки. Вне работы он как-будто не знал, куда их девать, куда спрятать.

В Гурьевке он очень любил пчел. Весь заработок тратил на них. Пчелиное хозяйство Щуплецова росло, и на Гурьевском заводе рабочие начали уже косо поглядывать: видно, Щуплецов метит в кулаки...

Но год выдался неудачный, много пчел погибло, и сомнениям гурьевских рабочих пришел конец.

При всей тяжеловесности Щуплецов был удивительно ловок, гибок, а в работе до удивления изобретателен. Призовут, бывало, Щуплецова и скажут ему: — Вот эту железную конструкцию или машину надо поднять туда-то. Дело срочное.

Он сощурит глаз, сообразит и через несколько минут спокойно ответит:

— Что-ж, можно... Сделаем тогда-то.

Положения бывали трудные, иной раз просто головоломные. Работа почти всегда очень срочная. Но Щуплецов всегда с честью выходил из положения. Кто-то в шутку прозвал его «скорой помощью».

С Щуплецовым неизменно работала бригада вышколаженных им такелажников. Днем ли, ночью ли Щуплецов, когда это требовалось, быстро собирал свою бригаду. Смотришь, как работают они на большой высоте и удивляешься: на нем только люди держатся? Как они работают? Пожалуй, любой профессионал-циркач позавидовал бы «трюкам» Щуплецова и его бригады.

Щуплецов всегда на самом трудном и опасном месте. При ликвидации аварий Щуплецов, часто с риском для собственной жизни и жизни ребят из бригады, всегда работал быстро и четко.

Как-то зимой надо было отремонтировать затвор пылеуловителя. Грузный Щуплецов влез туда через люк. Чтобы избежать взрыва газа, пылеуловитель заполнили паром. Мороз был жестокий. Когда через люк стали вытаскивать Щуплецова, то увидели, что вся его одежда, схваченная влагой, обледенела. Из люка вылез ледяной человек и виновато улыбался, как бы извиняясь за то, что смутил народ странной одеждой.

На слетах, на собраниях он чувствовал себя плохо. Сидел неловко на кончике стула. Вся его фигура словно спрашивала: может, пойти что-либо подымять?

Он любил работу, трудную работу. Опасности для

него как будто не было. Шуплецова перебрасывали с одного конца площадки дата другой, с одной работы на другую. Он все делал молча, незаметно.

Когда Шуплецов подал заявление с просьбой принять его в партию и стал на собрании корявыми и сбивчивыми словами объяснять, почему вступает в партию, то рабочие остановили его «речь» аплодисментами.

Начальником котельных мастерских и монтажа был старый партиец, москвич В. Ф. Зубаков, техническим руководителем, технической душой дела — М. И. Плескевич. До Кузнецкстроя Плескевич работал на юге. Он смонтировал прекрасный мост Днепроетроя и много днепростроевских подъемных сооружений.

Плескевич — органический враг всякой кустарщины. В отличие от других участков работ у него был создан крепкий технический отдел. Любую работу он сначала продумывал до конца, составлял на нее технический план и только после этого приступал к делу. Сколько бывало срочных и нужных работ, сколько раз пытались заставить Плескевича делать работу на-глазок, — он всегда отказывался. Обычно сдержанный и спокойный, он при этом начинал нервничать и сердиться.

Нужно сделать срочную работу, призовут Зубакова и Плескевича. Выслушав предложение, они неизменно отвечают: просмотрим заказ в техническом отделе, подсчитаем и тогда скажем, когда можно изготовить и когда смонтировать. Плескевич не терпел обмана и работы «на-глазок».

Работали они так хорошо, организованно и напряженно, что обычно кончали дело раньше, чем сами рассчитывали по нормам.

Взрыв на пылеуловителе (в доменном цехе) сорвал почти весь железный купол. Авария. Надо торопиться. Вызвали Плескевича. Он заявил, что объем рабо-

ты, способы ремонта и сроки его окончания назовет утром—технический отдел будет работать ночью. Хотелось, чтобы сроки были названы сейчас. Плескевич категорически отказался. На утро после проверки положения на месте подсчитали, назвали сроки и, в конце концов, полностью закончили работу на два дня раньше названного срока.

Были трудные, рискованные работы—такие, как подъем второго тяжелого моста с углеподготовки на башню коксовых печей. Надо было поднимать сложные и тяжелые конструкции над зданиями, в которых уже работали дорогостоящие и важные механизмы. Долго пристраивались. Ведь малейшая ошибка могла не только сорвать монтаж,— она ставила под угрозу действующий цех и жизнь многих людей. Готовились внимательно, иной раз долго. Но самый подъем производили незаметно, без шума, легко и просто.

Каждый день с раннего утра высокий, худой Плескевич в кожаной куртке, с неизменной папиросой во рту, медленно шагал по работам. Он сам следил за работами и постоянно требовал тщательности. Он был строг к техническому персоналу, его побаивались, а старые мастера — те даже недолюбливали и критиковали за то, что у него «все уж слишком по чертежам, слишком все продумано в кабинетах». Плескевич всегда заставлял начатую работу доводить до конца, обязательно до самого конца.

На стройке стали шире применять электрическую и газовую сварку металла. В таких масштабах, как у нас, сварочные работы производились впервые в Союзе.

Особенно интересны были сварочные работы на здании газогенераторов мартеновского цеха. Многие предостерегали нас от сварочных работ на таком ответственном здании. Здание было высокое, конструкции сложные. Подсчитали, проверили — преимущество

на стороне сварки. На этих больших работах создались крепкие кадры сварщиков.

Когда в 1933 году проектировали большой проезжий мост в городе для трамвайного и автогужевого движения через реку Абушку, то проектировщики предложили сделать его сварным. Таким его и изготовили.

Большую службу сослужила электрическая и газовая сварка при окончании монтажных работ и при ремонтах: много выгадывали во времени.

Плескевич горячо взялся за сварку, несмотря на сопротивление многих. Разумеется, любые новые сварочные работы начинали только после того, как все было подсчитано, проверено. Так воспитал он весь коллектив: сначала продумать, подготовить всю работу, а после приступить к ней. Это совсем не то, что делают многие строители, которые думают и решают, как вести работу тогда, когда она уже ведется.

Передали «Железомонтажу» постоянные котельные и ремонтные мастерские, находившиеся ранее в ведении главного механика. Почти на целую декаду Зубаков и Плескевич приостановили в мастерских работы — начали там мыть окна, белить стены, разбирать горы старых конструкций, строить будки для мастеров. Многие посмеивались и злились:

— Чудаки. Задумали белить, когда срочных заказов хоть отбавляй.

Но уже через несколько дней после того, как в мастерских был наведен порядок, расставлены люди, точно определены их функции, стало очевидно, что заказы выполняются гораздо быстрее, чем раньше.

Зубаков и Плескевич так спаялись в работе, что никогда не приходилось слышать разговоров об их взаимоотношениях или о распределении функций между ними: один дополнял другого.

Весь коллектив на «Железомонтаже» был крепкий,

технически грамотный, работоспособный. Инженеры Рамбиди, Король, Широков, Чернокуп, Баранов и многие другие беспрерывно работали на изготовлении и монтаже железных конструкций.

Среди монтажников выделялся сподвижник Бардина по Донбассу мастер Воронин, коренастый, с искривленным лицом человек. Воронина не смущали никакие трудности. Он всегда сохранял спокойствие, даже при самых тяжелых условиях, к которым он умел мастерски приспособляться. Он собрал вокруг себя и обучил работе много молодежи. Нынешний хороший котельный мастер, комсомолец Рогов,— его выученик, а таких выучеников у Воронина не мало.

Он любил работу. На стройке доменного цеха он одно время работал вместе с американцами. Воронин больше всего любил «утирать им нос». Обычно молчаливый, Воронин мог подолгу и красноречиво рассказывать «об этих шляпах», которые в деле «ничего не понимают»: они-де мучались, канителились несколько дней с подъемом той или иной конструкции, а вот Воронин и его ребята подняли ее за несколько часов.

На собраниях Воронин обычно отмалчивался и лишь кратко отвечал на вопросы о сроках окончания той или иной работы. Правда, за Ворониным был большой грех— не любил человек новшеств в механизации:

— Сделаем без этих чертежей скорее и проще.

Корявую фигуру Воронина можно было встретить на всех трудных и тяжелых участках. После аварий он был просто незаменимым. Распределял работу, расставлял людей и руководил ими он всегда без крика, без ругани.

Это — типичный кадровый пролетарий-мастер, со смекалкой, с хитрецей. Внизу, на земле, ему было как-то не по себе, зато наверху Воронин — в , своей стихии: несклепанная конструкция качается из сторо-

ны в сторону, даже страшно за стоящих на ней людей, Воронин же там себя чувствует лучше и устойчивее, чем на земле.

Коллектив «Железомонтажа» славился поразительным патриотизмом. Он не терпел несправедливого к себе отношения, обид, он стоял горой за свою организацию, за ее честь, за первое место на площадке — и в производственной и в общественной работе. «Железомонтаж» и добился первого места.

МАРТЕН НАЧИНАЕТ РАБОТАТЬ

В апреле выдали чугун с первой печи, в июле — со второй печи. Работала только одна разливочная машина. Осторожные люди предостерегали от пуска второй печи. Одна разливочная машина, — говорили они, — не оправится с уборкой чугуна от двух печей.

Надо скорей пускать мартеновский цех — этого требует поток чугуна двух домен. Но пустить мартеновский цех — значит не только построить одни лишь мартеновские печи. Надо построить и наладить работу большого обслуживающего хозяйства — механизированный скрапный двор, стрипергаое здание, большое крановое хозяйство (разливочные краны, заливочные, завалочные машины и пр.). Надо закончить и пустить газогенераторную станцию мартена, так как опаздывала подача доменного и коксового газа. Надо подготовить и организовать работу подвижного состава с мульдами, приготовить изложницы с поддонами и, что очень важно, закончить разветвленное путевое хозяйство. Наконец, следовало опробовать и сдать в эксплуатацию электроснабжение, водоснабжение и канализацию цеха.

Готовились мы пускать лишь одну мартеновскую печь, а подсобное хозяйство все равно создавалось по

расчету частью на все 15 печей цеха, частью на 7—8 печей.

...Руководил строительством мартеновского цеха молодой инженер М. А. Макаров. Худой, всегда аккуратно одетый, скромный и тихий, хороший строитель, он всякое дело доводил до конца. Дисциплинированный и требовавший дисциплины в работе от других, он сумел в отличие от других пусковых цехов сохранить выдержку, спокойствие, работать без суеты и шумихи в самые трудные дни и часы—накануне пуска и во время самого пуска. Он сумел так организовать несколько тысяч строителей мартена, что они работали не только напряженно, но и доброкачественно.

Стройку мартеновского цеха обслуживали большие цехи—железомонтаж, механомонтаж, электромонтаж, земжелдорстрой и др. Это обязывало мартеновцев организовать во времени свою работу и работу всех этих обслуживающих цехов. Вместо обычной драчливой обстановки, взаимных попреков, сваливания друг на друга вины за опоздания Макаров сумел — а это тогда было чрезвычайно важно — поставить работу так, что между всеми работавшими цехами были налажены хорошие деловые отношения. В отличие от других строительных участков нам не приходилось здесь улаживать конфликты и недоразумения.

Макаров, скромный человек, всегда терялся, делаясь незаметным при виде «чужих людей». На собраниях он обычно говорил невразумительно, конфузился, комкал речь. В разговорах со мной, Бардиным и другими руководителями частым и привычным его выражением было:

— Слушаюсь. Будет сделано.

И делал.

Даже в момент пуска цеха, когда выдавали первую сталь, и Макаров с другими мартеновцами видел результат своей трехлетней напряженной работы, он

уже в торжественные минуты стоял где-то в углу, конфузясь большого количества народа, опасаясь, очевидно, того, что его возьмут да и похвалят.

За несколько месяцев до пуска мартена Макаров стал работать уже из последних сил. Он был болен. Ему трудно было ходить, ему тяжело было проводить на стройке круглые сутки. Ни мне, ни другим он ничего о своем здоровье не говорил. Узнали мы об этом случайно. Вскоре после пуска мартена я вызвал Макарова и предложил поехать на курорт. Он ответил обычным ровным голосом:

— Слушаюсь. Поеду.

...Кузнецкстроевцы в отличие от других строек, в частности Магнитной, все время боролись за законченный производственный цикл: кокс—чугун—сталь—прокат. Даже в момент наибольшего напряжения, в период пуска ЦЭС, коксового и доменного цехов, ни на йоту не ослабляли работы на мартенах и прокате.

Это требовало большой выдержки. Многие старались тащить нас на иной путь: сначала чугун, а там — как выйдет. Но Кузнецкстрой все время, начиная с 1930—31 гг., упорно боролся за полный производственный цикл. Сейчас на очереди стояла задача как можно скорее пустить мартен, чтобы успеть наладить производство стали до того, как будут пущены блюминг и рельсобалочный стан.

С весны 1932 г. на стройке мартеновского цеха работало несколько тысяч человек — они «подтягивали концы». А «концов» было много. Опыт пуска других цехов предостерегал от пуска мартена с недоделками.

В августе опробовали и пустили газогенераторную. В августе же начался разогрев, а затем наварка подины первой печи. Эксплоатационники стали на вахту. Они делались хозяевами цеха. Это подтягивало строителей и монтажников, у которых была тьма работы. Не забудем, что мартеновский цех отличался от дру-

гих цехов еще и тем, что даже в решающие дни — особенно перед пуском — он строился по всему фронту первой и второй очереди: продолжался монтаж, оканчивались другие печи — вторая, третья и т. д.

Десятого августа первая мартеновская печь была поставлена на сушку. 26 августа дан газ. 18 сентября сделана завалка. Началось лихорадочное-ожидание стали.

Деятнадцатого сентября, в 4 часа дня, появилась первая кузнечная сталь. Мощная струя металла полилась в подставленный стопятидесятитонный ковш. Скоро он наполнился. Подъехал 220-тонный кран, легко поднял ковш кверху и двинулся к расставленным на тележках изложницам...

Высокое здание мартена, все его уступы и площадки были полны народа. По команде мастера струя стали потекла в изложницы. Изложница за изложницей заполнялись брызжущей искрами сталью. Подошел паровоз. Раскалившиеся изложницы увезены в «раздевальню» — в стриперное здание.

Это было уже к вечеру. Все ждали того момента, когда вылупится сталь из чугунной смирительной рубашки. Кран поднял первую изложницу и начал выталкивать из нее болванку. Долго возился неопытный и взволнованный крановщик. Многие его поощряли, громко подсказывали, командовали им. Все взволнованы, всем хочется поскорее увидеть сталь.

Первый блин вышел комом. Возился крановщик, возился и уронил почти раздетую болванку вместе с изложницей на пол. Загорелось несколько валявшихся вблизи досок.

После этой первой осечки раздевание пошло спокойно и организовано. Высокие семитонные болванки, красные, когда снимали с них чугунную одежду, становились правильным строем одна за другой.

Первый состав стали был готов пойти на блюминг.

Пуск мартеновского цеха показал, что мы кое-чему

научились. Цех вступил в эксплуатацию со значительно меньшим количеством недоделок и значительно более готовым, чем другие более старые цехи. Жизнь научила многому. Впрочем трудности наладки производства, трудности освоения цеха были еще впереди.

Первая мартеновская печь начала набирать темпы. Вторая была поставлена на сушку и 30 октября выдала первую плавку. Стальные болванки начали накапливаться недалеко от здания блюминга. Теперь мартеновский цех слитками-болванками наступал на прокат. Надо было закончить последнее звено производственного цикла комбината.

СИБИРСКИЕ РЕЛЬСЫ

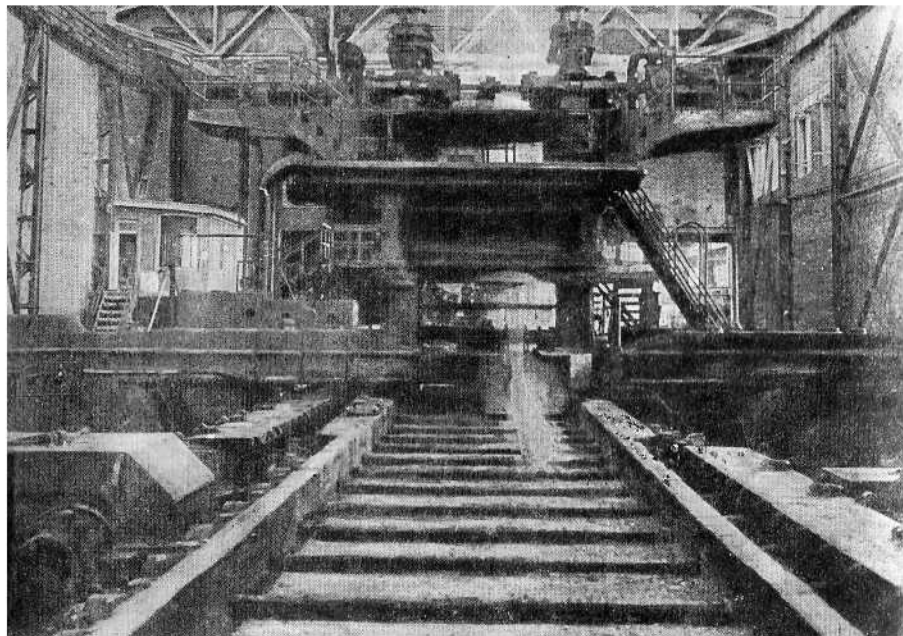
Прокатный цех начали строить позже всех других цехов. Это было вызвано тем, что запоздало проектирование и размещение заказов на оборудование. Еще весной 1931 г. на площадке будущего прокатного цеха мирно пощипывали траву лошади и коровы.

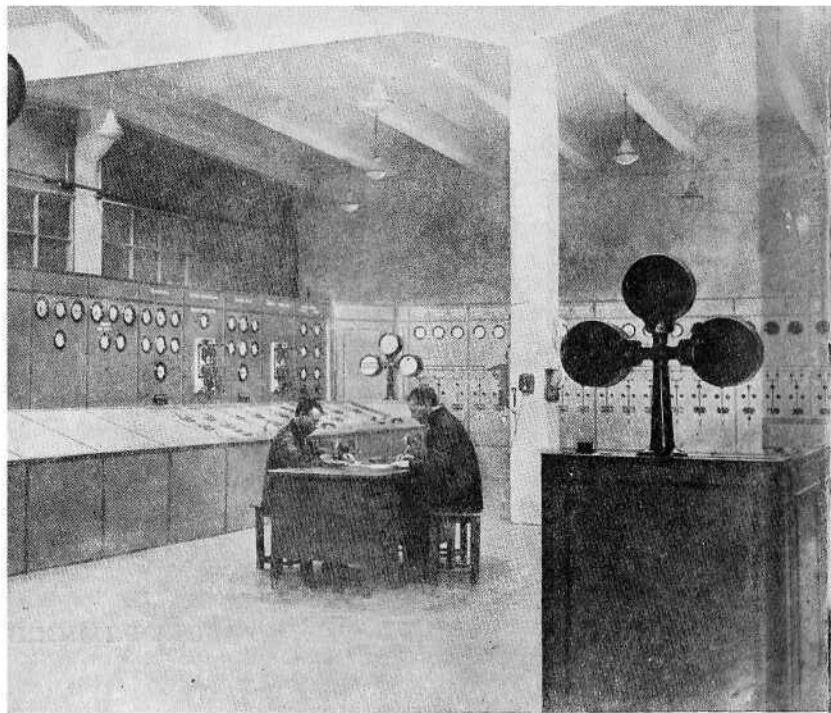
Брудный, ведавший организацией и механизацией строительства, рационализацией производственных процессов, тяготился своей профессией «подсобника». После некоторых сомнений — сумеет ли он, экономист, справиться с большой организационно-производственной задачей—мы назначили Брудного начальником строительства прокатного цеха.

На его территории не только пасся скот, там расположилось множество землянок. Началось переселение. Брудный «оккупировал» несколько освобожденных землянок под контору, кузницу, склад материалов.

Строить цех начали только во втором квартале. Все же удалось до конца года уложить почти 31 тыс. кубометров бетона, начать огнеупорную кладку и монтаж железных конструкций.

РАБОТА БЛЮМИНГА

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ШИТ
ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ. 1933 г.

На том месте, где надо было заложить фундамент блюминга, рос куст черемухи. Чья-то бережная рука огородила куст несколькими досками. Трудно было представить себе, что уже через год на месте куста черемухи будет стоять и обжимать металл один из мощнейших в мире блюмингов.

Площадку прокатного цеха разрезала на две части речушка Конобейника. Пришлось взять речушку в трубу. Работа шла всюду одновременно: сооружались нагревательные колодцы, строилось здание блюминга, моторное помещение блюминга, моторное помещение рельсобалочного и самый рельсобалочный цех.

Сомнения насчет Брудного скоро рассеялись. Брудный оказался не только хорошим организатором и человеком напористым, — он сумел овладеть техникой дела. Уже к концу 1931 года все инженеры считались с техническим мнением Брудного, уже в 1932 г. он сам решал — и правильно решал — технические вопросы.

Брудный умел заботиться о людях и сплачивать коллектив. Он организовал столовую для рабочих, распределители, починочные мастерские. Он всех знал, и его все знали и любили. Десятников, техников, молодых инженеров он подтянул к цеху, связал пришедший недавно на стройку разнородный и разношерстный народ в единый и крепкий коллектив прокатного цеха.

И текучесть рабочих здесь была меньшей и любви к своему, цеху больше, чем на других участках. Лучшую бригаду бетонщиков площадки — бригаду Стаскжа — и много других организовал и выпестовал Брудный.

...Из тюрьмы был освобожден и направлен на Кузнецкстрой бывший вредитель, известный инженер С. Ходил он подавленный, в глаза не смотрел, почти не разговаривал. На мое предложение — пойти на прокатный цех, он коротко ответил:

— Что-ж, можно. Попытаюсь поработать.

Спаянность прокатчиков, нарастающие темпы работ, внимательное отношение Брудного — все это изо дня в день меняло отношение инженера С. к работе. Через несколько месяцев он стал работать с увлечением, поставил и разрешил много интересных технических вопросов по части организации и подготовки монтажа. Увлеченный общим нарастающим подъемом, инженер С. работал все более активно. Это был всем заметный, интересный и быстрый процесс перерождения.

— Я чувствую,—говорил мне С.,—что вновь становлюсь работником, становлюсь новым человеком. Этим я обязан партийным руководителям, которые мне помогли в работе, доверили: дело, несмотря на мое прошлое.

...Начиная с конца 1931 г. стало поступать оборудование для прокатного цеха. В иные дни приходили целые маршруты. Все это надо было разгружать, сортировать, маркировать, готовить к монтажу. А монтаж предстоял большой, серьезный — механический и электрический.

Летом 1932 г. прокатный цех стал «бенефициантом». Туда мы бросали все больше людей и материальных ресурсов. Надо было до наступления холодов окончить строительные работы, утеплить здание, кончить монтаж, начать опробование механизмов.

После того, как первая мартеновская печь была поставлена на сушку, прокатчики стали работать напряженно и непрерывно.

Электрики — начальник работ Кайтанович, коммунист монтер Губернаторов — помногу дней не выходили из цеха. Электрическое хозяйство прокатного цеха довольно сложно, число моторов здесь очень велико, механизмов больше, чем в каком-либо другом цехе.

22 сентября подстанция блюминга дала ток.

Одновременно с монтажом шло частичное опробование механизмов: кранов в здании нагревательных колодцев, других частей прокатного, отдельных моторов. Тут же исправлялись замеченные дефекты.

Вот уже октябрь. Заморозки. Работать труднее. Надо закрыть цех от снега. Все силы двинуты на эту работу.

Монтажники ругали строителей, эксплуатационники — монтажников. Опаздывали с подачей газа, — подгоняли газопровод. Сумеет ли во время — к октябрьским праздникам — подать газ? А вдруг нет? Придумывали, как обойтись без газа, Можно ли обойтись?

Большой, шумный муравейник...

Мы обещали Москве, что к четырнадцатой годовщине Октября впервые в Союзе будет работать новый мощный блюминг — и будет работать в Сибири, в Кузнецке. Надо выполнить обещание.

Запасы стальных болванок накапливались. Скоро начнет работать третья мартеновская печь.

1 ноября были пущены 752 мотора рольгангов блюминга мощностью в 25 тысяч киловатт. Прокатный цех начал жить. 3 ноября нагревательные колодцы были уже разогреты и загружены стальными болванками.

Наступило 5 ноября — день, назначенный для опробования и пуска блюминга. С утра у цеха толпился народ. Приехали гости из краевого центра во главе с секретарем крайкома т. Лаврентьевым, прибыли делегации рабочих с соседних угольных шахт. Волновались спецкоры газет. Фоторепортеры и кинооператоры бегали от колодцев к блюмингу, оттуда — в моторное помещение. Прокатчики тщетно напускали па себя внешнее спокойствие.

Брудный уже давно перенес свою койку в прокатный цех. Много дней и ночей подряд весь руководя-

щий технический персонал безвыходно находился в цехе. Даже иностранные монтеры — американцы и немцы — заразились общим настроением. Им, как и всем, хотелось, чтобы прокатный цех начал, наконец, работать. Впрочем американцы-консультанты фирмы Фрейн настаивали на том, чтобы отложить пуск.

Днем 5 ноября первая нагретая болванка из колодца подается к блюмингу. Прокатчики спорят — достаточно ли она нагрета? Болванка идет в блюминг. За ней — следующая. Раскаленная обжатая болванка уползает по рольгангам. Блюминг работает.

Вечером торжественное собрание—октябрьская годовщина. Прокатчики, еще не умытые, усталые, с красными, воспаленными от долгой бессонницы глазами, рапортовали о победе.

Цикл завершился. Мы выходили с собрания радостные, готовые к новой работе. Прокатчикам надо торопить пуск рельсобалочного стана.

...Бардин выдержал жестокую борьбу со всеми консервативными элементами за американский, действительно совершенный прокатный цех. Он крепко любил прокат и всегда ласково смотрел на прекрасное и мощное его оборудование. Сияя он говорил:

— У нас будет один из лучших цехов не только в Союзе, — он будет не хуже, чем рельсобалочный на американском заводе Гери, где я работал.

В декабре, поздно вечером, Бардин пошел в прокатный цех. Он боялся, что валки не будут готовы к опробованию рельсобалочного стана, что выдачу рельсов задержит опоздание рельсоотделочной мастерской.

В цехе освещались только те места, где велись работы. В остальных местах — темно. Перепрыгивая с рольганга на рольганг, Бардин оступился и попал в глубокую семиметровую железобетонную канаву, заваленную железом и всяким строительным хламом.

—У меня, — рассказывал он потом, — сразу потемнело в глазах. Я попробовал встать, хотел вылезть, но чувствую, что ноги не действуют. Боль становилась все сильнее.

Прошло немало времени, пока среди шума работ были услышаны крики Бардина. Его на носилках понесли домой. Он сломал одну ногу и тяжело ушиб другую.

Утром я зашел к нему. Он был несколько смущен. Неудачное падение казалось ему недопустимой оплошностью:

—У нас в семье все падают и все ломают себе ноги, — с иронией говорил он. — Видно, и мне это на роду написано. Жаль, староват — теперь не скоро заживет. А главное, неприятно в такое время пластом лежать.

Бардин долго лежал в постели с загипсованной ногой. Он страшно тяготился этим. Ему хотелось скорее на работу, к любимому делу. Он велел поставить возле кровати телефон. К нему стали приходиться с докладами.

Уже были выданы первые рельсы, а Бардин все еще лежал с переломанной ногой, прикованный к постели.

Прокатчики получили короткую передышку только в дни октябрьских праздников. Началась страдная предпусковая и пусковая пора на рельсобалочном цехе. При опробовании было несколько поломок, пришлось тут же чинить. Калибровка валков оказалась неправильной — их надо было подтачивать. Инструмент имелся в недостаточном количестве и требовал переделки.

25 ноября закончили опробование электроустановок рельсобалочного цеха. 29 ноября опробовали и пустили стан «900». 30 декабря начали работать станы «800» и «750». Кузнецк выпустил первые рельсы.

В передовой, посвященной Урало-Кузнецкому комбинату, ЦО партии «Правда» писала (декабрь 1932 г.):

«Рельсы в Сибири! Столетиями дворянско-купеческая Россия не могла овладеть богатствами этого края. А в течение каких-нибудь 2—2½ лет в Сибири выросли две домны, в мартенах плавится сталь, работает гигантский блюминг, мощные рельсобалочные станы приступают к прокатке рельсов, которые проложат новые пути в новые районы Сибири. При каком строе это возможно! И какая страна, даже из тех стран, которые имеют за собой больше сотни лет развития промышленности, может мечтать о подобных скачках вперед!»

Поздно вечером 30 декабря, измученные, усталые прокатчики пошли домой отдыхать. Поздней ночью, часа в 2—3, раздалась пожарная тревога. Загорелись временные деревянные конторы и мастерские монтажников, расположенные рядом с моторным помещением рельсобалочного. Они вспыхнули и моментально превратились в огромный костер.

Сильный ветер перебрасывал искры и куски горящего дерева. Огонь перекинулся в моторное помещение рельсобалочного. Крыша на этом здании деревянная. А в моторном помещении стояло дорогое импортное электрооборудование, которое боялось не только огня, но и воды. Надо было во что бы то ни стало уберечь это многомиллионное богатство.

Несмотря на глубокую ночь, рабочие, инженеры, техники бросились спасать моторное помещение. Оборудование покрыли мокрыми брезентами. Тушить водой было нельзя, чтобы не испортить электрооборудование. Наверху люди, забравшиеся на крышу высокого здания моторного помещения, чуть ли не собственными телами преграждали путь огню. До самого утра длилась борьба с пожаром.

Крышу немного повредило, но все здание со сложным оборудованием и электроаппаратурой было спасе-

но. Строители проката прошли последнее горячее испытание— испытание огнем...

Коллектив строителей быстро разрастался. Установить, кто и откуда приехал—было довольно трудно, даже невозможно. Опасность угрожала отовсюду, она как бы выпирала из всех щелей. Кузнецкстрой, имеющий огромное значение в хозяйстве страны, привлекал внимание врагов. Враги не упускали удобных для себя случаев. Перебои в снабжении хлебом, нехватка продовольствия, запоздание в выдаче зарплаты, неурядицы в работе казаков, — враждебные элементы тут же, как по мановению дирижерской палочки, начинали агитацию в очередях, в бараках.

Тщедушный, физически слабый, низенького роста—таков внешний вид нашего начальника ГПУ Анастасенко. Он в свое время был партизаном на Дальнем Востоке, где-то в районе Киренска. Кончилась гражданская война, и Анастасенко перешел на работу в органах ОГПУ. На Кузнецкстрой он был назначен весной 1930 года. Обстановка требовала большого напряжения. Анастасенко, несколько лет проработавший на Кузнецкстрое, отличался удивительным знанием стройки, он тщательно изучал ее и глубоко любил. Во всей своей деятельности и деятельности своих сотрудников—а приходилось им трудновато—он прежде всего исходил из того, как бы лучше обеспечить строительные работы и обезопасить их.

Зимой 1931—32 года пожары стали особенно частым явлением на Кузнецкстрое — и на промышленной площадке и в жилых домах. Пожары обычно начинались почти в одно и то же время — глубокой ночью.

Всегда им предшествовала порча водопровода.

Как-то под утро одновременно с , нескольких концов загорелся дом, в котором жили американские специалисты. Через несколько часов от дома остались обгоревшие головни. Американцы выскочили из горевшего дома в одном белье. Спустя два-три дня, тоже под утро, загорелся другой дом, заселенный немецкими специалистами. Дом наполовину сгорел.

Вскоре ГПУ обнаружило организацию бандитов-поджигателей. Были схвачены непосредственные исполнители. Арестовали счетовода из кооперации. Скромненький счетовод, оказалось, прекрасно говорит на многих европейских языках и недавно прибыл на стройку из-за границы. Поджигатели сознались, что пожар рельшбалочного цеха был делом тоже их рук. Помню, какие волнения и мучения испытывал Анастасенко до того, как ему удалось раскрыть бандитскую шайку. Он не спал ночами — искал и распутывал паутину, сплетенную бандитами.

Таких фактов много. Не обо всех можно теперь говорить.

На Кузнецкстрой были присланы и работали осужденные инженеры-вредители. Задача заключалась в том, чтобы роздать им надлежащую обстановку в работе и обеспечить плодотворную деятельность тем из них, кто действительно раскаялся в своих преступлениях против родины и хочет честно работать. В этом серьезном деле Анастасенко, проявляя большой такт, оказывал нам большую помощь.

Всеми фибрами души он ненавидел врагов стройки. Когда он гневался, , куда-то исчезал его низенький рост, он становился большим, грозным и беспощадным. Возмущенный и весь дрожа, он как-то рассказывал о поведении бывшего начальника военизированной пожарной охраны, который, как обнаружилось, имел прямой задачей и целью организовать разрушительную работу на стройке.

— Подумай только, — говорил мне Анастасенко, — какая опасность нам грозила! В один прекрасный день мы могли быть подожжены со всех концов.

Много малых и больших преступлений на Кузнецкстрое было вскрыто нашим ГПУ. Много преступных враждебных элементов было им изъято.

Преданные делу рабочие стали все больше и больше появляться в ГПУ и помогать ему. И надо было слышать на собрании в годовщину ВЧК-ОГПУ, с каким волнением говорили рабочие о своем ГПУ, защищающем стройку от классовых врагов.

Враждебные, преступные элементы на площадке, боялись и ненавидели ГПУ. Рабочие любили его. Это — большая заслуга Анастасеико и крепкого коллектива кузнечан-чекистов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИНОСТРАННЫЕ ИНЖЕНЕРЫ НА СТРОЙКЕ

Кузнецкстрой должен был построить цехи и агрегаты, подобных которым по мощности и техническому совершенству не было в Союзе. Правительство решило пригласить американскую фирму Фрейн для проектирования, выбора оборудования, участия в строительных работах, для подготовки к пуску и руководства самой эксплуатацией в первое время. Первоначально предполагалось, что инженеры этой фирмы будут руководить всеми работами, а советские инженеры и техники будут лишь помощниками, исполнителями.

Первая группа американских инженеров приехала на Кузнецкстрой осенью 1930 г. В качестве старшего инженера-строителя приехал некий мистер Бэр. С ним — группа инженеров, главным образом строителей; проектировщики поехали в Москву, где Гипромез проектировал основные цехи нашего завода.

Управлять американцам не удавалось не только потому, что они не знали языка — они не знали наших условий, не умели организовать рабочих. Мы тогда были бедны механизмами и материалами, рабочие были чрезвычайно низкой квалификации. Естественно, что американцы становились вместо командиров и руководителей техническими консультантами, советниками.

В частых беседах со мной м-р Бэр указывал на безнадежность и затяжной характер работы, которую мы ведем.

— Вы, — говорил он, — не представляете себе тех объемов работ, которые надо охватить. Вы не учитываете, какое напряжение и какие огромные средства требуются, чтобы выполнить работу в намеченные сроки. Даже у нас, в Америке, такие сроки, какие вы себе назначили, даются не легко. А ведь у нас сколько угодно материала, и рабочие такой квалификации, о которых вы и мечтать не можете.

Я отвечал ему, что мы, конечно, постепенно улучшим материальное положение стройки, наладим снабжение механизмами и строительными материалами, но резко изменить человеческий состав на стройке не можем. А намеченные сроки должны выдержать.

Работа продолжалась. Мы требовали все больше работы и от советских руководителей и от американцев.

Летом 1931 г. во время монтажа железных стропил на электростанции был придавлен насмерть американец мистер Хэлль. Это произвело тяжелое впечатление на американцев, хотя ответственность за монтаж стропил нес Хэлль — он сам руководил этими работами.

Однажды Бэр попросил меня назначить ему время для разговора. Он пришел и после небольшого предисловия взволнованно обратился ко мне:

— Я понимаю вас, господин Франкфурт, когда вы говорите о том, что в такой-то срок пустите домны и мартены. Это, вероятно, нужно вам по политическим соображениям. Это, вероятно, нужно вам для целей, которые мне неизвестны. Но я этого не знаю и не хочу знать. Я приехал не для политики. Должен вам, как честный человек, сказать: я и многие другие американцы получаем свои деньги зря. При таком снабжении материалами, с такими рабочими ничего у вас

не выйдет. По крайней мере, вы, как руководитель, должны себе отдавать в этом ясный отчет,

Не одни лишь американцы полагали, что нам не удастся пустить цехи в намеченные сроки. На коксовой батарее работали французы, инженеры фирмы Дестикок. Мосье Луи, вылощенный француз, все время говорил, что с нашими людьми, при тогдашнем, состоянии работ и материального снабжения дело затянется на очень долгое время. Когда я потребовал, чтобы Луи точно фиксировал срок пуска коксовых батарей, он Заявил, что сделать этого не может: он отвечает за качество произведенных работ, и поэтому каких бы то ни было сроков называть не станет.

Приближались намеченные нами сроки пуска. Мы стали предъявлять все большие требования к иностранным инженерам, в первую очередь — к американцам. Бэр пришел ко мне и, сильно нервничая, сказал:

— Вы продолжаете настаивать на сроках, а я вижу действительное положение дел. Я — человек честный. Я получаю деньги за работу, даром получать их не желаю. Разрешите мне уйти и потребуйте от фирмы, чтобы она назначила другого инженера.

Бэра мы отпустили. Отпустили и других американских инженеров, которые не могли или не хотели работать.

Весна 1932 г. Приближался срок пуска доменного цеха. Все обслуживающее хозяйство его — вода, электрический ток, воздух, пути — было готово или заканчивалось. Шли к концу работы и на самой домне.

Мы созвали совещание, на которое пригласили американцев. Американцы высказались против пуска домны, считая это рискованным. Они требовали отложить пуск домны еще на несколько месяцев.

После совещания главный инженер фирмы м-р Эверхард потребовал у меня свидания и заявил, что он снимает с себя всякую ответственность за послед-

ствия, которые могут произойти от преждевременного пуска домны. Он оставил мне соответствующее письменное извещение.

— Если, мол, вы будете настаивать, то мы можем принять участие в IV пуске, но, по нашему мнению, надо отложить; лучше пустить на несколько месяцев позже, но не подвергать риску самую доменную печь.

— И зачем вы торопитесь? — спрашивал меня Эверхард. — Не все ли равно, пустите на несколько месяцев раньше или позже? Необходима большая осторожность!

Печь задули. Выдали первый чугуна. Два дня и две ночи — с момента задувки до выдачи чугуна — люди площадки — рабочие, инженеры, руководители, партийные и профессиональные работники — не уходили с доменной печи. Вся страна с любовью и волнением следовала за первой победой Кузнецка. У печей работали наряду с нашим персоналом американские инженеры и мастера.

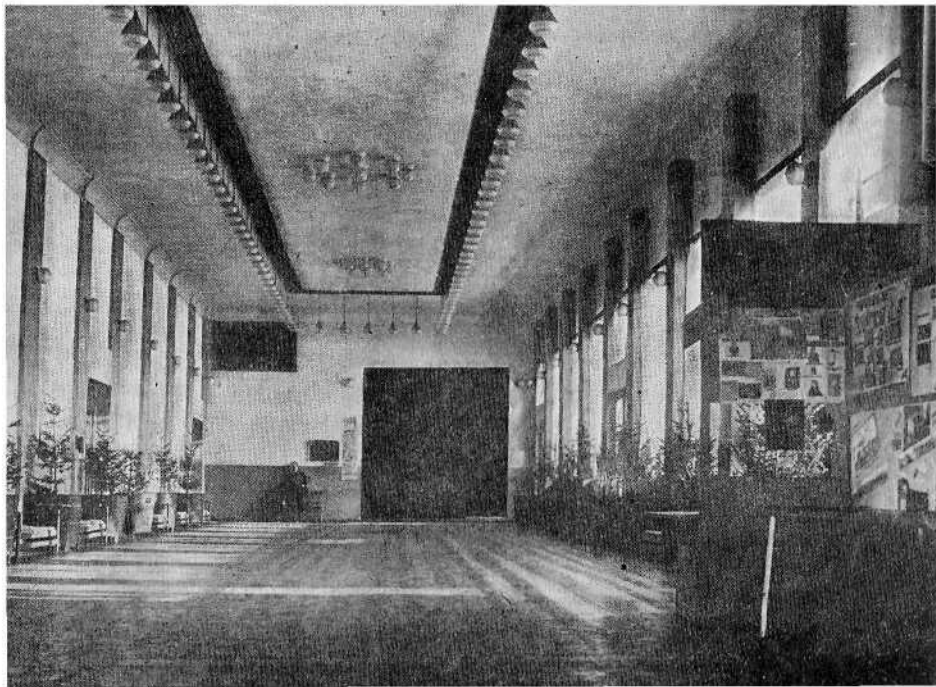
3 апреля 1932 г. выдали первые 68 тонн кузнецкого чугуна. Несмотря на раннее время — 5—6 часов утра — тысячи рабочих с блаженными лицами, с радостными улыбками стояли возле разливочной машины. Не успел еще чугуна остыть, как все бросились к нему, стараясь взять на память кусок первого чугуна. Паломничество на доменную печь продолжалось в течение многих дней — ходили рабочие, инженеры, служащие, с женами и детьми.

Это был истинный праздник, истинная победа людей, которые видели, физически осязали результат той огромной работы, полной жертв и лишений, которую они, не зная отдыха, вели в течение многих дней и ночей.

Американцам сначала все это казалось необычным. Но они начали понимать, что пуск доменной печи у нас — не то же самое, что они до сих пор видели у

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ТЕАТРОМ.

ФОЙЕ ТЕАТРА

себя в Америке. Это — не только выгодная калькуляция чугуна, обеспеченные заказы при хорошей конъюнктуре рынка, большие прибыли хозяевам. Это — совсем иное!

Через несколько дней я встретился с американцами. М-р Эверхард мне сказал:

— В эти несколько дней мы видели, что пуск печи стал народным праздником. Это — крепкая политика советского правительства. Теперь мы понимаем, почему вы торопились, почему вы форсировали работы. Ваши люди на другой день после пуска домны стали работать еще дружнее и лучше. Они видят реальные результаты своей работы.

Но настроения — настроениями, а бизнес — бизнесом. Через несколько месяцев, когда мы должны были задуть вторую доменную печь, американцы опять предупредили нас, что снимают с себя ответственность, что они не могут в таких условиях гарантировать бесперебойную работу печи. Лучше, конечно, отложить!

Американцы формально несли ответственность за доменную печь, и они предпочли... никакой ответственности не нести.

Работало у нас много иностранных монтеров: американцы, немцы, англичане, французы, итальянцы. С ними приходилось крайне тяжело, особенно во время монтажа ЦЭС, где их было много. Видя, что мы во что бы то ни стало хотим скорее кончить монтаж, и пустить агрегаты, они нас всячески шантажировали, иной раз даже не пытаясь замаскировать рвачество. То сегодня обед в столовой невкусный, то нехватает каких-то продуктов, и они бросают работу, выставляя непомерные требования. Особенно отличались этим немцы, среди которых были заводилы-фашисты. Пьянствовали монтеры часто и напивались до безобразия.

Однажды летом 1931 г. я был свидетелем такой картины. На Верхней колонии перепившиеся немецкие

монтеры, без пиджаков, устроили на улице шествие, Шло человек 20 гуськом один за другим. Многие из них несли на руках играющие патефоны, другие тут же танцевали.

Они зарабатывали хорошо, пьянствовали и забавлялись как могли. Доходили до драки, стрельбы. Однажды они бросили работу и прислали делегацию требовать возвращения уволенных за слишком веселое поведение уборщиц общежития. Они совсем обнаглели. Я заявил им, что они могут немедленно убраться, что я прикажу сегодня же выдать им паспорта. Это было в разгар монтажа. Они, правда, тут же: вышли на работу, но многих из них мы вскоре отослали обратно в Германию.

Выгнанные, они у себя в газетах писали, конечно, об «ужасах большевизма» и плели всякие пьяные фашистские небылицы.

Вначале мы были чрезвычайно робки и неуверены в своих силах. Но по мере того, как овладевали и организацией и самой техникой дела, мы становились крепче, все больше могли рассчитывать на своих работников. ореол всезнайства, ореол непогрешимости иностранцев постепенно рассеивался. Они это чувствовали. Многие инженеры, присланные американцами, — люди, которым мы платили большие деньги в иностранной валюте,—вообще-то оказались мало сведущими, мало знающими. Многих мы отстранили от работы, отослав обратно в Америку.

В сентябре 1932 г., ко времени пуска первой мартевской печи, у нас уже накопился опыт работы электростанции с воздухоудувкой, коксового цеха, домны. Мы подготовились значительно лучше. Теперь уже американцы не протестовали против пуска. Это был первый случай, когда в экстлоатацию пошел агрегат, и иностранцы не заявляли, что они снимают с себя ответственность.

Впрочем это объясняется еще и тем, что мартеновщиком от американцев был м-р Вэйль, сочувствующий нам человек. Он так же, как и наши, строители, монтажники, эксплуатационники, провел большую подготовительную работу и интересовался своевременным пуском мартена.

— Ничего, — говорил мне Вэйль. — В военное время, когда рынок требовал ехали, мы в Америке пускали мартены еще в худших условиях! Работать Можно и работать будем! А некоторые недостатки придется устранять во время работы.

Вэйль совместно с нашими инженерами не только пустил первую, а за ней и другие мартеновские печи, но обучал наших людей работать на больших мартенах. Он понял наше строительство, он почувствовал наших людей. Впоследствии Вэйль уехал в Америку, но вскоре вернулся и теперь продолжает работать на заводе. С первого же дня дело пошло гладко и дружно, без особых задержек. Ктому времени уже отрегулировалась работа электростанции, наладилось водоснабжение и железнодорожное хозяйство. Мартеновщикам было значительно легче, чем коксовикам и доменщикам.

Иностранцы оказали нам большую и серьезную помощь в проектировании комбината. Общий план завода, расположение всех цехов—это сделано при участии американцев. Много помогли нам иностранцы в разработке проектов расположения доменного и мартеновского цехов, самих агрегатов—доменной, мартеновской печи, механизации трудоемких процессов.

Иностранные специалисты участвовали не только в проектировании завода; но и в выборе оборудования для него. Многого мы не знали. Кроме того, надо было рассеять подозрительное отношение некоторых наших проектировщиков, к новым типам оборудова-

ния. Совершенным оборудованием завода мы б значительной мере обязаны иностранцам.

На строительных работах иностранцы мало себя проявили. Объясняется это тем, что они: не знали наших условий и не могли поэтому организовать людей. Но и здесь они нам помогли — в механизации строительных работ. Одни из наших инженеров не знали, как механизировать строительные работы, у других не было вкуса к механизации. В последующем знания и опыт иностранцев сослужили нам хорошую службу при пуске отдельных цехов завода, особенно доменного и мартеновского.

...Первая сталь была разлита в семитонные изложницы. В стриперном, здании вынуты болванки. Наступала очередь блюминга. Кузнечане должны были пустить первый мощный блюминг Союза.

Отставали строительные и монтажные работы. Опаздывала подача доменного и коксового газа в нагревательные колодцы. Не было еще отрегулировано механическое и электрическое оборудование блюмингах Немцы, работавшие на монтаже блюминга, американцы фирмы «Дженераль-Электрик», занятые монтажом электрооборудования работали хорошо, и здесь инженеры комп. Фрейн выдвинули лозунг: «лучше подождать».

— У вас, — говорил мне Эверхард — нет людей, которые не то, что работали бы на блюминге, а хотя бы видели его вблизи. Надо закончить доделки. Лучше отложить и подготовиться... Мы не можем взять на себя ответственности...

Это было в октябре. Прокатчики, строители, монтажники, электрики работали, не уходя по нескольку дней из цеха. Люди делали все, чтобы встретить пятнадцатую годовщину Октябрьской революции с работающим блюмингом.

Третьего ноября в нагревательные колодцы прокат-

ного цеха подали болванки. 5 ноября пустили блюд минг. Впервые в Союзе были обжаты семитонные стальные болванки.

Отрегулировав оборудование при горячем опробовании, наши работники овладевали одним из мощнейших и сложнейших агрегатов мировой техники. Последовавший затем пуск рельсобалочного стана мы провели уже более уверенно. Ведь у нас был уже опыт пуска блюминга! Советские люди — строители, монтажники, эксплуатационники — сумели без помощи американцев овладеть сложным комплексом оборудования.

ГУРЬЕВКА

Автор киносценария о Куанецкстрое решил построить сценарий на контрастах: с одной стороны, мощный, технически совершенный, механизированный Кузнецкий завод, с другой — сосед Кузнецкстроя, находящийся в 100 километрах от него, старый, допотопный, каторжный Гурьевский завод. Контраст, действительно, разительный.

Гурьевская доменная печь, которую Кузнецкие металлурги иронически называли «самоваром», имела своеобразное загрузочное устройство. Руду или известняк загружали на дворе IV тележку, запряженную лошадью. Понуря многострадальную голову, лошадь, никем неуправляемая, без коногона тащила тележку по полутемному коридору-гайлерее к доменной печи. Доезжая до печи, лошадь сама заворачивала. Рабочий открывал затвор и содержимое вагонетки сыпалось в печь. Из печи при погрузке вырывалось пламя. У лошади, стоявшей всегда задом к печи, обгорели хвост и спина.

Тем, кто видел, как шныряют по наклонному мосту груженые скипы кузнецких печей, тем, кто видел авто-

матйческую загрузку наших домен,— невольно вспомнилась несчастная гурьевская «ученая» лошадь с обгоревшим хвостом.

Гурьевская доменная печь стояла в каменном здании с толстыми стенами. До сих пор в этих стенах видны небольшие почерневшие от дыма окошки. Когда-то за этими окошками жила каторжники. Камеры были расположены у самой домны. Каторжане работали и жили на самом заводе, дыша гарью и дымом домны.

Инженер Казарновский рассказывал мне, что ему попались как-то гурьевские архивы, написанные малограмотным полурусским-полусловянским церковным языком. Там он нашел рапорт десятника. Какой-то работник из заключенных не проявил надлежащего рвения в работе и был наказан палочными ударами. К работе он вернулся после наказания «смутный». Далее в рапорте сообщалось, что в тот же день «раб божий такой-то отдал богу душу».

Стоны кандалной Сибири, стоны замученных и запоротых людей витали над Гурьевским заводом. Здесь некогда работали не только убийцы, «Иваны непомнящие», но и участники польского восстания и декабристы.

Во время колчаковщины Гурьевке сильно досталось. Банды местного атамана Рогова часто делали налеты на Гурьевский завод. Грабили, насильничали, убивали. Особенно жестоки были они в «борьбе с буржуазией», а буржуазией они считали всех служащих и техников завода.

Казарновский был тогда директором Гурьевки. Однажды днем бандиты ворвались к нему на квартиру. В квартире было пусто—все уже разграбили в один из прошлых налетов. Начали допрашивать, где спрятаны ценные вещи? Казарновский ответил, что больше ничего нет. Его потащили в штаб бандитов. По дороге

предупредили, что сейчас отрубят голову. У штаба валялись обезглавленные трупы. Бандиты, захватившие Казарновского, доложили Рогову, что привели «главного буржуя». Штаб бандитов обедал.

— Ничего,—сказал Рогов,— подождет пока кончим обедать.

Рабочие большой толпой пошли в штаб к Рогову — свобрждать Казарновского. Бандиты выдавали себя за людей «демократичных». Они согласились отложить убийство Казарновского до обсуждения вопроса на общем собрании рабочих.

Созвали собрание и в присутствии Казарновского стали обсуждать — «ликвидировать» его или нет. Большинство возражало против убийства. Лишь отдельные бандиты были «за». Вопрос поставили «а голосование. Казарновский остался жив.

...Гурьевскому заводу суждено было сыграть большую роль в нашем строительстве. Мы сделали его своим подсобным предприятием. Оттуда Кузнецкстрой подучал огнеупорный кирпич, чугунное и стальное литье. В котельной и механической мастерских в Гурьевке можно было изготовить немало нужных Кузнецкстрой изделий. Наконец, в Гурьевке были мартеновский и прокатный цехи — значит, можно получать железо мелких профилей, которые были нам очень нужны.

Началась реконструкция Гурьевского завода. Как и на всех старых заводах подобного типа, все было плохо, но в наихудшем состоянии находился мартеновский цех. Мы перестроили прежнюю печь, построили еще один мартен, соорудили здание над цехом, мостовой кран, подвели к мартенам железнодорожный путь.

Нелегкое это было дело — реконструировать мартеновский цех. Начали копать котлованы под фунда-

мент, — оказалось, что вся «земля», которую копали, состояла из огромных кусков чугуна и стали — «козлов» доменной и мартеновской печей. Этими козлами в течение десятилетий засыпали овраг. Копать невозможно — начали козлы подрывать.

Уже в 1932 г. работали в Гурьевке две мартеновских печи. Условия работы в мартеновском цехе резко улучшились.

Начали переделывать прокатные станы. Были они древние, изношенные, во время работы кряхтели, как старики, измученные долгой трудовой жизнью. Их чинили, ремонтировали, и они с каждым месяцем давали все больше проката. К 1933/34 г. прокатный цех Гурьевского завода полностью удовлетворял потребности Кузнецкстроя в узкоколейных рельсах, небольших профилях балок, уголке и почти во всем арматурном железе. Больше половины продукции Гурьевский завод уже мог продавать на сторону, — угольным шахтам и разным стройкам Сибири и даже Дальнего Востока.

Возле Гурьевского завода были хорошие глины. А нам хватало огнеупорного кирпича. Стали строить на Гурьевке новые печи и механизировать формовочную. В 1933 г. огнеупорный цех Гурьевки давал уже почти 10 тыс. тонн огнеупорных изделий хорошего качества.

Расширили и переоборудовали также механический и литейный цехи.

Беда Гурьевки — паровые машины у нее старые, чиненые, залатанные. Машины часто останавливались, тогда останавливался и весь завод. А требования Кузнецкстроя к Гурьевке росли с каждым днем. Мы построили на Гурьевке электростанцию, и перебои из-за нехватки энергии прекратились.

Полукустарным способом гурьевцы стали изготавливать различные изделия из своего железа. Они наладили производство железных кроватей для Кузнецк-

стройка. Кто побывал у нас, тот помнит эти кровати, Конечно, им далеко до изящества, но зато они прочны, и клопов заводилось в них меньше, чем в деревянных койках.

Нехватало Кузнецкстрою болтов и заклепок. Решили строить в Гурьевке болто-заклепочный цех. Когда начали его проектировать, Казарновский спохватился:

— Позвольте! — сказал он директору Гурьевского завода Власову, — ведь у вас есть готовый фундамент. Там в свое время задумали что-то строить и не достроили. Надо фундамент использовать.

Сняли горы мусора, шлака, кирпича, и действительно нашелся фундамент. На нем построили здание болто-заклепочного цеха. Оборудовали цех хорошими автоматами, и болто-заклепочный цех теперь уже работает.

Чтобы ходить по Гурьевскому заводу, надо было обладать зорким глазом, большой ловкостью и выносливостью. Приходилось перелезать и переползать через груды мусора, железного лома и частей старых машин, через горы шлака и ломаного кирпича.

Стали Гурьевку прибирать. Вагон за вагоном вывозили мусор.

Теперь у гурьевцев главная забота — электрифицировать прокатные станы, перестроить доменную печь. Всем любопытно поглядеть на гурьевскую ученую лошадь. Но гурьевцы стыдятся своей лошади, им хочется иметь механическую загрузку и печь побольше. Перестройка гурьевской доменной печи — очередная задача реконструкции Гурьевского завода.

В красивом месте расположена Гурьевка. Она имеет свою руду, свой известняк, свою Огнеупорную глину. Уголь тоже недалеко. Гурьевка может существовать и будет существовать, помогая строить второй Кузнецкий металлургический комбинат.

Теперешняя Гурьевка уже не тот завод, что не сколько лет тому назад. Кузнецкстрой помог Гурьевскому заводу стать на ноги. Особую слабость к Гурьевскому заводу питал Бардин. Он часто наезжал туда, — ругался, подтягивал, помогал.

Гурьевцы нередко обижались на кузнечан. Им хотелось расти и двигаться вперед такими же темпами, как Кузнецк. Гурьевские общественные организации мечтали построить у себя настоящий театр — каменный, капитальный, большой. Я предложил им строить деревянный театр. Они оскорбились и отказались. Каждый год несколько раз при моих поездках в Гурьевку вновь поднимался вопрос о каменном театре. Приезжали в Кузнецк и специальные бригады гурьевцев. Но в то время не было возможности осилить это дело. В 1934 г. гурьевцы начали строить настоящий каменный театр.

Появились в Гурьевке и новые столовые, школы, баня, дома для рабочих и инженеров, парк культуры и отдыха, и даже новая пожарная часть.

Старый Гурьевский завод меняет свои облик. Меняются и люди.

СВОЯ РУДА

Надо было выбирать одно из двух: либо ждать, пока будет построена железная дорога от Кузнецка до будущих рудников Тельбес и Темир-тау и лишь тогда начать строить рудники и налаживать их работу, — либо же строить одновременно и железную дорогу и рудники. Но железная дорога могла быть готова в лучшем случае через год-полтора, к концу 1931 г. — началу 1932 г. Мы решили строить одновременно и дорогу и рудники.

К рудникам тогда почти невозможно было пробраться. В некоторых местах была непроходимая топь.

Начали строить шоссейную дорогу. Но и она шла через горы, по трудным местам, и не могла быть готова раньше, чем к концу 1931 г. Летом, в сухую пору, можно еще было ездить из Кузнецка на рудники, перевозить продовольствие, стройматериалы. Но после дождей, особенно осенью, положение становилось почти безвыходным.

На руднике сидел тогда старый горняк С. Ф. Сгибнев. ЦК партии перебросил его к нам из Криворожья. Он побывал за границей, жил в Америке и вынес отсюда привычку аккуратно одеваться. Пробирается, бывало, по грязи выше колен, но обязательно на тем воротничок и галстук.

Осенью 1930 года дороги совершенно расползлись. На пути от площадки до рудников застряли в трясилах телеги с продовольствием и материалами. Ни телеграфной, ни телефонной связи с рудниками не было. Сгибнев слал на площадку верховых гонцов с душевраздирающими записками: хлеба нет, рацион сокращен, народ волнуется... Мы стали грузить муку вьюками и отправлять на лошадях.

Горными делами руководил тогда мой помощник Гольденберг, часто посещавший рудники. Поехал он туда и осенью 1930 года. От рудников до площадки всего 80—90 километров. Трое суток пришлось потратить, Гольденбергу, чтобы одолеть это расстояние. Днём и ночью, верхом и пешком пробирался он по непроходимым дорогам и вернулся на Кузнецкстрой весь промокший, черный от грязи, измученный. Со свойственной ему выдержкой и оптимизмом он сказал встретившим его товарищам:

— Последняя осень такая! В следующем году уже будет железная дорога.

Особенно тяжело было с оборудованием. По бездорожью надо было везти бурильные стайки, токарные

станки, компрессоры, локомобили для рудничной электростанции.

Доставить локомобили взялся механик Кузнецк-строля Курчин. Он подобрал крепкую бригаду, достали тракторы и медленно потащили локомобили. По дороге пришлось строить мосты, вытаскивать застревавшие локомобили, всячески изворачиваться. Наконец, доехали до деревни Кузедеево, у реки Кондомы. Паром там — легкий на две телеги, строить мост невозможно, на это потребовалось бы не меньше года. Надо торопиться. Кондома — река горная, капризная, после дождей набухает, становится широкой, быстрой и непроходимой. Решили итти «по воде, аки по суху»: запрячь двумя тракторами один локомобиль, въехать в реку и выбраться на другой берег. Дело, конечно, рискованное — можно утопить и тракторы и локомобили. Пошли на риск.

Все население деревни, расселось на высоком берегу, дивясь невиданным машинам и необыкновенной затее.

Медленно въехал в воду первый трактор. К середине реки он почти весь погрузился в воду. Выйдет или не выйдет? Трактор стал вылезать из глубокого места и постепенно взбираться на берег. Задача была облегчена: на другом берегу уже была сила, которая, может вытянуть локомобиль. С помощью первого трактора переправился и второй трактор. Захлебывался, тонул, но тоже вылез на берег. Наступила самая серьезная часть операции. Надо втянуть в реку и почти погрузить в воду тяжелый, грузный локомобиль, затем вытащить его на берег. Медленно, увязая в речном песке, пополз локомобиль. Волнуется, кричит, ругается Курчин, волнуется собравшаяся у реки толпа — куда делось ее равнодушие. Из воды торчат только труба и верх котла. Вытянут или не вытянут? От этого зависело все: будет ли рудник иметь энергию, можно ли-

будет вести горные работы. Тракторы напрягают все силы. Им помогают взмокшие люди. Ура! Локомобиль показывается из воды...

Работа эта продолжалась с утра и почти до ночи. Чутк ли не каждый час надо было в воде перецеплять тросы. Имея уже некоторый опыт и сноровку, перетаскивали затем и второй локомобиль.

Курчин долго потом рассказывал, как он перевозил локомобили. Рассказывал так, что слушатели понимали; такие дела Курчину нипочем. Впрочем, иногда Курчин признавался, что если бы утопил локомобили, — не вернулся бы на площадку...

Только к концу года уложили линию железной дороги до рудников. Она требовала еще доделок и переделок, но все же по ней можно было перевозить грузы — в любую погоду доставлять рудникам продовольствие, оборудование. К октябрьским праздникам 1981 г., после укладки железнодорожной линии Кузнецк— Мундыбаш — Темир-тау, в Кузнецк прибыли первые восемь вагонов сибирской руды. Правда, по секрету рассказывали (и это было верно), что часть дороги руду везли на лошадях, но дело было сделано.

Летом и осенью 1930 г. я был на Темирском руднике. В тайге рубили вековые деревья и выкорчевывали пни. Из срубленных деревьев строили на раскорчеванных площадках бараки и дома. К концу 1931 г. уже появились приличные дома, баня, школа, столовая, подсобные мастерские, полностью были развернуты горные работы и в Тельбесе и в Темир-тау.

Строить железную дорогу из Мундыбаша на Тельбес было дорого и трудно: приходилось несколько раз переходить реку, местность была изрезана горами. Решили построить подвесную канатную дорогу длиной в семь километров. Проект запаздывал, оборудование тоже. Весь 1931 г. и 1932 г. строили эту дорогу, преодолевая большие трудности. В 1932 г. опробовали ее.

С начала следующего года она стала работать регулярно и почти без перебоев.

Рудники заняли теперь немалое место в снабжении Сталинска кузнечкой рудой: в нормальные дни—30 проц., а в моменты нехватки магнитогорской руды и больше.

В конце 1932 г. Сгибнева перебросили на другую работу. Начальником горно-рудного района был назначен А. Левочкин. Рабочий брянских железнодорожных мастерских, он долго находился на партийной работе, затем учился в Промакадемии и отсюда был прислан к нам. Несмотря на свою болезненность, он очень много работал, часто сверх сил. Любил шутку и крепкое слово. Его отец рано умер и жил он долго с дедом, тоже брянским рабочим — видно, от него и Левочкин унаследовал красочный язык.

При Левочкине рудники стали большим действующим предприятием. Рабочие считали Левочкина своим, родным человеком. Когда нужно бывало двинуть работу или подтолкнуть отставший участок, Левочкин умел просто поговорить с рабочими. Тогда делались подчас невозможные вещи. Мне рассказывали, что Левочкин часто становился у станка и показывал, -как надо работать.

Вникая в дело, Левочкин стал опытным и знающим руководителем горно-рудного района.

...Запасы руды на наших рудниках все же были в достаточной степени малы, а на некоторых рудниках и бедны. Я уже говорил, что сразу после своего назначения на Кузнечкострой предложил форсировать

Забрав с собою инструменты, приборы и продовольствие, разведочные партии отправлялись в тайгу. Тайга была во многих местах непроходима. Разведчикам часто приходилось рубить просеки и пробираться по ним дальше, заваливая срубленными деревьями топкие места. Люди уходили за несколько сот километров от базы и не имели никакой связи с ней.

На разведки шла молодежь, большей частью студенты Томского института, крепкие, смелые и бодрые ребята. Они жили впроголодь, иногда кормились медвежатиной,— но ни разу я не слышал от них жалоб на трудности. Хорошо или плохо идут работы, обнаружили или не обнаружили руду,— вот что занимало их мысли. Они были бодры еще вот почему. Старые профессора, во главе с Усовым, доказывали, что в Сибири не должно быть, не может быть железной руды. Молодежь держалась противоположного взгляда и во что бы то ни стало хотела доказать свою правоту. Они добились этого,— руда была найдена.

Однажды приехал с разведок гонец. Снег в тайге доходил тогда до двух метров. Несколько дней подряд бушевала пурга. Ко мне вошел коренастый человек с обмороженным лицом. Он рассказал о ходе разведок, о том, что результаты благоприятны, но нужны инструменты, оборудование и материалы, иначе может остановиться работа.

— Да,— прибавил он в конце,— у нас еще плоховато с продовольствием. Нет масла, сахара. К концу подходит и мука.

На другой день мне рассказали, как добрался к нам этот разведчик. В Кузнецк отправилось их двое — верхом на лошадях. По дороге их захватил буран, стал падать густой снег. Лошади не могли идти. Разведчики оставили лошадей и пошли пешком. Они не предполагали, что путь будет такой долгий и

съели все, что захватили с собой. Буран усиливался. Один из гонцов выбился из сил и не мог больше двигаться. Другой глубокой ночью добрался до селения, созвал людей и отправился с ними спасать оставленного в тайге товарища. Нашли его полузамерзшим и доставили в деревню с обмороженными ногами и руками. Пока он там подлечивался, его товарищ уже один, продолжал путь на площадку. Он-то от приходил ко мне.

Перед отъездом обратно на разведки, он еще раз был у меня. Я с интересом всматривался в него,— хотелось запечатлеть в своей памяти образ героя. Простой образ! Просто и деловито он рассказывал о поисках руды и жизни разведчиков. Через несколько дней он получил, что нужно было, и вернулся в тайгу...

Разрастался коллектив молодых геологов-разведчиков — беспартийных, комсомольцев, коммунистов, инженеров, техников, студентов, рабочих. Среди них все чаще встречались горношорцы, с широкими скулами и косыми глазами на монгольских лицах.

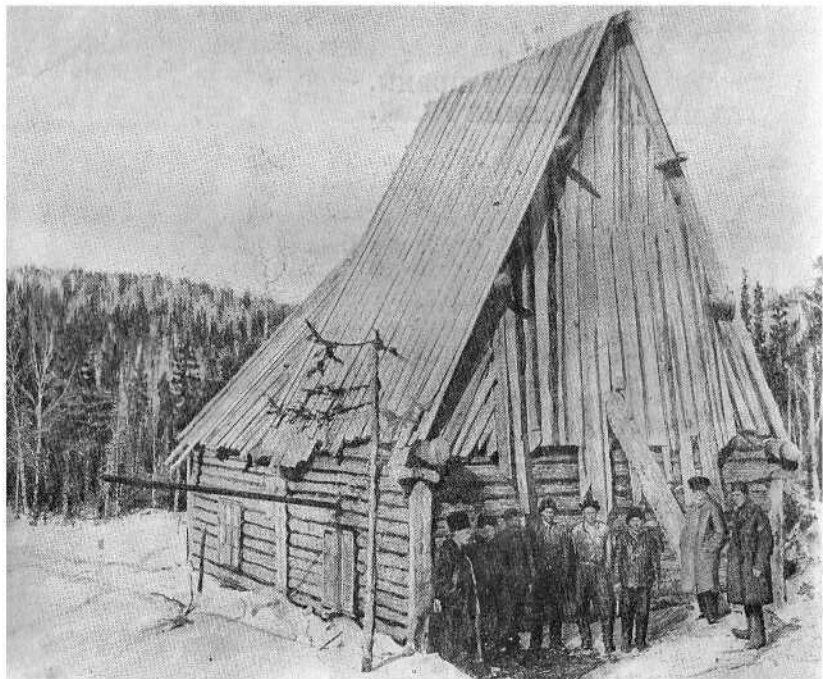
В Кузнецком районе уже обнаружены сотни миллионов тонн руды. Несмотря на «пророческие» предсказания проф. Усова и иже с ним, найден новый железорудный бассейн. Победили молодые советские геологи.

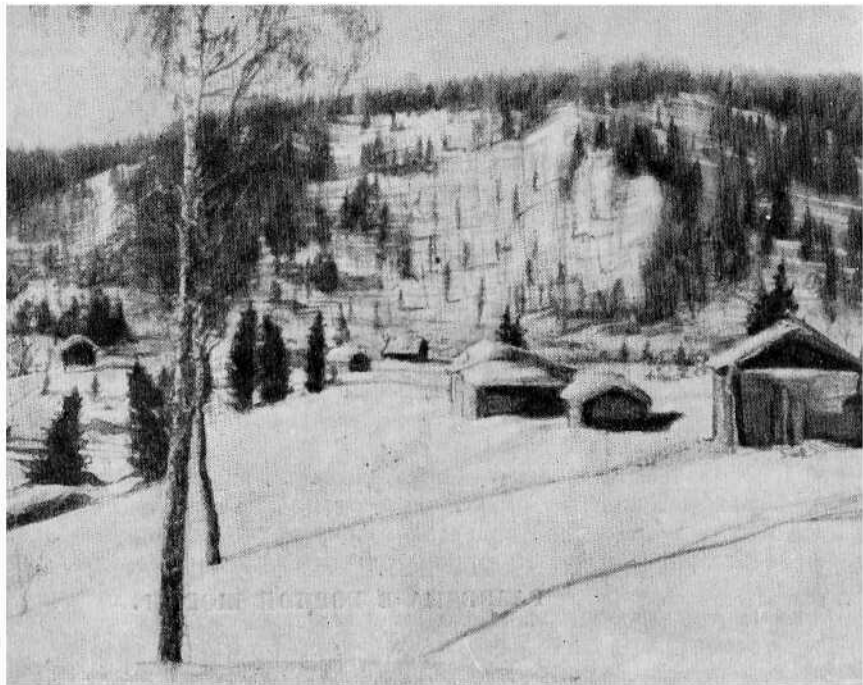

Разведчики углублялись в Горную Шорию. Железные рудники были расположены в самом ее центре. Мы строили новые предприятия, а горношорцы занимались своим прищичным делом — охотой.

Железная дорога от Кузнецка до Мундыбаш-Темир-Тау (Темир-Тау по-шорски «железная гора»)

РАЗВЕДКА В ГОРНОЙ ШОРИИ.

ГОРНАЯ ШОРИЯ.
МЕСТОРОЖДЕНИЕ РУДЫ.

прокладывалась в гористой местности, изрезанной быстрыми реками. Работа была трудная; подрывали горы, делали насыпи, переходы через реки.

Дорогу прокладывали с таким расчетом, чтобы к моменту задувки домны иметь свою руду. Между Мундыбашем и Темир-Тау, на пути будущей железной дороги, стояла большая гора. Решили гору подорвать. Инженеры подсчитали, что надо заложить одиннадцать тонн взрывчатых веществ. Один взрыв должен был сорвать гору, а второй, боковой удар — сбросить ее в ущелье.

К взрыву готовились долго. Наконец, все сделано. У горы остались только подрывники. Местность оцепили. Под вечер зажгли бикфордов шнур. Зажгли и убежали.

За несколько километров на соседней горе стояли руководители работ и ждали результатов взрыва. Вскоре раздался страшный подземный гул. Даже тем, которые стояли на соседней горе, показалось, что земля уходит из-под ног. Взрываема гора поднялась кверху. Казалось, что она снова сядет на прежнее место. Но тут раздался второй взрыв—боковой удар, и гора опрокинулась вниз, в ущелье. Каменные глыбы, высотой с многоэтажное здание, падали, увлекая за собой потоки щебня. Долго после взрыва еще сыпались вниз большие и малые булыжники.

Это был самый большой, но не единственный взрыв. Взрывов было много. Звери—кормильцы горношорцев— уходили вглубь, а за ними шли и шорцы, они снимались с насиженных мест и отправлялись за зверем.

Шорцы — прекрасные охотники. Но нам нужны были рабочие. Договорившись с местными организациями, мы решили привлечь шорцев на строительство, главным образом, для работы в рудниках. Они приезжали на стройку, оглядывались, осматривались

к... уходили. Местные организации мобилизовали несколько десятков горношорцев из молодежи на работу в Тельбес, Чтобы удержать их на работе, создали специальные условия, особое питание. Сперва они приспособлялись с трудом, потом как-будто втянулись в работу. Все радовались, что опыт дал положительные результаты. Но вот наступил период охоты, и однажды утром обнаружилось, что вся бригада шорцев исчезла. Их потянуло к охоте.

Только отдельные шорцы оседали, приучались и привыкали к работе. Сколько-нибудь значительного числа шорцев закрепить не удалось. Зато нашлось для них другое дело — поиски руды. Руководители поисково-разведочных и геологических партий стали расспрашивать шорцев-охотников: не видели ли железной руды, «черного тяжелого камня»? Каждому шорцу, указавшему месторождение «черного камня», обещали дать премию. Вскоре стали являться шорцы с образцами камня. Они вели разведчиков-геологов к местам, где залегала руда.

В Шории славится храбростью и опытностью охотник Шерегеш. В ту зиму он один на охоте убил 1В медведей. Вернувшись домой, он услышал, что объявлена премия тем, кто укажет, где находится «черный камень» — железо. Он разыскал разведчиков и сказал им, Что знает «целую гору черного камня». С Шерегешем пошли геологи и нашли железную руду. Впоследствии оказалось, что там — десятки миллионов тонн руды. Это месторождение так и названо — Шерегешское.

С помощью шорцев геологи углублялись в тайгу. Зверь ушел далеко. Охота становится все труднее, она уже не может прокормить шорцев. Разведки на руду, стройка рудников и железной дороги стали подсобным промыслом многих шорцев.

Когда устанавливали трассу строящейся теперь

железной дороги Темир-Тау — Кондома, шорцы были великолепными проводниками в тайге, IV горах. Они же помогали нашим товарищам разрабатывать лесные массивы, сплавливать лес.

Вместе с рабочими, с инженерами, с новыми промышленными предприятиями в Шорию проникает культура. Медленно, но проникает.

Летом 1933 г. я встретил старика шорца. Он мне сказал:

— Вы все шумите, взрываете, отгоняете зверя, Зверь ушел от нас, он не кормит нас больше. Мой сын пошел работать на железную дорогу. Придется и мне пойти на работу к вам.

...Не только вблизи Кузнецкстроя, но и во многих других местах Сибири искали сырьевую и подсобную базу для строящегося комбината.

В Ачинском районе нашли марганцевую руду. Надо было закончить разведки, организовать рудник, построить жилище для рабочих, подвести железную дорогу. Там начинают строить Мазульский рудник.

Для доменных и мартеновских печей нужен доломит. В районе ст. Качи организуется доломитный карьер, строятся жилища, создается хозяйство.

Нужны кварциты для выработки огнестойкого кирпича-динаса. Они найдены в районе Суджеики. Закладывается карьер, организуется добыча.

Металлургическому заводу требуются известняки. В районе Гурьевского завода известняки найдены, закладываются известняковые карьеры, сооружаются ремонтные мастерские, устанавливаются дробилки, укладываются железнодорожные пути. Там же строятся обжигательные печи, чтобы снабжать строительством обожженной известью.

Для шамотно-динасового цеха нужны огнеупорные глины,— организуются разработки в районе Гурьевска и в 60 км от него у деревни Ариничево. Но в этом районе глин мало. Зато они найдены в казакстанских степях, у верховьев Иртыша, в районе Павлодара,— почти за две тысячи километров от площадки. Там организуется добыча.

Все эти новые предприятия, разбросанные и отдаленные, требовали большого внимания. Создавали их в неосвоенных районах: создавались не только предприятия, но и пекарни, больницы, школы...

Кузнецкстрой вызвал индустриальное строительство не только на площадке Сталинска.

БЫТ

После того, как правительство в 1930 г. признало необходимым сильно развернуть работу на Кузнецкстрое, перед руководителями строительства возник вопрос: надо принять много тысяч новых рабочих,— как же мы обеспечим их жильем? И не только жильем, но и столовыми, школами, яслями, овощехранилищами, больницей? Можем ли мы в короткое время, оставшееся до набора новых рабочих, создать необходимый жилищный и бытовой фонд?

Проекта постоянного города у нас не было. Велась большая, общего характера дискуссия о «типе» города, «о генеральной идее» его планировки, заседали комиссии, консультировали профессора, бригады приезжали к нам, наши инженеры ездили в Москву. Но ни проекта города, ни даже типов домов не было. Одни предлагали строить обычные дома с обычными квартирами, другие — строить дома-коммуны. Споры велись в такой отвлеченной форме, что не установили даже площадки, на которой должен быть расположен город.

Приходилось строить временные жилища. Но даже и временным жильем мы не были в состоянии обеспечить всю массу прибывающих на стройку рабочих, инженеров и служащих.

Некоторые товарищи предлагали, вовсе не начинать промышленного строительства, а все силы и средства, все внимание концентрировать только на жилищном строительстве. Была и «менее радикальная» позиция, сторонники которой полагали, что к промышленному строительству приступить можно, но преимущество должно быть отдано жилищному строительству.

Мы избрали другой путь: прежде всего строить промышленные цехи и не в ущерб им — жилище. Но жизнь многое решила сама. Число рабочих росло с поразительной быстротой. Каждый месяц прибавлялось несколько тысяч человек. Приезжали холостые рабочие, приезжали и семейные — с женами, детишками. А строительство жилья шло медленно. Уже в 1930 г. ясно было, что оно отстает от громадных, все нарастающих потребностей.

Летом жили в палаточных городках, под брезентовыми навесами. До того была велика нужда, что подчас и крыши еще не было на бараке, и окна не были вставлены, а уж люди в бараке живут.

Особенно остро начала чувствоваться нехватка жилищ и низкое их качество с приближением первой зимовки — 1930-31 г.

Временные, построенные наспех, жилища протекали, были плохо утеплены. Подготовка их к зиме закончилась с большим запозданием, а рабочие все подходили.

Многие занимали участок возле завода и строили землянки. Землянки были различные. По ним часто можно было безошибочно определить профессию хозяев. Плотники строили дома крепкие, солидные,

больше из дерева. Землекопы рыли жилища преимущественно в земле. Каждый «доставал» материалы, как мог, главным образом — из цехов, со строительных участков. Некоторым мы сами отпускали старую опалубку и малопригодный лес.

В течение месяца — другого выросли неказистые поселки «Шанхай». В Верхней колонии, у горы, их было два. Сад-город (названный так по имени старого сибирского партизана Садова) у вокзала тоже начал разрастаться — и там строились землянки. Даже некоторые учреждения, например, отделение государственного банка, помещались в таких халупах.

Наступили холода, мы начали переводить рабочих из палаток в более пригодные для зимних условий жилища.

Многие рабочие — спецпереселенцы — остались без жилья. Мы стали утеплять палатки, сделали их двойными, обсыпали землей, устроили двери, печи. В палаточном городке две тысячи человек прожили всю жестокую зиму 1930-31 г.

Нехватало жилья!

Жили скученно, тесно, жилье было низкого качества, терпели большие лишения — холод, сырость.

Но зима требовала не только хорошего жилья, — она требовала особенно большого внимания к организации обслуживания людей. Надо было подвозить воду, топливо, обслужить живущих кипятком. А у нас в первое время нехватало топлива и воды. Рабочие нервничали, общественные организации высказывали большое недовольство.

Инженеры и руководящие работники строительства тоже жили тесно, в холоде, без водопровода и канализации, без электрического освещения.

Трудна и сурова была первая зима Кузнецкстрой! Работали напряженно и много. Жили скверно.

В 1930 г. открыли первую баню. К концу года-

первую прачечную. Но баня была мала — помыться в ней можно было редко и с большим трудом. Постирать рубашку — еще труднее.

Водопровода и канализации не было. Воду развозили в бочках. Многочисленные временные холодные уборные были грязны, неудобны, да их и не хватало. Ассенизационный обоз в несколько сот лошадей не справлялся с работой.

Дома, бараки и землянки не имели кухонь. Горячую пищу можно было получить либо в столовой, либо нигде. Было несколько цеховых и общепостроенных столовых, но очереди выстраивались такие огромные, что отнимали массу рабочего времени и вызвали естественное недовольство.

В 1930 г. построили и пустили большую фабрику-кухню. При круглосуточной работе она могла обслужить много народа. Цеховые столовые только начали строиться. Поэтому летом на строительных участках сколачивали примитивные столы и скамейки, ставили навес из брезента, деревянные раздаточные будки, и так боролись с нехваткой столовых, с очередями.

Продуктов — хлеба, мяса, масла — было много. Готовили в столовых помногу, но невкусно. Рабочие понимали трудность положения, мирились с неудобствами, видя, что во всех цехах и на всех участках довольно быстро строятся столовые. К осени во многих пунктах площадки готовы были деревянные, теплые, вместительные столовые. Зимой 1930—31 г. было уже несколько легче, чем летом.

Только осенью 1930 г. открыли инженерские столовые: одну для младшего, другую — для старшего-технического персонала и руководящих работников. До этого все они кормились кое-как, большей частью всухомятку.

Чтобы накормить десятки тысяч людей, надо было иметь склады продовольствия. Начали строить товар-

ные склады — мясные, рыбные и — что особенно, важно—овощехранилища.

К осени надо было заготовить и завезти все необходимое на зиму количество овощей: в Сибири зимой перевозить овощи невозможно. Здания двух больших овощехранилищ, вместимостью по несколько тысяч тонн, еще не были закончены, а в них уже ссыпали картофель, морковь, капусту. Здания были сырые, картошка складывалась подмерзшей. Всю зиму приходилось перекладывать овощи, выбирать замерзшие и погнившие, спасти важную часть продовольственного фонда Кузнецкстроя.

Снабжала тогда рабочих кооперация, но строить все должны были мы. Хлеб пекли ВЮ временных примитивных хлебопекарнях. Его было мало, он был невкусен, — сырой, недопеченый. Народ стоял в очередях. Начали строить хлебозавод. Форсировать его окончание нужно было еще и потому, что старые пекарни находились во временных холодных помещениях, зимой в них работать нельзя было. А потребность в хлебе росла.

Та же картина: строительство хлебозавода еще не кончено, а уж начали печь хлебы. К холодам хлебозавод был достроен и утеплен. >

Промтоварами нас снабжали довольно хорошо. Готовая одежда, мануфактура, обувь, табак, консервы, сласти прибывали в большом количестве. Но у нас было лишь несколько ларьков. И тут очереди! Надо было создать торговую сеть, построить торговые помещения. Ларьки и магазины сооружали при строительных участках, при бараках, — понемногу везде.

Летом 1930 г. все медицинское обслуживание рабочих возглавлялось одним врачом Афанасьевым. Амбулатория, аптека и больница — все это ютилось в трех комнатухах. Невозможно было ни принять всех больных, ни оказать им первую, хотя бы примитивную помощь. А тут пришла осень — холода, дож-

ди, слякоть, участились заболевания. Надо было быстро построить больничный городок.

По решению ЦК партии Наркомздрав командировал к нам довольно большую группу врачей всех специальностей, работников лучших больниц Союза. Вначале они были подавлены обстановкой. Прекрасный и чуткий врач, коммунист Ломовский, присланный ЦК для руководства всем лечебным делом у нас, все время воевал, наступал, требовал создать хотя бы минимально необходимые условия для работы медицинского персонала и хорошего обслуживания рабочих.

Крыши на зданиях больничного городка еще не были закончены, водопровод не подведен, а больные уже стали размещаться в этих помещениях. Только зимой сдали в эксплуатацию первые больничные корпуса. Помещения были еще сырые, отопление работало плохо, канализации не было вовсе. А все-таки стада полегче.

С 1930 г. старший врач больницы Кузнецкстроя — тов. Малек — чех, из военнопленных. Будучи в Сибири, стал коммунистом и воевал с интервентами. До войны в Австрии был студентом медиком. В СССР из Красной армии пошел на медицинский факультет и вскоре стал врачом.

Прекрасный организатор больничного хозяйства, хороший врач, заботливый товарищ по отношению к больным — таким сразу узнали Малека. Средств было мало, оборудование больницы примитивное, и Малек обнаруживает удивительную изобретательность. Он заводит при больнице огороды, кур, кроликов, и этим обеспечивает хорошее питание больным и медицинскому персоналу. Нужно достраивать и расширять больничные корпуса, — Малек не дает ходу нам, руководителям Кузнецкстроя: требует, спорит, напоминает и добивается своего.

Вскоре Малек становится заведующим городским

отделом здравоохранения. Подбирает хороший обслуживающий персонал, квалифицированных врачей. Тяжелая, часто неблагодарная и незаметная работа — сколько ее легло на плечи Малека и его товарищей!

Появилось много детворы. Летом дети шныряли между машинами, лазили по лесам, — их можно было видеть везде и всюду. Играли они «в строительство», строили «дома», «электростанцию», «домны» — материалов было много. Ребятишки постарше отбились от рук. Родные нервничали. Один рабочий сказал мне: «Как бы ребята не избосячились вконец».

Школ не было, — надо было торопиться, чтобы к началу учебного года были готовы школьные здания. Только к самой зиме сдали нашим просвещенцам первые школы. Пусть в две-три смены, но дети уже могли учиться.

Нам нужно было готовить квалифицированных рабочих, — не только для строительства, но, главным образом, для будущего завода. Мы знали, что лишь незначительную часть рабочих получим извне, из промышленных районов Союза. Основные кадры будущего завода мы должны были готовить сами.

В 1930 г. начали форсированно строить здания техникума и ФЗУ. Здание строилось постоянное, каменное, большое, объемом свыше 45 тыс. кубометров. На это строительство особенно нажимал наш комсомол, за этим строительством следил и ЦК комсомола. Начатая летом школа ФЗУ строилась в течение всей зимы.

В конце 1930 г. приступили к строительству постоянного города. Начальником строительства был назначен Кантер, мобилизованный ЦК партии для работы на Кузнецкстрое. Бывший австрийский офицер, хороший революционер, он в Австрии и Германии несколько раз находился, под угрозой расстрела. Прекрасный организатор, культурный человек, к тому же

знакомый со строительным делом, Кантер взялся за поручение строить город с увлечением и страстью.

Летом начали строить десять больших четырехэтажных каменных домов. Чтобы проектирующие и иные организации, занятые спорами о домах-коммунах и прочем, не придирались к проекту домов и их расположению, мы заявили, что надо удовлетворить жильем американцев, приезд которых ожидался. Эти дома так и были окрещены «американскими». И теперь еще они известны в Сталинске, как «десять американских домов». Начали строить в то время и постоянную амбулаторию и так называемую «Верхнюю колонию» — жилищную базу инженерно-технических работников.

Но проекта города у нас не было. Проектные организации не имели определенной точки зрения на то, каким должен быть Кузнецк. Они импровизировали, составляли бесконечные варианты, утешали нас обещаниями скоро прислать проекты. Обещания оставались обещаниями, а строить город без проекта нельзя было. Из-за этого для города пропал почти целый год!

Только в 1931 г. мы получили «почти утвержденный» проект первых кварталов будущего города и проекты домов. После длительной войны с нами, проектировщики отказались, наконец, от домов коммун и согласились на строительство обычных домов квартирного типа.

Правда, тогда — в 1931-32 г. — в некоторых учреждениях господствовало убеждение, что лестницы должны быть деревянными и узкими, что обслуживающие помещения должны быть сведены к минимуму, их территориально всячески сжимали, потолки должны быть низкими, балконы вообще не нужны. Присланные нам с опозданием проекты предлагали строить

дома низкие, с плохо распланированными квартирами, с очень скверными обслуживающими помещениями. Ванны были запрещены, их в квартирах заменили душами, но клетки для душевых были такими, что человек средней комплекции не мог там гай повернуться, ни поднять руку! Как тут намылиться и помыться? Мы указывали проектирующим организациям на несуразность проектов, на то, что надо улучшить качество жилья. Но проектирующие организации настаивали на своем, подсчитывая миллионную экономию от строительства скверного жилья.

Я рассказал обо всем этом тов. Орджоникидзе и получил разрешение строить хорошие дома. Только после этого был изменен проект дома и проект самого города.

Еще пример. Центральная электростанция была запроектирована и строилась, как теплофикационная станция. Избыток отработанного пара должен был идти на отопление города. Но больше года пришлось воевать с проектировщиками и со всякими комиссиями, доказывая, что дома должны иметь центральное отопление. Проектировщики надумали было устроить духовое отопление — поставить в домах высокие четырехэтажные печи! В конце концов нам разрешили устроить в домах центральное отопление.

Сегодня мне самому кажется фантастической эта война с проектными «Митрофанушками». Но в тот период это было вполне серьезным делом.

В 1931 г. жилищное и бытовое строительство сильно шагнуло вперед. Строились не только бараки и деревянные дома, но и каменные дома. Число бань и прачечных увеличивалось, одна за другой сдавались они в эксплуатацию. Уже чаще можно было попасть в баню, лучше помыться. К концу года и столовые уже могли обслужить почти всех работающих на площадке.

Закончили сооружение большого капитального здания техникума и ФЗУ. Увеличилось число школ. Правда, занятия шли все еще в две, а иной раз и в три смены, но и детей ведь на площадке стало значительно больше! Построили и сдали в эксплуатацию еще несколько корпусов больничного городка. Начинали работать новые овощехранилища, склады, магазины.

Мы направляли основное свое внимание, максимум сил и средств на промышленное строительство. Развертывание жилищно-бытового строительства в 1931 г. обязано, прежде всего, вниманию партийной и профессиональных организаций Кузнецкстроя.

Большую работу пришлось проделать, чтобы подготовить к зиме 1931-32 г. построенные ранее временные деревянные дома. В них жило много тысяч людей. Крыши протекали, лес ссохся, сквозь стены дул ветер, печки-временки попортились, двери и окна рассохлись. Сотни людей были поставлены на "то, чтобы отремонтировать и подготовить дома к зиме. Зима 1931-32 г. тоже отличалась тяжелыми бытовыми условиями.

Несколько облегчилось положение с жильем только в 1932 г., когда построили много новых постоянных домов. В эксплуатацию вошло значительное число домов с центральным отоплением, с электричеством. Строилась школа, постоянный хлебозавод, бани, прачечная. Но строительные работы мы повели слишком широким фронтом и разбросанно, вот почему к концу года мы не смогли сдать вполне законченных и готовых зданий.

1933 г. был уже годом развернутого строительства постоянного города. Каменные дома с центральным отоплением и водопроводом, втуз, большая школа, баня, звуковое кино и, наконец, театр вместо сгоревшего в предыдущем году.

Мы остались без театра. Трудно было вести культурную и общественную работу на площадке, где сосредоточено много десятков тысяч рабочих, не имея большого театрального зала. Партийная и профессиональные организации настаивали на скорейшей постройке нового театра.

Все коммунальное хозяйство большого и неблагоустроенного города было в нашем ведении — Горсовет им не занимался. В течение нескольких лет почти непрерывно руководит этой работой тов. Кроник, старый профсоюзный работник. После окончания Промакадемии и втуза весной 1931 г. он был командирован ЦК на работу к нам. Кроник мне часто жаловался: я кончил Промакадемию, я — инженер, мне хочется на производство. Но надо было налаживать один из важнейших участков, удовлетворять все растущие потребности рабочих и ИТР. Кроник продолжал роптать — и работал. Кроник же руководил и строительством театра.

По плану города театр пришлось строить в заболоченном месте. С весны начали закладывать фундамент. Задание: к Октябрьской годовщине закончить постоянный театр. Помимо величины зрительного зала — 1 300 мест, серьезные — технические требования предъявлялись к устройству сцены. Постройка театра шла все лето 1933 г. В 5—6 месяцев удалось построить, оборудовать, хорошо и со вкусом отделать постоянный театр города Сталински. В театре — центральное отопление, вентиляция, вращающаяся сцена, хорошо оборудованные артистические и обслуживающие помещения.

Мы могли уже пригласить к себе любую театральную труппу Союза, обеспечив ей хорошую техническую базу. Нигде, пожалуй, театр не встречали так, как на большой и отдаленной от культурных центров нашей стройке. Нигде, пожалуй, так ярко не видна

была тяга к музыке, к театру, к разумному отдыху, к веселью.

До того, как построен был настоящий театр, приходилось удовлетворяться случайными выступлениями любителей и приезжих. Много народа привлекал первый рабочий оркестр, который играл иногда по вечерам в роще, переделанной затем в Парк культуры и отдыха. Иной раз на площадку заезжал бродячий фокусник или неизвестный певец с громким титулом «артист московских театров». Всем хотелось культурного отдыха, настоящего театра, настоящей музыки.

Нам удалось договориться с вактаиговцами о приезде их театра на гастроли в Кузнецк. Сначала квартирмейстеры, а вслед за ними шумная ватага вахтанговцев, во главе с Кузой, Глазуновым, Мансуровой, Горюновыч прибыли, наконец, на площадку. Они привезли «Темп», «Разлом», «Принцессу Турандот» и другие спектакли. Как смотрели эти спектакли молодые, неискушенные зрители! «Разлом» вызвал сплошной восторг. Недоуменно, как что-то чужое, архаическое и отсталое, смотрели «Темп» Погодина. Наши рабочие и техники невольно сравнивали с собой отсталых строителей, действующих в «Темпе».

Еще много дней после спектаклей рабочие зрители с горячностью судили и рядили о героях, спорили и переживали происходившее на сцене.

Вахтанговцы не только играли на сцене театра, но и рассыпались бригадами по цехам. С какой теплотой, как искренно принимали рабочие вахтанговцев у себя в цехах! Надо было видеть веселого и талантливого Горюнова, серьезного, несколько угрюмого Глазунова, вечно искрящуюся смехом Мансурову среди рабочих! Сколько радости принесли нам артисты!

Вахтанговцы, может быть сами того не зная, привезли нашим людям большую радость. Они привезли искусство.

Тяжеленько пришлось вахтайговцам. Дожди поливали глинистый грунт. Горожане-артисты пачкали туфли и ботинки, в которых еле одолевали грязь, но были веселы и бодры. Нашим гостям трудно было еще и потому, что остро необходимые бытовые учреждения были довольно примитивного устройства. Вахтанговцы морщились, терпели и... запомнили это. Уже года через два первый вопрос, который мне задали вахтайговцы, был на эту тему:

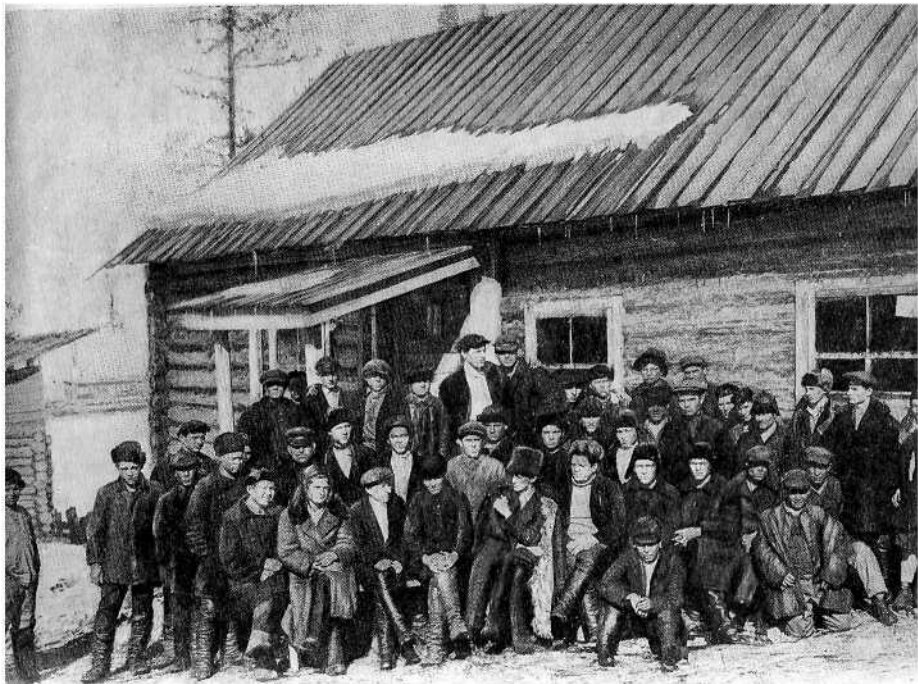
— Закончена ли уже канализация? Действует ли она? Неужели действует?..

Вспоминаю прощальный спектакль вахтанговцев. Выступали артисты, действительно породнившиеся за эти короткие дни с нашим коллективом, набравшиеся на площадке новых сил, бодрости.

Долгое время в фойе театра им. Вахтангова в Москве была выставка Кузнецкстроя. Вахтанговцы оказали помощь Кузнецкстрою и при организации театра в Сталинске. Наконец, в 1932 г., когда в Москву приехала наша ударная бригада с первым маршрутом чугуна, вахтанговцы поставили спектакль для ударников московских заводов, выполнявших заказы Кузнецкстроя. Во время спектакля «Разлом», после сцены изгнания с корабля «главноуговаривающего» Керенского, на сцену были приглашены кузнецкстроевцы, и полились теплые речи о нашей победе, о первом кузнецком чугуне...

...Город продолжал разрастаться. Дома строили в различных районах. Центр — это завод. С ним были связаны не только рабочие эксплуатационники и строители основных цехов, но и подсобные предприятия (окраины). Передвижение людей, особенно при отсутствии у нас дорог, становилось уже серьезным вопросом. Хитаров — секретарь горкома — и я живали за границей. Между нами шел «теоретический» спор, как лучше организовать городской транспорт. Хитаров был

РАБОТНИКИ РАЗВЕДОК НА
РУДУ В ГОРНОЙ ШОРИИ.

ГОРНАЯ ШОРИЯ. ТАЙГА.

горячим поклонником трамвая, я—автобуса. Точка зрения Хитарова победила. Весной 1933 г. решили строить трамвай.

Трамвай должен был соединить постоянный город и временный поселок вплоть до реки Томи с заводом и вокзалом. Создали специальную «трамвайную тройку» во главе с Хитаровым. Многого нехватало. Но приехал тов. Орджоникидзе и тут же распорядился отпустить все необходимое.

В 4 месяца построили несколько линий трамвая длиной 7 километров и обслуживающие помещения. Начали прибывать трамвайные вагоны. Строители трамвайных путей во главе с Кожевниковым и электрики работали форсированным темпом. Строительству трамвая очень помогли многочисленные рабочие субботники.

Вскоре после Октябрьской годовщины подали на линию первый разукрашенный вагон. Ударники-строители трамвая, руководители партийной и профессиональных организаций, хозяйственники сели в этот вагон.

Это был первый в Сибири трамвай.

В 1934 г. не только расширяется жилой фонд, но и достраивается вторая очередь втуза, разветвляются трамвайные пути, строятся новые школы, ясли, постоянные столовые, торговые помещения. Жилой фонд Кузнецктроя постепенно, но верно превращается в культурный город Сталинск.

На площадке комбината уже есть большой, благоустроенный сад. Строится Парк культуры и отдыха. Второй год действует водная станция на берегу Кондомы, куда теперь проведен трамвай. Строится и частично заселен детский дачный городок. Построен рабочий санаторий в Топольниках. С каждым днем растут спортивные учреждения. В садо-парковом хозяйстве миллионами выводятся саженцы деревьев различных пород. Большое цветоводство.

Всем хочется иметь больше зелени, больше цветов,

чаще бывать в театре, чаще слушать музыку. Растет культурный город Сталинск.

Большинство землянок уже уничтожено. Люди переехали в постоянные каменные дома. «Шанхай» уходит в историю. В город воплотилась энергия наших рабочих и инженеров и прежде всего партийной организации и профсоюзов Кузнецкстроя.

На территории города Сталинска теперь живет уже 250 тыс. человек. Новый пролетарский город, которого несколько лет тому назад не было на карте! Он должен стать и станет образцовым социалистическим городом.

КАЗАКИ

В Казахстане и в степной части Западной Сибири, заселенной кочевниками-казаками, предвиделся весной 1932 г. большой недород. Дождей не было, трава выгорела, нечем было даже кормить скот. Казаки потянулись на Кузнецкстрой. Сначала их туда направляли наши вербовщики, затем они стали приходить сами. Большинство многосемейных: один работающий, а при нем семья из восьми, а то и десяти человек.

Трудно было расселить этих людей, особенно семейных. Не было никакой возможности предоставить им нужную жилую площадь. Мы приказали нашим вербовщикам вербовать только одиноких. Но вербовали одиноких, а через несколько дней появлялись их семьи.

Что творилось в бараках! Даем койку одному рабочему-казаку, а через несколько дней и на койке, и под койкой, и вокруг койки ютится многочисленная семья.

Приезжали они все грязные, оборванные. На площадку стали просачиваться эпидемические заболевания. Врачи требовали «санитарной обработки» приехавших: надо было снимать с казаков грязную, обветшалую,

обовшивевшую одежду и после бани взамен тряпья дивать другую одежду.

Казакам предложили отправиться в баню. Они отказались. Врачи настаивали, говоря, что этого требуют интересы всех остальных рабочих. Многих пришлось тащить в баню силой. Казаки сопротивлялись и убежали. Мы выдавали казакам чистое белье, некоторым — одежду. Но выданные вещи исчезали, и казаки вновь облачались в грязное тряпье.

На площадке скопилось тысяч десять казаков — мужчин, женщин, стариков и детворы. Контрреволюционные элементы пустили слух, будто казаки «едят человечину». Как всегда в таких случаях, нашлись «очевидцы», рассказывавшие, что в таком-то месте тогда-то исчез мальчик или девочка, и что «сам видел», как казаки тащили ребенка. Однажды казак, возвращаясь с базара, нес в мешке кусок конины. Кто-то сказал, что казак наверно несет изрубленный труп заблудившегося вчера мальчика. Собралась толпа, начали раздаваться враждебные крики, а когда развернули мешок и нашли там мясо,— казака пытались бить. Только вмешательство милиции спасло казака от самосуда.

Таких случаев было много.

Группа хулиганов подошла к отделению милиции и стала требовать, чтобы им выдали на расправу спрятавшегося в милиции казака. Руководителей банды арестовали, они оказались торговцами-кулаками.

Немало пришлось поработать нашим общественным организациям — партийной, комсомольской и профсоюзной,— чтобы покончить с враждебным отношением к казакам, вызванным великодержавной агитацией контрреволюционных элементов.

Казакам, особенно старикам и женщинам, было трудно приспособляться к работе. Потребности их были чрезвычайно ограничены. Им не нужно было много зарабатывать — казаку, его жене и другим членам

семьи достаточно заработать на хлеб и оплату столовой. Они не интересовались заработком, а значит и выработкой.

Там, где работали казаки, обычная картина в тот период была такой: сидят люди группами, ничего не делают и не обращают никакого внимания на указания десятников, техников, прораба. Выработывали они обычно треть, в лучшем случае — половину нормы.

Перестроить их сознание, приучить их к производству было очень трудно. Ведь у них не было нужных трудовых навыков, трудовой культуры. Многие, что делалось на стройке, вначале просто не доходило до их сознания. Можно было видеть, как казак идет прямо навстречу едущей на него машине или паровозу, не отдавая себе отчета в опасности этого движущегося предмета. В первое время было из-за этого много несчастных случаев среди казаков.

Использовали казаков преимущественно на подсобных работах, например: подноска материалов. Наиболее молодых и крепких посылали на земляные работы. Сначала казаки работали, в смешанных бригадах, вместе с русскими. Потом на некоторых участках мы начали создавать отдельные бригады казаков с бригадиром — казаком же. Удалось добиться того, что казаксине бригады начали работать интенсивно и преданно — даже начали выполнять норму.

Но это были только отдельные группы, — их на площадке все знали наперечет.

Началась упорная, кропотливая работа среди казаков. Часть казаков стала уезжать. Часть оставалась, приспособлялась к производству. Уже к концу 1932 года и особенно в 1933 г. культурный уровень оставшихся казаков был настолько поднят, что они начали по-настоящему втягиваться в производственную жизнь. Казаки менялись даже внешне: сбрасывали неудобную национальную одежду, надевали сапоги и европейский

рабочий костюм. В 1933 г. на строительстве были уже не отдельные бригады, а участки работ, где казаки перевыполняли норму. Они научились делу и работали действительно по-ударному.

По предложению нашей партийной организации, в 1933 г. группы рабочих-казаков были переведены на эксплуатацию. Коммунисты-мастера и старшие рабочие брали шефство и обучали казаков новому для них делу. Теперь уже нет такого эксплуатационного цеха, где ни работали бы казаки. На блюминге и на рельсобалочном стане, в коксовом цехе, на домнах и мартене — везде у нас работают казаки. Часть из них научилась читать и писать по-русски. Многие проходят техническую учебу. Многие женились на русских девушках. Теперь уже можно видеть казаков на слетак, в театре, они уже одеты в европейский костюм, носят галстук.

На первое декабря 1933 года в действующих цехах комбината работало около восьмисот казаков. В доменном цехе их было 96 человек—18,7 процента общего количества рабочих цеха. Из них квалифицированных 35 человек. В мартеновском цехе работало 89 казаков или 9,8 процента общего количества рабочих. Есть казак подручный, сталевар, и других квалификаций. В прокатном цехе 83 казака. Из них 17 — квалифицированные прокатчики.

После двухлетней трудной работы удалось создать прекрасные кадры квалифицированных передовых рабочих и даже мастеров-казаков.

СПЕЦ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Осенью 1930 г. прибыли на работу к нам первые раскулаченные. Это были исключительно мужчины,

крепкие сибиряки. Прибыли они сразу двумя эшелонами.

Надо было, прежде всего, поскорее их устроить. На горе у коксового цеха вырос в течение двух дней палаточный городок. Правильно распланированный, со всеми обслуживающими учреждениями — столовой и т. д. Через два дня люди уже были распределены по работам. Значительная часть их была направлена на компактную и трудную работу по устройству водозаборных сооружений на берегу реки Томи. Часть же была поставлена на стройку коксового цеха.

Прибыли они озлобленные, враждебно настроенные к стройке, недовольные своим переселением. От них еще веял дух ожесточенной борьбы, которую они вели в деревне против бедняцкой ее части, против коллективизации. С самого начала мы обратили серьезнейшее внимание на питание и оплату труда раскулаченных. Скоро они увидели, что их положение и работа значительно легче, чем они предполагали. Многие из них постепенно взялись за дело. Руководители цехов, увидя, что имеют дело с людьми, умеющими работать, а иной раз и квалифицированными, ставили многих из них на те работы, где они могли быть наиболее полезными.

Зимой 1930—31 г. все жили в трудных условиях. Работа была тяжелая. Раскулаченные, работавшие на Томи и на других участках площадки, все больше втягивались в работу. Враждебные элементы, не желавшие работать, постепенно отсеивались. Особенно быстро осваивалась молодежь. Некоторые из них говорили:

— Мы хотим своей работой показать, что, несмотря на наше происхождение, на враждебные действия наших родных против коллективизации, мы относимся к делу так же, как и все другие рабочие. Мы хотим своей работой искупить вину наших родителей.

Наступила весна 1931 г., момент большого развер-

тивавия строительства. Сроки, поставленные нам, заставляли ускорять темпы. Проекты и материальные ресурсы имелись, нехватало лишь рабочих.

Мы информировали Москву о положении с рабочей силой. В июне пришло сообщение, что к нам собираются направить большое число раскулаченных из центральных районов Союза. Предполагалось отправить на Кузнецкстрой не только работоспособных мужчин, но и членов их семей. А положение с жилищами было у нас крайне тяжелое.

Я телеграфировал в Москву, что мы не сможем принять столько новых людей. Москва настаивала на своем. Пока шла переписка, приехали квартирмейстеры, а за ними начали прибывать и первые эшелоны.

В течение нескольких дней на площадку прибыло несколько тысяч человек. Среди них были и мужчины, женщины, и ребятишки, и старики.

Стояла сухая, теплая погода. Рано утром я с несколькими товарищами приехал на берег Томи. Мы увидели там население целого города. Горы домашнего скарба— самовары, сундуки, кучи подушек... Не было ни одного свободного барака, ни одного дома, куда мы могли бы вселить этих людей. Что делать?

Мы потребовали было, чтобы их увезли обратно,— нам в этом категорически отказали.

Социальный состав прибывших был разнородный: крупные торговцы, владельцы мастерских, спекулянты, крестьяне-кулаки и др. Из разговоров с ними выяснилось, что многие враждебно настроены. Они, привыкшие почти всю жизнь пользоваться чужим трудом, пугались того, что им придется самим работать и своим трудом добывать себе средства к существованию. Многие встретили меня неприязненно, глядели хмуро, исподлобья.

Тогда я предложил комендатуре созвать собрание уполномоченных новоприбывших. Собрались солидные

«старшие». У всех был довольно растерянный вид. Я сказал им, примерно, следующее:

— Вас прислали сюда советские органы, как людей, которые боролись против советской власти. Вы не привыкли работать. Вам надо перестроиться, перевоспитаться. Вы это можете сделать честным трудом, преданной работой. Докажите делом, что вы достойны быть гражданами Советского Союза. Зима у нас, в Сибири, раиняя. Построить настоящие дома мы сейчас не можем. Надо вам самим что-то сделать. Я освобождаю вас на две недели от всякой работы. Дам вам технических руководителей для разбивки поселка, дам необходимые материалы, а вы теперь же начинайте строить для себя городок. Дома должны быть такими, чтобы в них можно было жить не только летом, но и зимой.

Строить городок я предложил им на другом берегу Томи — высоком и сухом.

Уполномоченные подробно расспрашивали меня, какие материалы им дадут, какие будут печи, дадут ли кирпич. Вопросы были все практические, хозяйственные. Спрашивали, будут ли построены общественные сооружения — больница, хлебопекарня, баня.

Я ответил, что здания общего пользования построим мы сами. Они же должны строить только жилища.

Все прибывшие были перевезены на другой берег Томи. Уже на следующий день закипела работа. В течение месяца — другого люди постепенно начали расселяться. За это время и мы построили хлебопекарню, школу, баню, амбулаторию. К поселку подана была вода, устроены водоразборные колонки.

Погода нам благоприятствовала: весь июль и август стояли на редкость сухие, теплые дни. К концу августа проблема расселения прибывших раскулаченных была почти решена. Правда, жилье было примитивное, но все же зимовать в нем можно было. В ав-

густе мы начали спешную подготовку к зиме: надо было утепляться, ставить печки, подвозить топливо.

Но ведь дело было не только в том, чтобы расселить многотысячную массу раскулаченных. Дело было в том, чтобы расставить их по участкам и правильно использовать на работе.

Мы переписали людей по квалификации и стали назначать на работу соответственно специальности каждого. Вначале было много недоразумений. Десятники, техники, прорабы зачастую неправильно использовали раскулаченных, неправильно оплачивали их труд.

Через некоторое время в спецгородке было устроено собрание уполномоченных. Уполномоченные поселка указали мне на этом собрании, что раскулаченных неправильно используют, что их иногда неправильно оплачивают, что некоторых из них кормят хуже, чем других рабочих. Я тут же заявил, что они будут в дальнейшем работать на тех же условиях, что и все остальные рабочие, что питание и оплата будут одинаковыми, а лиц, которые позволят так обращаться со спецпереселенцами, мы накажем или удалим с работы. Кроме того я обещал им, что мы будем ходатайствовать об амнистии, о восстановлении в гражданских правах тех, кто будет ударно работать.

Беседа затянулась далеко за полночь.

Большинство тех дефектов, на которые мне указывали уполномоченные раскулаченных, скоро было устранено. После этого многие раскулаченные стали работать лучше. Некоторые из них были квалифицированными, опытными людьми. Специальности их были самые разнообразные—повара, горшечники, щеточные мастера, чернорабочие, металлисты. Это были большей частью бывшие владельцы мастерских.

По мере того, как эти квалифицированные работники входили в работу и приспособлялись к ее условиям, они становились для нас подспорьем.

Среди прибывших было много женщин. Мы решили поставить их на работу,— да они и сами этого добивались. Для женщин специально организовали курсы штукатуров, каменщиков, маляров. Эти курсы, работавшие непосредственно в поселке спецпереселенцев, подготовили в 2—3 недели работниц, нужных нам квалификаций. Учились они внимательно и быстро. Скоро значительная часть спецпереселенцев была использована на работе.

Но забот и трудностей по устройству раскулаченных было еще много.

Бывший сибирский партизан коммунист Матушкин носился верхом на лошади по всем уголкам поселка спецпереселенцев, руководя его строительством. Он то мчался за материалами, то налаживал их перевозку, то сколачивал бригады переселенцев. Его зычный голос можно было слышать и днем и ночью во всех концах этого своеобразного строительства.

Матушкин чувствовал себя в своей стихии. Чуб его непокрытых волос развевался по ветру. Неразлучный его конек «Чалый» и прутик его всегда были при нем. «Кулацкий начальник», как прозвали его в шутку, в сентябре начал скучать: народ был расселен, дело уже двинулось вперед. Тогда Матушкин получил другое назначение: сначала на коммунальное хозяйство, а после на железнодорожный транспорт. Матушкин становился вдумчивее, серьезнее. Он руководился уже планом — стал более культурно работать, но также энергично и много: как будто старался быстро истратить избыток своих сил.

Первая зима в Сибири оказалась для раскулаченных трудной. Несмотря на это, многие относились к ра-

боте добросовестно и программу выполняли. Зимой, особенно к весне 1932 г., мы начали строить для раскулаченных постоянные дома. Предоставили спецпереселенцам землю для огородов, купили и роздали скот. Они начали обзаводиться хозяйством и больше интересоваться работой.

Группы рабочих из раскулаченных были прикреплены к отдельным цехам, предприятиям. Много, спецпереселенцев мы перебросили на районы кирпичных заводов — там было довольно свободно с жильем. Начали работать они и на деревообделочном заводе. Люди все больше привыкали к работе. Понадобился целый год, чтобы освоить тысячи спецпереселенцев, прибывших к нам.

Сейчас большинство из прибывших на Кузнецкстрой раскулаченных осело полностью, научилось новому делу и неплохо работает. Электрики, монтеры, котельщики, слесаря, токаря, каменщики, плотники — нет такой квалификации, которой теперь не было бы среди спецпереселенцев. И когда в 1933 году, в Октябрьскую годовщину, многие из спецпереселенцев были восстановлены в правах, почти никто из них не уехал с площадки. А немало было и таких, которые, уехав к себе домой, вскоре вернулись: они предпочли остаться у нас — полюбили стройку и завод.

Особенно труден был вначале вопрос с молодежью. Наши партийная и комсомольская организации, в отличие от первоначального периода 1930—1931 гг., провели большую работу с молодежью из спецпереселенцев. Нередки стали случаи, когда группы молодежи, преданные ударники, настоятельно требовали, чтобы их приняли в рабочие организации — в профсоюз и комсомол.

Стало нарастать расслоение. В лагере спецпереселенцев многие из молодежной части не только хотели работать, но и меняли свои взгляды, свое отношение

к работе, к той перестройке всей жизни, которая идет в нашем Союзе.

Когда мы отобрали среди строителей лучших людей для работы на заводе, то взяли и часть этой молодежи. Эти люди охотно учились новому и трудному делу, охотно и энергично осваивали сложные механизмы и наравне с другими категориями рабочих стали квалифицированной частью эксплуатационников.

Но не все раскулаченные хотели работать. Среди них было много бывших торговцев, трактирщиков, городских, жандармов; враждебные нам, не желавшие работать, постепенно отсеялись в отдельную группу. Сами переселенцы потребовали «убрать этих паршивых овец». Административные органы отправили их в другой район. Обстановка стала более здоровой.

Сейчас на высоком берегу Томи, где в 1931 г. был сначала большой табор, а потом построены первые землянки, стоит благоустроенный городок. В нем — сотни домов и домиков; есть электричество, водопровод, много образцовых общественных зданий. Но не только городок — люди, живущие в нем, стали иными.

Труд перестроил этих людей. Многие из бывших спецпереселенцев уже забыли о том, как они попали на Кузнецкстрой. Они чувствуют себя старожилками, кровно связанными со строительством, с заводом, с районом.

ПОСЕЩЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

За границей интересовались Кузнецкстроем. По вырезкам из иностранной прессы, которые мы получали, видно было, что интерес к нам и к Магнитострою растет с каждым днем.

В 1930 г. приехали к нам два англичанина. Один член парламента, другой — один из директоров, ант-

лийского государственного банка. Мы прикомандировали к ним товарища, говорящего по-английски. Англичане до осмотра строительства и после этого беседовали со мной.

При первой встрече они говорили весьма осторожно, какими-то незначащими словами, стараясь не касаться основных вопросов. Сплошное недоверие сквозило в их речах. На Кузнецкстрое они пробыли несколько дней. Перед отъездом я пригласил их к себе домой — поговорить за ужином. Англичане рассказали мне, что они приехали из Лондона прямо в Москву и в тот же день выехали в Кузнецк:

— Читая в газетах о Кузнецке, мы думали так: Сталинград и Днепрострой — это в Европейской России, они, наверно, существуют в действительности, это нетрудно проверить. Кузнецк же так далеко, что к нему вряд ли кто доберется. Существует ли Кузнецкстрой, строится ли на самом деле такой большой комбинат? Ведь предприятия таких размеров у нас, в Англии, за последние 60 лет не строились. Вот мы и приехали, чтобы самим убедиться, существует ли Кузнецкстрой.

Англичане подробно расспрашивали меня об объеме работ, о характере оборудования, задавали много технических и хозяйственных вопросов. Видно было, что они понимают дело. В заключение директор банка обратился ко мне с таким вопросом:

— Объясните мне, господин Франкфурт: у вас трудное хозяйственное положение, народу живется нелегко,—а вы беретесь строить такое огромное предприятие, как Кузнецкий комбинат. Сумеете ли вы довести его до конца? Ведь СССР строит не один этот завод...

В 1931 г. нам опять нанесли визит двое англичан. Молодые, стройные, с военной выправкой, обвешанные фотоаппаратами и биноклями, они прилетели из Москвы на аэроплане и пробыли у нас два дня. Молча разглядывали все объекты, подробно осматривали ра-

боты, потом улетели. Мне пришлось лететь с ними в Москву на одной машине. Летели мы в дурную погоду, с приключениями, с вынужденными посадками. Вею дорогу англичане молчали, лишь изредка перебрасывались короткими, отрывочными словами. Прилетели в Москву. Они тут же на аэродроме справились, когда вылетит самолет в Берлин и заказали билеты. Очевидно, спешили с докладом к пославшему их хозяину.

Особенно изобиловал визитами иностранцев 1932г. Японские, итальянские, немецкие военные атташе, советники, секретари иностранных посольств— все приезжали к нам, подробно расспрашивали о положении работ, с аппетитом кушали, любезно расточали нам похвалы и комплименты.

Кузнецкстроем начали интересоваться в мировом масштабе».

Летом 1932 г. приехал к нам редактор французской газеты «Репюблик» Пьер Доминик. С ним приехала французская журналистка (фамилию ее забыл) — представительница газеты «Журналь». Она вместе с Домиником была на Магнитной, на Урале, в Челябинске.

Журналистка интересовалась только бытовыми вопросами. Она ходила по рабочим домам, по баракам, столовым, яслям, всех расспрашивала, все осматривала. В беседе со мной она задавала подробные вопросы из той же области. Эта дамочка как-будто и не пыталась скрыть, что ей надо обязательно найти отрицательный, тенденциозный материал.

Более глубокое знание дела обнаружил Доминик. Он интересовался связью нашей с Магниткой, положением угольного хозяйства в Кузбассе, вопросами сбыта продукции, степенью технического совершенства предприятий, экономикой стройки.

Пьер Доминик много говорил о своем дружественном отношении к Советскому Союзу, о своих выступлениях в защиту СССР на собраниях в Париже, о том,

как при его помощи были осмеяны и удалены с одного такого собрания Керенский и компания. В высокопарных выражениях он заявлял, что восхищен и очарован той работой, которую мы ведем.

Мы провожали гостей завтраком у меня на квартире. Были Доминик с журналисткой, Бардин и я. Вначале обменивались пустяковыми ничего незначащими фразами, потом — особенно после стакана вина — разговор перешел на более существенные темы и принял более откровенный характер. Бардин мучился своим незнанием французского языка. Угрюмый сидел он рядом с журналисткой, сосредоточенно глядя исподлобья в свою тарелку.

Внезапно случилось «чудо»: француженка вдруг начала понимать, а затем — и говорить по-русски. Мне сразу стала понятной ее страсть к бытовым вопросам, ее тенденциозный интерес, ее попытки во что бы то ни стало подобрать отрицательный материал... Впоследствии я узнал о ее враждебных газетных выступлениях во Франции против нас и против других строек, которые она посетила.

Пьер Доминик на страницах «Репюблик» тоже оказался далеким от повторения того, что он говорил, будучи у нас. Ме было в его статьях и тени той безбрежной любви к Советскому Союзу, о которой он считал нужным заявлять нам!

В течение 1931—32 гг. к нам приезжало много представителей немецких и французских газет. Но искали они, как заявил мне один из них, «специфику Сибири». Им хотелось видеть и фотографировать людей в шкурах, хотелось писать про медведей, бродящих по стройке, слышать завывание волков. А у нас — шум большой стройки, медведей же и волков не было. Многие разочаровались — сенсаций нет!

Еще одно посещение запомнилось мне. Это было в 1933 г. К нам приехала многочисленная (семнадцать

человек), делегация представителей французской промышленности во главе с парижским адвокатом мосье Рибардье. Делегация путешествовала в отдельном вагоне, со своим вагон-рестораном. До нас они успели побывать на Маогнитострое, на Уралмашстрое и других стройках.

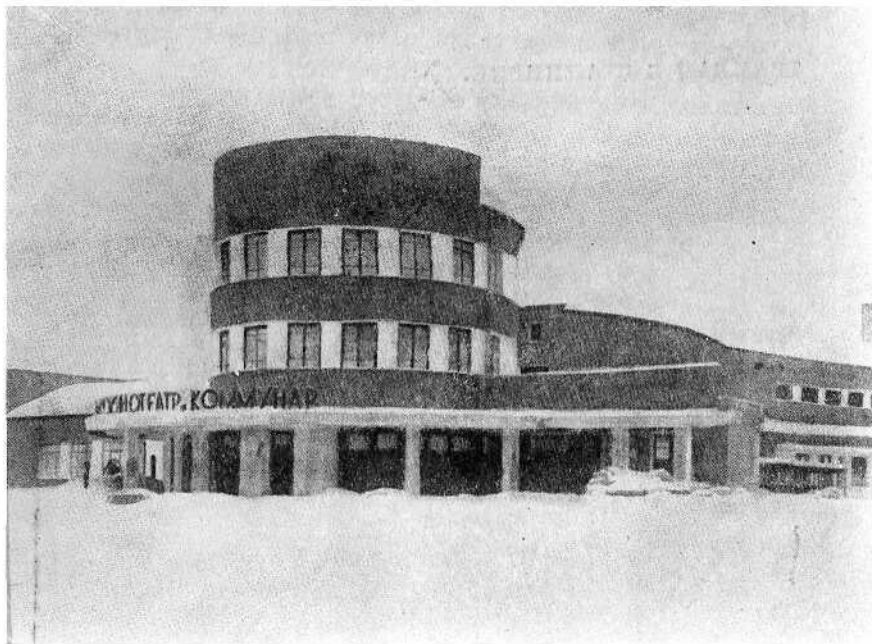
Делегация была вполне компетентной. Бардин встретил среди приехавших старых знакомых—французских инженеров, работавших прежде в Донбассе. Были здесь представители французского журнала «Завод», представители прессы. Несколько молодых людей—членов делегации—мы в шутку прозвали «комсомольцами», а оказалось, что каждый из них—владелец завода или фабрики. Был среди этой делегации старик-бельгиец, которого французы рекомендовали нам, как богатого человека, миллионера.

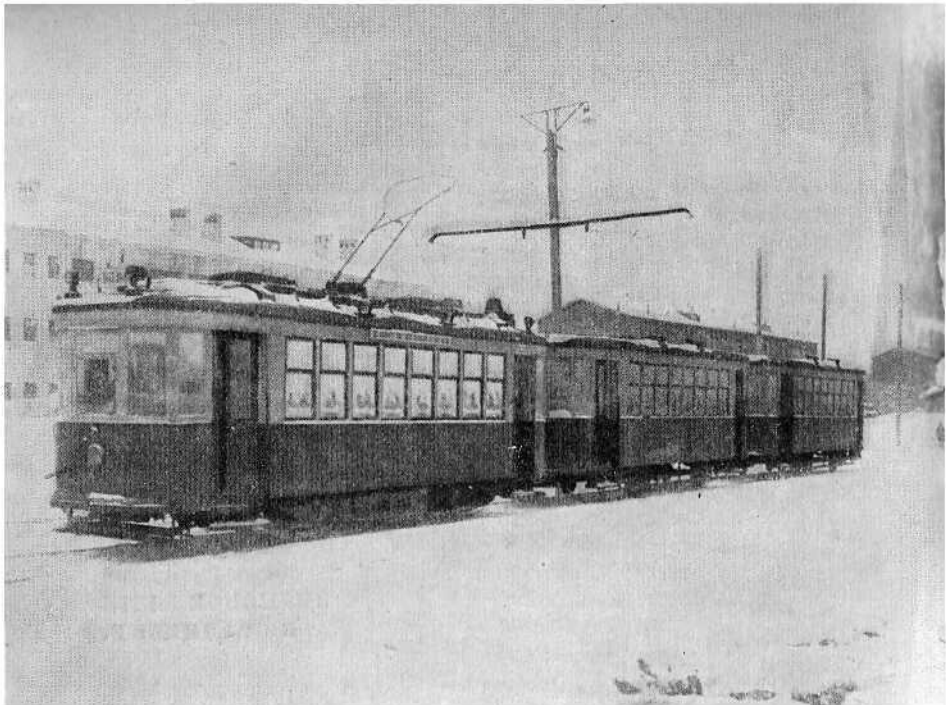
Делегаты долго, подробно, со знанием дела осматривали и стройку и действующие цехи. После того, как делегация закончила осмотр, мы вместе с Бардиным приняли ее.

Сначала гости были удивлены тем, что большевистский директор может объясняться с ними без переводчика. В течение двух часов они осыпали меня и Бардина детальными техническими, хозяйственными и общими вопросами. Вопросы задавались не дилетантами! Они говорили, по их собственному выражению, «как фабрикант с фабрикантом». Все наши объяснения—мои и Бардина—тотчас же записывались самым подробным образом: разговор документировался.

Провожали мы их ужином. Руководитель делегации г. Рибардье, умный и понимающий в советских делах человек, дружелюбно к нам настроенный, приехал вместе со своей женой. Во время ужина его жена, раостроганная любезным приемом и обрадованная тем, что многие из нас говорили по-французски, сказала:

**ЗВУКОВОЕ КИНО
В СТАЛИНСКЕ.**

ТРАМВАИ В СТАЛИНСКЕ.

— Представьте себе, мосье Франкфурт, в Париже многие мои друзья, особенно дамы, всячески советовали мне не ехать в Россию, да еще в Сибирь. «Вы хотите себя погубить!»— говорили они мне. А оказывается здесь так мило...

В комплиментах и похвалах не отставал и ее муж. г. Рибардье. Он заявил, что Кузнецк должен стать центром восточной политики Союза, что Кузнецк имеет огромное промышленное и оборонное значение. Нас, руководителей, он так хвалил в глаза, что даже неловко было.

Вот что писал затем Рибардье в книжке, изданной в Париже:

«Огромные преимущества Кузнецка проистекают от его географического положения, местного и общего. Очевидно, не без зрелого размышления г. Франкфурт был выбран из состава работников Наркоминдела (в свое время я работал в Наркоминделе. — С. Ф.), чтобы руководить созданием промышленного центра, который вскоре будет управлять тылом Монголии и, вероятно, Индии».

Во время ужина выступали почти все делегаты. Особенно любопытно было выступление старика-бельгийца:

— Я —капиталист, но в то же время —социалист. Вас, советских граждан, это, конечно, должно удивить, а между тем, это так...

Он рассказывал дальше, как Вандервельде обмалывает рабочих, говорил о том, насколько живуча и распространена клевета против Советского Союза; сообщил, что приезжает к нам в Советский Союз вот уже который раз и по возвращении всегда выступает в вашу защиту; жаловался, что многие его соотечественники заявляют, будто он говорит неправду, а он рассказывает о СССР только то, что сам видел.

Бельгиец говорил долго и подробно. Сидевшему со мной Хитарову я сказал:

— Может быть, его миллионы мешают ему быть социалистом? Давай, предложим освободить его ют этого тяжелого бремени.

Молодые промышленники тоже расточали похвалы: и любезности, заявляя, что уезжают очарованными.

Много еще хвалебных слов было сказано по нашему адресу.

Надо отдать справедливость г-ну Рибардье: книга, которую он издал, довольно детально и в соответствии с полученными данными описывала строительство Кузнецка. Книга написана правдиво, с большой теплотой и симпатией к нам.

Один из участников делегации, французский журналист, назвавшийся представителем министерства народного просвещения, должен был вернуться во Францию через Японию и Китай, и поэтому решил побыть у нас подольше, чтобы подробнее ознакомиться с делом. Его интересовала постановка просветительной работы. Впрочем интересовался он не только просветительной работой, а решительно всем. Перед тем, как уехать, он зашел ко мне.

— Вот я слышал ваше выступление на большом собрании в театре,— сказал он мне.— Не понимаю! Почему вы так жестоко, так беспощадно критиковали свою собственную работу? Почему вы, руководитель крупнейшего предприятия, выступая перед рабочими и инженерами, стараетесь находить у себя только отрицательное, тогда как у вас много положительных сторон и столько хорошего?

Я ему объяснил как мог. По-моему, он все-таки не понял знамения самокритики у нас.

Он интересовался бытовыми вопросами: как учатся у нас молодые рабочие, каково материальное положение их во время учебы, какое отношение к этому;

делу имеет государство. В конце разговора он, заранее извинившись, попросил разрешения задать еще один вопрос:

— Скажите, г. Франкфурт, как вы при таком скоплении одиноких мужчин обходитесь без публичных домов?

Он рассказал мне, что во время войны, при организации военных предприятий в ряде отдаленных районов Франции, создание публичных домов составляло чуть ли не важнейшую и серьезнейшую проблему... Кажется и после моего разъяснения он остался в недоумении.

С осени 1933 г. к нам зачастили американские журналисты.

Больше, чем кто-либо из ранее приезжавших иностранных журналистов, они искали «чего-нибудь специально таежного» — сибирской экзотики. Они ведь приезжали в Кузнецк, в тайгу! А тут — неожиданность: большое, привычное для них американское предприятие! Как не разочароваться людям, жаждавшим необыкновенного!

Представитель одной нью-йоркской газеты, побывав у нас и не найдя сенсации, решил поехать по бездорожью и дикой тайге в Барнаул и Бийок. Я ему не советовал — дело было уже зимой. Но он все же поехал. Кучер, который ездил с ним много дней, рассказывал мне потом, как американец пробирался через тайгу, посещал поселки шорцев, снимал их, подробно записывал рассказы об охоте, об условиях жизни.

Из-за границы приезжали к нам не только буржуазные гости. Приезжали и рабочие, коммунисты. Они, конечно, в ином свете видели Кузнецкстрой и его работников. То были совсем иные встречи и беседы!

Приехал французский коммунист, журналист Вайян Кутюрье. Он вместе с нами переживал радости и печали стройки. Он долго ходил по стройке, много

говорил с людьми и уехал полный впечатлений, чтобы рассказать французским рабочим о той борьбе за социализм, которая ведется в далекой Сибири.

Вайян Кутюрье был чужд пышной фразеологии, он не рассыпался в комплиментах и похвалах. Слова его были простыми и сердечными — словами товарища.

В 1932 г, на Кузнецкстрой приехала многолюдная делегация чехо-словацких рабочих. Несколько дней осматривали они строительство. Затем на собраниях делегаты и ваши рабочие рассказывали о своей жизни, о работе.

На Куанецкстрое работало много бывших сибирских партизан. Во главе кузнецкстроевского отделения союза красных партизан стояла известная в Сибири партизанка. По ее инициативе устроили совместное собрание чехо-словацкой делегации и красных партизан. Выступавшие на собрании партизаны рассказывали о «геройских подвигах» чехо-словацкого белогвардейского корпуса, который вместе с колчаковцами участвовал в карательных экспедициях, в порках, расстрелах, издевательствах над сибирскими рабочими и крестьянами. Чехо-словжи слушали с карандашами и блокнотами в руках, записывая то, что рассказывали рабочие и крестьяне-партизаны.

Делегация была у меня. Долго и подробно рассказывал я им о нашей стройке, о ее задачах, о том, что мы сделали и что еще надо делать. Делегаты задавали массу вопросов. Особенно интересовало их положение рабочих, оплата труда, вопросы социального страхования. Большинство делегатов аккуратно записывало все мои ответы. Председатель делегации, прощаясь,

подарил мне значок чешского МОПР' а и благодарил за сообщение.

— Самое лучшее, что мы сумеем сделать, — сказал он, — это рассказать о том, что мы видели и слышали у вас на стройке. Никто из нас, даже друзья Советского Союза, не представляют себе, что могут быть такие большие дела, как здесь. Никто не представляет себе той преданности работе, какую мы у вас наблюдали.

Прошло несколько месяцев. Неожиданно я получил письмо за подписью бывшего председателя делегации. В письме он сообщал, что по возвращении в Чехо-Словакию члены делегации выступали на рабочих собраниях. На одном таком докладе кто-то из членов рабочей делегации рассказывал о тех ужасах, которые творили чехословацкие белогвардейцы в Сибири, о том, как они ловили сибирских крестьян и топили их живыми в прорубях, о том, как чехи насильничали, как грабили сибирские деревни. Докладчик называл места событий, называл чешские воинские части, которые все это делали.

«Храброе чешское воинство» — колчамовские герои — обиделись. Они привлекли руководителя чехо-словацкой делегации к уголовной ответственности «за клевету». Председатель делегации просил прислать ему официально заверенные документы, подтверждающие то, что было рассказано партизанами на собраниях в Кузнецке. Чешскому суду делегаты хотели представить бумаги с печатями, официальные письменные свидетельские показания. Только это — полагали наши чешские друзья — спасет делегатов от тюрьмы.

Наш юрист Кладрцкый усердно занялся этим делом: он собирал документы, оформлял и заверял их.

Чем кончился суд, как повлияли на приговор показания наших партизан, я не знаю.

ПЕЧАТЬ И КУЗНЕЦСТРОИ

Летом 1931 г. я вылетел в Новосибирск.

У секретаря крайкома Эйхе я застал много знакомых—заведующего культпропом ЦК партии А. И. Стецкого, В. В. Осинского, редактора «Известий» Гройского, редактора «Рабочей газеты» Филова и других москвичей. Они летели из Москвы. Были в Магнитогорске, а теперь летели в Кузнецк.

На рассвете, усевшись вместе с гостями в удобный АНТ-9, мы вылетели в Кузнецк.

Если взять комплекты газет за этот период—особенно «За индустриализацию», «Правды», «Известий» и «Комсомольской правды», то можно видеть, как тогда советские газеты изо дня в день освещали работу Кузнецкстроя. Газеты оказывали нам большую практическую помощь.

«За индустриализацию», а затем и «Рабочая газета» взяли шефство над Кузнецкстроем. Спецкоры газет были разосланы на многочисленные предприятия, выполнявшие заказы Кузнецкстроя. Специальные газетные бригады были посланы на особо важные предприятия, отстававшие с выполнением заказов. «Комсомольская правда» на всем длинном пути транспортировки наших материалов и оборудования организовала бригады и проталкивала, продвигала множество срочных маршрутов.

В Сибири нам нужно было разрешить вопрос о снабжении и транспортировке лесных материалов. «Советская Сибирь» послала бригады почти во все основные лесные районы. Вербовка рабочих была не менее важным делом для нас. И «Советская Сибирь» повседневно критиковала отстающие районы, посылала бригады, организовала вербовку и отправку людей.

Особенно чувствительна, реальна и систематична была помощь газеты «За индустриализацию», редак-

тор который В. С. Богушевский всегда внимательно и чутко следил за нашей работой.

Приезжая в Москву, я всегда бывал во всех редакциях. Ставил там наиболее жгучие и важные вопросы, в которых нам нужна была помощь, — и тотчас же газеты начинали кампанию, результаты которой обычно скоро давали себя знать.

Печать следила за нашей работой, вскрывала наши недостатки и ошибки. Это для Кузнецкстроя было большим организующим фактором.

Стецкий, Осинский, Гройский и другие долго ходили по стройке, расспрашивали инженеров, рабочих. Они увидели масштабы наших работ, их темпы, они начали, — как говорил мне А. И. Стецкий, — «чувствовать дух стройки». Особенно детально интересовался работами Осинский. Он и в этот раз и в следующий свой приезд с выездной сессией Академии наук обращал наше внимание на необходимость развивать собственную рудную базу.

Помню, мы проходили мимо одного цеха. Там висел лозунг, который особенно понравился гостям: «Ребята, нажмем, не подкачаем!»

«Ребята» действительно «нажимали», никто не хотел «подкачать».

Сильно помог приезд гостей нашей заводской газете. А. И. Стецкий, увидев на месте большое значение общепостроечной газеты и слабость ее технической базы, разрешил нам получить ротационку, линотип и цинкографию. Осинский написал в «Известиях» подробные статьи о нас. Написал статьи и редактор «Рабочей газеты» Филлов.

Большую организующую роль играла не только центральная печать, но и краевая наша газета. Сначала она называлась «Сибирский гигант», а потом была переименована в «Большевистскую сталь».

Многие газеты и журналы присылали на Кузнецк-

строй очеркистов. У нас долго работали писатели Панферов и Ильенков. Они внимательно изучали стройку и ее людей не только на площадке, но и на периферии. Они были в Тельбесском районе, ездили на Гурьевский завод, в старый Кузнецк. И в результате написали лишь один или два, очерка в «Правде».'

Панферов и Ильенков говорили мне, что тут столько материала, стройка требует такого глубокого изучения, что в результате короткого своего пребывания у нас (около месяца), они не берутся писать что-нибудь серьезное.

— Нам надо, — говорили они, — еще раз приехать, посидеть долго, чтобы глубже изучить обстановку работы.

К сожалению, далеко не так вдумчиво относилось к делу большинство других очеркистов.

Погуляв день—другой на площадке, они обычно уже «все видели», «все знали», «все понимали». И появлялся очерк: «У отрогов Алтая, в живописной долине раскинулся гигант»...

Дальше —обычно оплошная выдумка и всяческие технические несуразности.

Запомнился случайно попавший к нам в руки номер «Вечерней Москвы» с очерком о Кузнецкстрое. Кроме набившего оскомину «поэтического» предисловия и описания местности, в очерке среди прочих нелепостей сообщалось, что на Кузнецкстрое с необычайной легкостью поднимают колонны весом в 5 тыс. тонн. О подрывных работах в карьерах рассказывалось в тоне описания бомбардировки Вердена. Но больше всего хохотали мы над тем, как изобразил очеркист нас самих, руководителей стройки. Если судить по его описанию, то мы были либо кандидатами в сумасшедший дом, либо людьми, бежавшими из лечебницы для нервных больных.

Работников строительства поражал чрезвычайно

легкий подход приезжих литераторов к знакомству с Кузнецкстроем. Чтобы обойти и внимательно осмотреть стройку, нужно было несколько дней. Чтобы поговорить с руководителями работы, мастерами, бригадирями, нужно было тоже несколько дней. А очеркисты приезжали на день — два, — и все им было уже известно и понятно!

Я говорил со многими из приезжавших и обращал их внимание на необходимость более серьезно изучить дело. Но они обычно куда-то торопились, им надо было «изучить» еще и другую стройку...

В 1931 г, усиленно добивался свидания со мной некто, рекомендовавший себя представителем тогдашнего союза писателей и драматургов. Я был несколько удивлен внешним видом «драматурга»: человек с двойной артистической фамилией, круглый, с тщательно закрученными усиками, галстук «бабочкой», брюки с аккуратной складочкой, шаркающая походка, неприятная лживость во всем облике. Он предъявил мне бумагу учреждения, которое его командировало с поручением «написать драму о Кузнецкстрое».

Несколько минут разговора с ним показали, что он ничего не понимает ни в том, что происходит в стране, ни в том, что делается на площадке. Ясно было, что это — случайный человек, который хочет подкормиться за счет Кузнецкстроя. Два — три раза я еще встретил его разгуливающим по площадке, а потом он уехал, и, конечно, ничего не написал.

Помню приезд одного писателя с крупным именем. Через несколько дней он сказал мне:

— Ну, я еду! Материал у меня подобран. В Москве напишу пьесу или повесть о Кузнецкстрое.

Я удивленно возразил, что вряд ли можно за такой короткий срок изучить и стройку и уже работавший в то время завод. Он уверял, что для него — вполне

достаточно. Так я до сих пор и не слышал, чтобы он что-нибудь написал...

Много прекрасного материала потеряно, осталось неизученным из-за того, что литераторы мало и редко бывали у нас, а если бывали, то мало изучали нашу работу.

НАШИ ГОСТИ

Гости обычно приезжали на Кузнецкстрой летом — зима наша пугала. Часто прибывали к нам экскурсии, многочисленные и разнообразные по составу: рабочие центральных районов, сибирские колхозники, профессора, школьники, студенты. Многие приезжали сами, неорганизованно — едет человек в командировку в Сибирь или возвращается с Дальнего Востока, — ну, как не заехать посмотреть Кузнецкстрой?

Нам некогда было окружать гостей большими заботами и вниманием, не было возможности предоставлять им удобные условия жизни. Экскурсанты часто ночевали на столах — в конторах, в школах, где придется. Но это, кажется,нисколько не понижало их интереса к стройке. Некоторые даже были довольны тем, что могли «пострадать» вместе со строителями.

Над Западной Сибирью шефствовал Ленсовет. Делегация ленинградских заводов прибыла в Сибирь и заехала к нам. Среди них было много старых питерских рабочих, больших патриотов Ленинграда и его заводов. Помню одного из них — седого, в оловянных очках, подвязанных веревочкой за уши. Он долго похозяйски осматривал работы, ходил по площадке несколько дней. Прощаясь со мной, он сказал:

— Теперь я знаю, куда идут наши денежки. У вас строятся такие заводы, каких я не видел ни в Ленинграде, ни в Донбассе. Это я расскажу своим...

Много приезжало сибирских колхозников. Они

степенно ходили по стройке, подробно расспрашивая обо всем. Ощупывали здания, железо, кирпич, как будто желая убедиться в их реальности. Ошеломляющее впечатление производили на них работающие цехи: выдаваемый из печей раскаленный кокс; огромная струя жидкого чугуна, льющегося в многотонные ковши; чушки чугуна, непрерывно падающие в вагоны; льющаяся сталь в мартеновском цехе; наконец, прокатка рельс. Подолгу стояли они группами перед агрегатами и машинами, пристально разглядывая их. Потом многие по одиночке возвращались в цех—и опять стояли у домен, мартенов, на прокате.

— У нас в колхозах, — говорил один из них, — нехватает железа, нехватает гвоздей, подков для лошадей. Мы все думали, куда оно идет? Теперь видно — оно ушло на постройку завода. Правильно! Кузнецкий завод даст еще больше металла.

Делегация одного колхоза, вернувшись с площадки, организовала у себя бригаду, которая привезла нашим рабочим масла, мяса и других продуктов. Таких случаев было немало.

Многие колхозники работали, у нас на площадке. Теперь нет в Сибири ни одной деревни, ни одного села, ни одного колхоза, где не знали: бы, что такое Кузнецкстрой.

Кузнецкегрою шефствовал над несколькими красноармейскими частями. Они нередко приезжали к нам. Одна артиллерийская школа даже пришла к нам пешком, пройдя в походном порядке несколько сот километров. Курсанты и командный состав этой школы побывали на всех строительных участках и в действующих цехах. Им читали лекции, давали подробные объяснения. Потом они, разбившись на группы, встречались с рабочими в клубах, красных уголках и просто в семейной обстановке. Это были дружные, часто трогательные встречи. Начальник школы говорил мне по-

том, что посещение Кузнецкстроя вызвало огромный подъем среди курсантов: они воочию увидели крупнейшую в Союзе стройку, они ощутили и поняли, чем живут рабочие.

Весной 1931 г. к нам приехал Демьян Бедный. Было устроено несколько собраний молодежи, пишущей и жаждущей писать. Демьян долго беседовал с ними, учил—как и о чем писать. Выступал Демьян и на больших рабочих собраниях. Я прежде думал, что Демьян только стихи хорошо пишет, а он, оказывается, прекрасный оратор. Он не говорит, а рассказывает.

Его рассказ, необыкновенно простой и убедительный, глубоко захватывал слушателей. Собрание было потрясено до слез, когда Демьян рассказывал об ужасах прежней жизни, о жадности кулаков, о нищете рабочих и крестьян-бедняков, о том, как русского человека учили умирать, а вся его жизнь состояла в том, чтобы готовиться к смерти. Своими рассказами Демьян звал людей к борьбе со всем старым, к упорной и напряженной работе.

Приезд Демьяна Бедного особенно наглядно показал, как сильно оружие слова. Долго еще вспоминали Демьяна Бедного рабочие и делились впечатлениями о его рассказах.

Летом в 1932 г. в Новосибирске заседала выездная сессия Академии наук. К нам приехала группа академиков — Кржижановский, Павлов, Байков, Осинекий, Горин, Губкин, Лебедев, Волгин и другие. Они не только ознакомились со стройкой, но и провели большую работу.

Кржижановский дал важные указания, касающиеся работы электростанции. Металлурги Павлов и Байков консультировали проект цехов и прочли лекции. Губкин и Лебедев консультировали горные разработки и разведки. Полезный был визит!

Дважды к нам приезжал наркомпутъ тов. Андреев.

Необходимо было форсировать строительство новых железнодорожных линий, развить ж.-д. узлы, улучшить работу наших дорог.

Мы обсуждали с Андреевым эти жизненные для нас вопросы, и его приезды помогли быстро разрешить железнодорожные проблемы.

Часто приезжал к нам начальник Кузбассугля М. Л. Рухимович. Мы с ним советовались по многим вопросам и всегда его опыт, его проницательный ум, знание дела приносили нам большую пользу, У нас было с тов. Рухимовичем «неписанное и нерушимое соглашение о взаимной помощи и поддержке. Вместе с ним мы боролись за превращение Кузбасса во второй угольно-металлургический Донбасс.

Над Кузнецкстроем шефствовало общество старых большевиков. Члены Общества часто приезжали к нам. Помню приезд Лядова, Людмилы Сталь, Черномордика, Ярославского. Приезжая в Москву, мы с Хитаровым докладывали Обществу о ходе работ на Кузнецкстрое и всегда получали нужную нам поддержку.

Старые большевики особенно радовались сибирским успехам. Ведь они помнили прежнюю Сибирь, где провели годы каторги и ссылки!

— Знаете, — говорили они, — побудешь у вас, и как будто сбрасываешь свои годы, молодеешь.

Однажды приехал к нам Анцелович с группой товарищей. Дело было вечером. На него произвело сильное впечатление море огней Кузнецкстроя.

— Это светят огни социализма! — сказал он на собрании-слете.

С восторгом осматривала нашу стройку председатель ЦК МОПР Е. Д. Стасова. Мы с ней ходили по стройке и попали в район, где велись подрывные работы. Здорово ее тогда окатило землей!

— У вас совсем, как на фронте! — сказала она.

Приезжал к нам М. И. Калинин. Подробно знако-

миляя со стройкой завода и города, подолгу был в цехах, разговаривал с рабочими, расспрашивал их об условиях жизни и работы. Особенно сильное впечатление произвел на Михаила Ивановича прокатный цех — бесконечный конвейер раскаленных рельсов, сходящих с рельсобалочного стана.

Вечером на собрании актива Калинин делился своими впечатлениями. Он говорил о том значении, которое имеет наше стротельство не только для народного хозяйства и обороны, но и как важнейший культурный форпост на Востоке.

— Вы должны,— говорил Михаил Иванович,— не только доказать, что уже овладели сложной техникой, но и двинуть дело так, чтобы к нам ездили учиться из-за границы.

Приезд руководящих товарищей, рабочих, колхозных и красноармейских делегаций, их выступления, встречи с рабочими имели огромное воспитательное и мобилизующее значение. Наши рабочие, инженеры техники и служащие все больше чувствовали свою связь с многомиллионным коллективом трудящихся СССР, чувствовали то внимание, которым окружено наше строительство. Товарищи же, побывавшие на Кузнецкстрое и видевшие работу на стройке, ее трудности и успехи, впоследствии всегда оказывали нам поддержку и помощь.

ТОННЕЛЬ

Строительную площадку перерезало много железнодорожных путей. Общее протяжение ж.-д. путей должно было составить более 300 километров. Пути были разветвленные, целевого назначения: пути порячего чугуна и шлака, пути скрапа, угольные пути—отдельно для коксового цеха и ЦЭС, пути горячей стали.

По ж.-д. путям шли огромные сплошные потоки сырья, топлива и готовой продукции — угля, руды, флюсов, скрапа, камса, чугуна, стали, стальных болванок, обжатых блюмсов, рельс, шлака, мусора. Двигался жидкий чугун к разливочной машине и мартену, Составы изложниц шли под разливку стали. Разлитую сталь везли в стриперное здание. Горячие болванки подавались к нагревательным колодцам. Все это должно было передвигаться быстро, точно, иначе срывалась работа горячих цехов.

А строительные работы! Надо было вывозить землю, подавать гравий, песок, кирпич, лесные материалы, перевозить железные конструкции и монтировать их, пользуясь ж.-д. путями.

Обслуживая этот гигантский грузопоток, на небольшом участке земли работали свыше 60 паровозов и тысячи кузнецкстроевских вагонов, не считая прибывающих извне составов с рудой, углем, строительными материалами.

Разветвленные железнодорожные пути и оживленнейшее движение по ним мешали людям передвигаться по заводу, сообщаться с городом, с Верхней колонией. Мы это предвидели еще при составлении проекта и уже тогда решили людское и автогужевое движение направить под завод. Было задумано построить подземный проходной и проездной тоннель под всем Кузнецким заводом, сооружение дорогое, большое, массивное, трудоемкое, но остро необходимое.

Сделать его надо было как можно скорее еще и потому, что самое строительство тоннеля разрезало, разделяло всю промышленную площадку на две части. В центре самого завода надо было выкопать и вывезти десятки тысяч кубометров земли, и в этом грандиозном котловане будущего тоннеля производить большие и сложные железобетонные работы.

1 июня 1930 г. Совнарком постановил перебросить

к нам опытных инженеров со всех строек Союза. В частности, достраивавшийся Турксиб должен был дать нам 10 инженеров. Первым приехал с Турксиба инженер Е. Ф. Кожевников. Мне показалось вначале, что его аккуратная фигура больше подходит для работы над чертежами в проектном бюро, чем на стройке. Трудно было представить себе, что он выполнил большую производственную работу в тяжелых условиях Турксиба. С ним вместе приехал инж. В. Н. Ушатын, который тоже вел на Турксибе и до Турксиба большие земляные работы.

На Кузнецкстрое обоим поручили техническое руководство железнодорожным строительством и земляными работами, создав специальный цех «Земжелдорстрой». Начальником цеха был назначен Я. А. Кангер. Этому же цеху в 1931 г. поручили строить тоннель.

Кожевников и Ушатын всегда работали неразлучно. На работе и вне ее они как бы дополняли друг друга. И теперь, когда я пишу о них, мне трудно представить себе их отдельно, одного без другого.

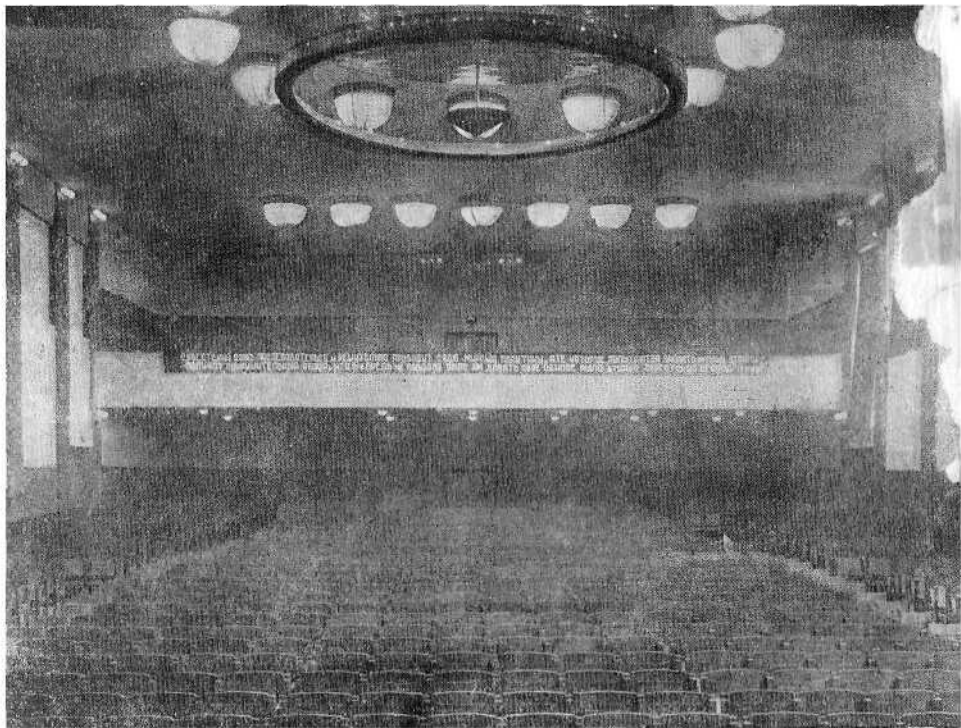
В трудных условиях приходилось прокладывать тоннель: возле строящихся цехов, под огромным количеством путей, в том числе и под путями горячего чугуна и шлака, вдоль линий водопровода, теплофикации, подземной электросети. При этом у строителей тоннеля не было особой территории для склада материалов, для механизмов и обслуживающего хозяйства.

В 1931 г. начали копать первые котлованы под тоннель. Копать надо было глубоко. Курганы земли по бровкам изо дня в день увеличивались. Рыли землю вручную, экскаваторами, вывозили ее в вагонах, грузовиками, грабарками. Пущены были в ход все средства, чтобы не мешать работам на других участках, не задерживать их.

Всю зиму 1931-32 г. вели земляные работы. Той

**ГОРОДСКОЙ ТЕАТРА ИМ. ЭЙХЕ.
ЛЕТО 1984 г.**

ГОРОДСКОЙ ТЕАТР.
ЗРИТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ.

же зимой началось бетонирование. Копать и бетонировать можно было только на отдельных участках. Нельзя было разрезать площадку на протяжении всех 540 метров тоннеля. Это неминуемо сорвало бы основные строительные работы.

Летом 1932 г. земляные и бетонные работы на стройке тоннеля развернулись полиостью. В то время надо было уже пускать основные цехи. Заканчивались и сдавались в эксплуатацию постоянные железнодорожные пути. На площадке резко выросло движение грузов. Стройка тоннеля мешала работать. Тоннель задерживал эксплуатацию и строительство. Мы решили устроить по котловану, вырытому для тоннеля, временные деревянные, но довольно солидные мосты под ж.-д. пути для чугуна, шлака, скрапа.

В 1932 г. один из прорабов тоннеля простудился на работе, недолго поболел и умер. Товарищи решили хоронить его в самом тоннеле. Похоронное шествие с оркестром спустилось по стремянкам в котлован. Вырыли могилу, похоронили в ней умершего прораба и вскоре забетонировали это место,

...Площадка, изрезанная путями, в дожди была почти непроходима. Люди ходили по грязи, карабкались по лесам стройки, лезли через котлованы. Падали, ругались, шли дальше.

Грунт у нас глинистый. Час—другой дождя — и грунт размокает, становится липким, засасывающим. Осенью и весной грязь делалась бичом, проклятьем всех живущих. Люди теряли галоши, даже сапоги. Старожилы начали приспособляться: галоши и ботинки привязывали к нотам веревками, а то и проволокой.

Однажды я был свидетелем такой сцены. Работало у экскаватора несколько человек. Накануне шли сильные дожди. Все рабочие, обслуживающие экскаватор, стояли на настиле из шпал. Один соскользнул на землю и увяз по колена в глине. Бился, бился, никак

не мог вылезть. Товарищи сначала смеялись над ним, потом стали его спасать. С большим трудом его уже вытащили было из грязи, но вдруг он стал кричать:

— Сапоги!.. Сапоги!..

Его вытащили босиком. Сапоги остались в глине.

Как все ненавидели грязь! Выходя на работу в чистых сапогах или ботинках, сначала искали твердых, сухих мест, чтобы не запачкать обувь. Так — до первой предательской лужи. А потом уж шли напролом, не разбирая дороги. Особенно страдали от грязи приезжавшие горожане — деликатная городская обувь никак не подходила для тогдашних дорог на площадке,

Кузнецкстроевскую грязь запомнили все, кто жид и бывал у нас.

К зиме 1932 — 33 г. уже работали все цехи завода. По площадке шныряли паровозы, поезда. Довольно часты были несчастные случаи с людьми.

Надо было скорее закончить тоннель.

Летом 1933 г. приехал тов. Орджоникидзе. Мы с ним обходили завод. Встретили неразлучных Кожевникова и Ушатица. Я предложил тов. Серго осмотреть тоннель. Сказать правду — я немного опасался: не выругает ли тов. Серго вас за сверхамериканизм, за это дорогое сооружение?

Спустились вниз. Некоторые секции тоннеля были уже закончены и отделаны. Два ряда массивных железобетонных колонн отделяли широкие тротуары для прохожих от широкой дороги для автогужевого транспорта. Наверху — жарко и душно, а в тоннеле — влажно и прохладно. Тов. Серго обошел несколько секций и, утомившись присел на валявшиеся доски. Он долго и внимательно разглядывал тоннель. Наконец, сказал: «Умно задумано... Очень умно задумано».

Мы все очень обрадовались. Это была похвала не только тому, как выполняется работа, но и самой идее тоннеля.

Накануне Октябрьских праздников в тоннеле работали безвыходно—доделывали, убирали, чистили.

Наступила XVI годовщина Октября. Накрапывал мелкий холодный дождик. Колонна строителей путей, и тоннеля собралась у входа в тоннель. Тоннель был перегорожен длинной красной лентой. Под звуки музыки и крики «ура» я разрезал ленту. Путь открыт! Колонна пошла по тоннелю. В середине тоннеля она остановилась, оркестр заиграл похоронный марш: здесь в невидимой могиле был похоронен прораб тоннеля...

Колонна вышла на другой конец тоннеля. Ее встречали оркестры музыки, демонстранты. Движение было открыто.

Возвращаясь домой после демонстрации, я заметил старушку, которая в недоумении стояла у открытого тоннеля. Можно ли по нему пройти? Наверное — нельзя... Она взобралась наверх, и по ухабам, через пути, поплелась к себе домой...

Вскоре тоннель превратился в непрерывный конвейер—двигались люди, машины, лошади. Можно было удобно и легко передвигаться в любую погоду. Многие хвастливо заявляли: «как в Москве»...

Все вздохнули с облегчением.

КОМСОМОЛИЯ

Приезжавших к нам на площадку обычно поражало обилие молодежи среди рабочих, техников и инженеров. Молодежь была везде и всюду. Она бодро переносила и жизненные лишения и трудности работы. Не слышно было ни ропота, ни хныкания.

Холодно зимою, нехватает валенок, полушубков, теплых рукавиц, надо работать на морозе, надо лезть

на большую высоту — молодежь это делала легко, весело, подчас с озорством. При монтаже домен верхние конструкции были расчалены, укреплены стальными троссами. Надо что-то взять внизу — инструмент, заклепки, а спускаться и подниматься по монтажным лестницам долго. Молодой парень хватается руками за тросе и стремглав скользит по нему ввив...

Они были жадны к работе. Мастера и рабочие вначале подсмеивались над тем, что у молодежи не хватает опыта и знаний. Но молодежь живо пополняла эту нехватку, быстро и помногу впитывая и знания и опыт.

Было у нас много отстававших участков, которые следовало «вытаскивать», много брешей, которые надо было заполнять. В моменты пуска цехов надо было достроить и отделать театр, клуб, здание ФЗУ, навести чистоту, озеленить город. Много было работы, а сил нахватало. После десятичасовой тяжелой работы комсомольцы с музыкой, с песнями шли на субботники и работали помногу часов. У молодежи и ее боевой комсомольской организации было всегда много инициативы. Видят, валяется материал на площадке — организуется месячник уборки материала. Надо после весеннего половодья навести чистоту и порядок в городе. бороться за образцово чистый барак — ватаги комсомольцев с веселыми песнями отправляются на субботник, чтобы завтра снова взяться за свою обычную работу.

Была у комсомольцев маленькая слабость — любили они создавать «штабы», «тройки» и «пятерки». Им нравилось то, что это похоже на военную организацию. Зато и воевали они на славу!

Паша Комаров — сибиряк. Длинные светлые непокорные волосы и веселые глаза. На Кузнецкстрое — с самого начала. Из далекой деревни, где-то из-под Бодайбо, он принес с собой упорство и настойчивость. Паша — первый секретарь комсомольской организации.

Он понимает настроения тысяч молодых крестьян-колхозников, которые работают у нас, знает их интересы и нужды. Но думает Комаров медленно, подвигается туго, а жизнь и работа идут вперед с огромной быстротой. Молодежи становится все больше, комсомольская организация быстро растет.

ЦК комсомола прислал нам в 1930 году большую группу комсомольских работников да Москвы, из Ленинграда, с Украины. Они были сняты с ряда заводов и строек и переброшены к нам. Овчаров, Ершов, Адоньева, Эпштейн и много других — все это крепкие ребята, напористые. У них уже имелся и опыт массовой работы. Несколько дней походили они по стройке, потолкались среди молодежи, побывали в ячейках и взялись за работу. Сразу заметно стало больше продуманности, организованности, а главное — быстрота и напористость. Паша Комаров оставался секретарем. Овчаров и другие были разбросаны по периферии, по ячейкам. Скоро стало ясно, что Комаров своей медлительностью мешает работе новых ребят. Особенно остро чувствовал это Овчаров — парень не по годам серьезный, с быстрой, хорошей природной сметкой. Он и приехавшие вместе с ним комсомольцы стали требовать изменения темпов и содержания работы комсомольской организации. Столкнулись два течения: медленное, осторожное, крестьянское — Комарова и быстрое, наступательное, пролетарское — Овчарова. Приехавшие комсомольцы поругивались со старыми работниками и двигали дело вперед.

Скоро Комаров уехал с площадки. Комсомольская организация, ее работа среди молодых стала расти. Особенно благодарной почвой для этой работы были молодые сибиряки и сибирячки. Много у них было жадности к новым мыслям и словам, к книгам, учению, работе.

Комсомол стал завоевывать себе все более заметное

место в жизни стройки. С комсомольцами уже считались, их уже искали. Даже старые инженеры и мастера, которые прежде с иронией и насмешкой смотрели на молодежь, теперь требовали подкрепления именно из комсомольцев.

Комсомолия, рабочая молодежь становилась серьезной, подчас решающей силой у вас на площадке.

Началось соревнование отдельных участков. Комсомольцы всегда были застрельщиками и большей частью — победителями в соревновании. Им хотелось иметь свой комсомольский участок, где они сумели бы показать образцы работы. В это время начиналось строительство литейного цеха — строительство компактное, несколько обособленное. Комсомольцы договорились со мной, что строительство литейного цеха передается им. .

В жестокие сибирские морозы был устроен в этом комсомольском цехе первый общеплощадочный комсомольский субботник. После рабочего дня, уже в сумерках, с факелами приходили комсомольцы отряд за отрядом. Они расчищали площадку литейного цеха от снега, начали снимать и вырубать первые кубометры смерзшейся земли. Мороз—ниже 40°. Стоял туман. Но комсомольцы работали весело — копали землю, грузили ее на машины и пели песни, много веселых песен.

Я пробыл с ними весь этот субботник. Столько жизнерадостности и веселья, столько удалства было в их работе, что и меня охватила огромная-бодрость и глубокое чувство уверенности в том, что какие бы трудности мы ни встретили, — они будут преодолены!

Уже летом 1931 г. в комсомольском цехе пустили первую вагранку. Надо было создавать коллектив рабочих-литейщиков. Откуда их брать? Комсомольцы заявили:

— Мы построили литейный цех, мы его и пустим, мы же будем в нем работать. От первого вынутаго кома земли до отливки сложнейших деталей машин из чугуна, стали, меди — все будут делать комсомольцы!

Так и сделали. Строительством литейного цеха руководили инженер-литейщик Бидуля и инженер-строитель Гурвич. Оба — люди преданные, технически грамотные, но осторожные. Комсомольцы подталкивали, подгоняли их своим молодым задором, своей быстротой и напористостью.

Комсомольцы в литейном цехе занимали и командные позиции. Комсомолец-сибиряк Дзензель был помощником начальника цеха. Он организовал рабочих, налаживал их обслуживание, подтягивал к строительству материальные ресурсы. Дзензель и с ним все комсомольцы крепко дрались за то, чтобы их цех — комсомольский — всегда имел все необходимое. Были комсомольцы и десятники и техники. Прекрасно работали молодые инженеры Брагин и Мамонтов.

В тот период строительства мы всячески внедряли механизацию работ. Сознательно или бессознательно, но многие сопротивлялись механизации, у многих еще сильна была привычка к старому. Комсомольцы литейного цеха и руководитель строительства Гурвич начали энергично вводить культурные методы строительных работ, заменяя ручной труд механизацией.

Но комсомольцам мало было одного литейного цеха. Организация выросла. Много рабочей молодежи и комсомольцев работало в доменном цехе. По инициативе комсомольской организации они взяли на себя строительство четвертой доменной печи. С первого кубометра земли и до конца решили они домну построить комсомольскими силами.

Настал 1932 год — год пуска всех цехов первой очереди завода. Комсомольцы подгоняли отставшие

участки, В комсомольской организации насчитывалось теперь свыше 10 тысяч человек. Среди них были рабочие, инженеры, техники, мастера, приехавшие извне и получившие знания здесь, на площадке.

Надо было обеспечить кадрами пускаемые и пущенные цехи. Откуда взять людей? Начальники всех эксшюатационных цехов в один голос стали требовать:

— Дайте нам молодых, дайте комсомольцев.

Но молодежь не знала производства. Надо было людей подготовить, выучить.

Работая на стройке без выходных дней, работая подчас по десять и больше часов в сутки, молодые рабочие прямо с работы, часто не помывшись и не переодевшись тысячами шли на курсы подготовки коксовиков, доменщиков, сталеваров, прокатчиков, электриков. Жадно учились! Скоро молодые курсанты появились в цехах у механизмов. Глядя, как смело и ловко они работают, трудно было представить себе, что только год — два тому назад эти самые люди, приехав на площадку, боязливо озираясь, шарахались и пугались шума машин. А теперь они, уже умудренные большим опытом, сами стоят у машин, работают на них, и неплохо работают!

Часто многие из них были слишком самонадеяны; переоценивали себя и свои силы. Приходилось заставлять глубоко изучать работу, изучать машину. В то время секретарем комсомольского комитета был приехавший из Ростова-на-Дону великовозрастный комсомолец Ветохин. Человек он был осторожный, вдумчивый, с навыками работы в промышленных предприятиях, в крупных городах. При нем с особым напором пошло обучение комсомольцев технике. У нас тогда на площадке был уже металлургический втуз, техникум, школа ФЗУ, много курсов.

Секретарем комсомольского коллектива строительства коксохимического комбината был Ваня Громов. Он приехал к нам с какой-то текстильной фабрики Ивановского района. Громов был горбат, прихрамывал на одну ногу. Прекрасный организатор, увлекательно выступающий оратор. А главное — жизнерадостный, си весь искрился радостью, он всех заражал ею. Когда он говорил, смеялся, пел у него было такое одухотворенное лицо, что его физические недостатки исчезали и он делался даже красивым. А пел Ваня прекрасно. Голос у него был и задорный и задушевный.

Помню заседание городской партийной конференции летом 1931 г. Коксовыми закончили огнеупорную кладку печей и всем рабочим коллективом пришли рапортовать о своем успехе. Во главе колонны шел Ваня Громов. Он дирижировал певшими, сам запевал, лицо его сияло, всем своим существом он переживал радостное событие. На конференции присутствовал В. С. Шатов, бывший начальник Турксмба. Он был очарован Громовым и долго с увлечением говорил о нем, как о прекрасном, восторженном водителе молодежи.

На комсомольских собраниях, в фойе театра — всегда возле Громова кружок парней и девушек, веселые песни и пляски.

У Громова был приятель, товарищ по комсомолу, — секретарь момсомольской ячейки прокатного цеха, бывший беспризорник, Коля Антипин. Это человек всегда сосредоточенный, не по летам серьезный и на работе и на собраниях. Когда он слушал доклады и прения, то всегда улыбался чему-то своему: он впитывал в себя мысли и слова. Говорил он просто и складно, хотя и любил, особенно при чужих, щегольнуть иностранными словами. На работе—беспокоен.

Всегда ему чудилось, что не так сделано, что хорошо бы сделать по-иному.

Однажды я был на собрания комсомольцев и слышал выступление Антипина. Какой путь, — думал я, — должен был сделать Коля, этот бывший беспризорный, чтобы стать организатором и водителем многих сотен молодых рабочих. Собрание кончилось, начались пение и пляски. Коля — широкоплечий, коренастый — хорошо и с увлечением плясал. Потом сел возле меня, весь раскрасневшийся.

— Ведь, правда, — сказал он мне, — можно и погулять? После как-то легче и работать!

Серьезный и жизнерадостный Коля Антипин работает и теперь на действующем Кузнецком металлургическом заводе им. Сталина.

Руками рабочей молодежи, их повседневным, подчас будничным героизмом вынуты миллионы кубометров земли, уложены сотни тысяч кубометров бетона, смонтированы тысячи тонн железных конструкций. Так много было среди них преданных делу людей, истинных героев, что трудно перечислить всех отдельно. Коллектив рабочей молодежи, коллектив комсомольцев Кузнецкстроя вписал прекрасные страницы в историю нашей стройки, страницы, полные прекрасного героизма и беззаветной преданности своей чудесной социалистической родине.

ЖЕНЩИНЫ НА КУЗНЕЦКСТРОЕ

Нам постоянно нахватало рабочих. Начиная с 1931 г. мы стали привлекать к делу женщин, — сначала на подсобные, а после и на основные работы. Женщин учили, знакомили с производством, со стройкой. Осо-

бенио успешно стали работать сибирячки. Низкорослые, крепкие, широкоплечие и широкобедрые, они были выносливы в работе и исключительно преданы ей.

Появились хорошие бригады женщин — землекопов и бетонщиц. Многие становились изменщицами, штукатурами, клепальщицами. Формовщицы в литейном, токаря и строгальщицы в механическом цехе, крановщицы, дежурные электрики, слесаря-женщины стали обычным явлением на всех работах. Были также женщины-техники, женщины-прорабы и на строительстве и монтаже, женщины-мастера, женщины-оменные инженеры в действующих цехах.

Они всегда наиболее аккуратно и внимательно относились к механизмам, содержали их в большой чистоте, у них и аварий было меньше.

Очень отставали дорожные работы; Специалистов этого дела у нас почти не было. А тут как раз кончилась постройка железобетонного проездного шлакового тоннеля и освобождалась прораб Самсонова. Крепкая, высокая, с громким голосом, Самсонова энергично вела свое дело. Десятники и бригадиры побаивались ее и безропотно выполняли ее распоряжения.

Дорожное дело Самсонова изучила быстро и, хорошо. Оказалась она человеком с большой волей — хорошим организатором. Народ работал с ней мало-квалифицированный, разношерстный. Нужна была большая выдержка, чтобы с «прорабом бабой» считались, чтобы ее уважали. Она этого добилась. Рабочие говорили: «Баба, а смотри — деловая». При ней не ругались, делались сдержанней.

Она успела побывать и в декретном отпуску и вернувшись работу продолжает и поныне.

Приближался пуск домны. Надо было наладить и пустить разливочную машину. Среди инженерского молодняка не было людей, которые раньше работали бы на таких совершенных разливочных машинах, как наша. Мы решили назначить на этот участок комсомолку Сашу Сидоренко. До Кузнецкстроя она была инженером Надеждинского завода.

Сидоренко немного испугалась нового назначения и искренно говорила, что сомневается, справится ли с делом. Конечно —оправилась!

Еще до того, как разливочная машина начала работать, Сидоренко внимательно стала изучать устройство машины, стала по-хозяйски заботиться о запасных частях, требовать от строителей, чтобы поскорей покончили со всякими неполадками.

Наконец, домну задули. Сидоренко, как и другие, нервничала, волновалась. Но разливочная машина хорошо приняла первый чугун. Сидоренко сияла от счастья.

С апреля по июль 1932 г. бесперебойно, безотказно работала разливочная машина. Рабочие приучались к новому делу, порядок на разливочной и в ковшевом хозяйстве все больше налаживался. Сидоренко поручили также ремонт и футеровку чугунных ковшей. И здесь дело пошло неплохо.

Наступила задуака второй доменной печи. Осторожные и пугливые люди возражали против пуска, ссылаясь на то, что разливочная машина-де может не справиться с уборкой чугуна. Предлагали отложить задувку печи до пуска мартеновского цеха — потребителя чугуна. Решающее слово было за начальницей разливочной — Сашей Сидоренко. Она сказала, что беретса обеспечить уборку всеро чугуна, — только надо дать больше запасных частей и своевременно ремонтировать машину.

Вторая домна была задута. Разливочная машина почти не тормозила ее работу, вплоть до самого пуска мартена

Осенью 1932 г. Сидоренко смущенно сказала мне, что она должна идти в декретный отпуск. Через несколько месяцев она пришла ко мне снова. Ей хотелось вернуться обратно на разливочную машину, но ребенок не давал возможности вести эту трудную, часто круглосуточную работу. Огорченная, Сидоренко пришла посоветоваться,—как быть. Я предложил ей перейти на исследовательскую работу, в лабораторию. Она поработала там несколько месяцев, ее дочурка подросла, и Сидоренко снова вернулась к своему прежнему делу. Она и до сих пор работает начальницей разливочной машины.

В 1933 г. Сидоренко попросила отпустить ее на другую работу.

— Мне, — говорила она, — на разливочной машине уже нечему учиться. Я хочу работать сменным инженером у доменной печи.

Но она нужна была на разливочной машине. И мы ее оттуда не отпускали. Все же я часто встречал ее на доменных печах: она училась «подпольно»..

У нас было богатое и многообразное «подземное царство»: система водопровода и канализации. Электрические кабели. Линии теплофикации — паропроводы высокого и низкого давления. Воздухопроводы, Телефонная сеть и сигнализация. Ливневые стоки. Все эти линии подчас шли рядом, или одна над другой, часто перекрещивались. Линии подземных сетей должны проходить в массивах фундаментов сооружений, часто их обходить. Сеть вся устраивалась так, чтобы в случае необходимости легко можно было ее ремонтировать.

Но всех проектов подземных работ к моменту развертывания строительства не было. Это, конечно, страшно мешало. В проектном отделе работала инж. Голубинцева. Ей мы поручили увязку всей подземной сети. Это требовало самого детального знания проекта завода, всех его частей. Голубинцева обнаружила разнообразнейшие технические познания. Она работала удивительно внимательно и кропотливо. Я не помню ни одной сколько-нибудь серьезной ошибки, допущенной ею. Строители всегда торошми, требовали выдачи эскизов на производство работ. Голубинцева спокойно проверяла проекты, проверив, снова проверяла и только после этого давала разрешение на производство работ.

Надо было видеть тогда карту площадки, сплошь опутанную густой разноцветной паутиной подземных линий, чтобы понять, какая большая и ответственная работа легла на плечи нашего «подземного диктатора» — инж. Голубинцевой. Она еще и теперь работает в Сталинеке.

В конце 1930 г. на Кузнецкстрой прислали на партийную работу А. Н. Елисееву. До нас она была на партийной работе в Баку, а до этого училась в Свердловском коммунистическом университете.

Елисееву выбрали секретарем ячейки одного из самых крупных наших рабочих и партийных коллективов — Стальмост—железомонтаж. Большие мастерские, разбросанные по всей площадке участки монтажа, многотысячный коллектив — все это требовало большой организационной работы и значительного опыта партийно-массовой работы.

Елисеева начала с того, что вместе с начальником Стальмоста, старым партийцем Зубакозым, стала налаживать бытовое обслуживание. Борьбу за чистый, культурный барак, за хорошую столовую, за ясли она протратила в важнейшую часть своей практической работы. Результат сказался в резком подъеме производства.

Надо было организовать ударников и добиться того, чтобы коммунисты и комсомольцы возглавили ударную работу. И Елисеева носилась с утра до ночи из одной мастерской в другую, с одного монтажного участка на другой, собирая, уговаривая, организуя людей. Дело шло ускоряющимся темпом.

Осень 1931 года. Стройка доменного цеха запаздывает. Коллектив сталемостовцев берет доменщиков «на буксир» — принимает у них часть работы и начинает драться за скорейшее окончание монтажа. Ночью и на рассвете — в любое время можно было видеть Елисееву на стройке доменного цеха. Низенькая, в своих непомерно больших сапогах, она пробиралась по ухабам, по невылазной грязи, чтобы в любой час быть там, где трудно, где надо организовать людей, подбодрить их.

Елисеева все больше входила в курс технических и хозяйственных вопросов. И когда мы опаздывали с пуском доменного цеха, когда назрела хозяйственная и организационная перестройка, то естественным для нас оказалось назначить Елисееву начальником строительства доменного цеха. Она возражала против этого назначения, — она сомневалась в своих силах. Ей пришлось начинать работу в самые нервные, напряженные и трудные месяцы. Но уже через короткое время стали заметны результаты ее кипучей и инициативной деятельности.

Инженеры, прорабы, техники, десятники вначале иронически отнеслись к назначению Елисеевой. Однако

она очень скоро завоевала не только авторитет, но и любовь. Ее с уважением стали называть хозяйкой доменного цеха. А это был важнейший участок строительной площадки.

Тяжело было Елисейевой работать. Она осунулась, даже посерела. Но дело — прежде всего! После пуска домны Елисейеву послали лечиться.

Вернувшись на площадку, она вновь перешла на партийную работу. Где бы ни работала Елисейева — всюду она проявляла недюжинные способности организатора, хорошую ориентировку и большую грамотность. Чуткий и тактичный подход к людям, знание людей, любовь к ним завоевали всеобщее расположение к Елисейевой. Много инженеров «Кузнецкстройа» сейчас в партии благодаря Елисейевой.

Случайно я узнал, что у Елисейевой есть ребяташки. Она оставила их старушке-матери где-то на Волге. У нее самой в тот период горячей работы не было ни времени, ни сил заниматься семьей.

Елисейева и теперь, уж пятый год, продолжает работать на Кузнецкстрое.

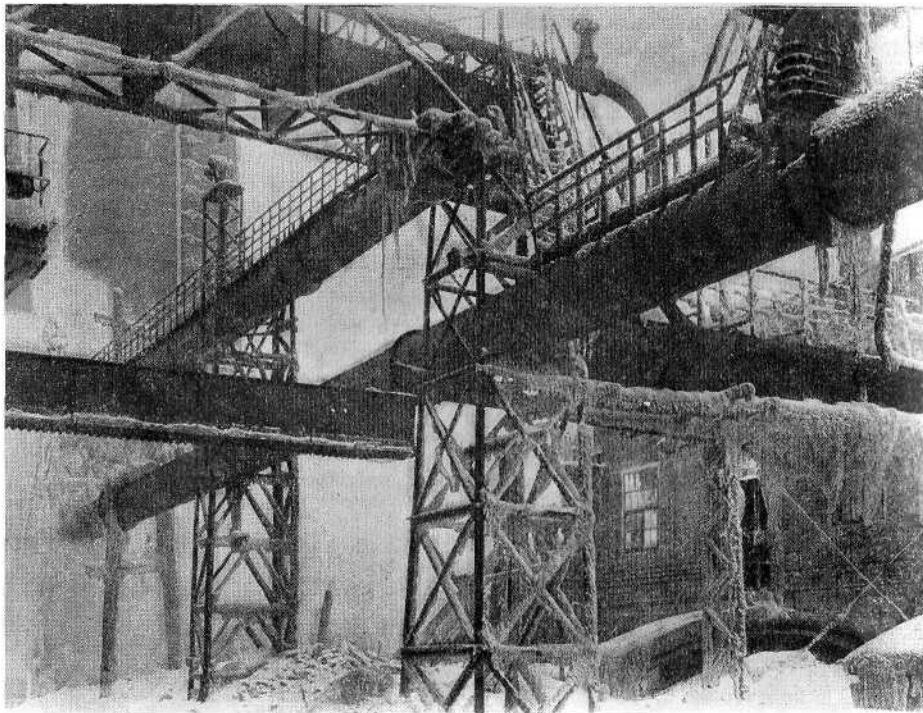

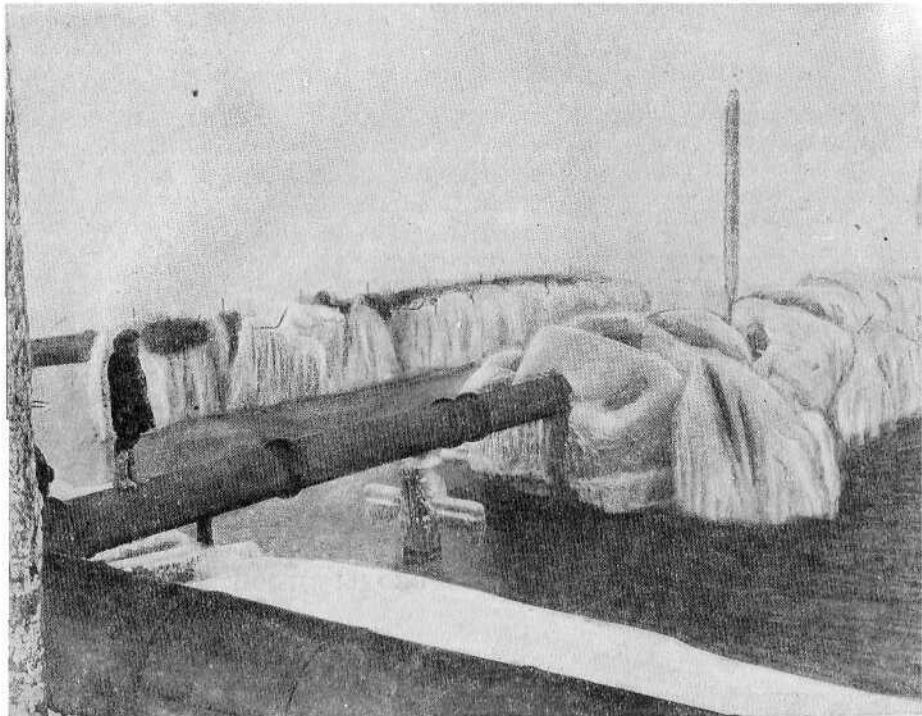
Настя Редькина приехала на Кузнецкстрой из совхоза. Там она была дояркой. После вступления в партию успела немного подучиться. Всегда оживленная, улыбающаяся она всеми силами старалась втянуть окружающих отсталых женщин не только в производственную, но и в общественную жизнь. С радостью рассказала она мне:

— А мои бабочки начинают втягиваться в работу, начинают учиться. Их уже тянет в партию.

В 1931 г. надо было привлечь к производственной работе много женщин. Женотделка Редькина с утра до ночи ходила по баракам, по домам, собирая и уго-

ГАЗОПРОВОДЫ ЗИМОЙ 1933 г.

ОХЛАДИТЕЛЬНЫЙ БАССЕЙН.
ЗИМА 1933 г.

варивая своих «бабочек». Благодаря ей сотни новых работниц начали вливаться в наш коллектив.

Тяжело было в то время женщинам на площадке. Они больше всего чувствовали трудности жилищных и бытовых лишений. Надо было облегчать их положение, надо было устроить ясли, детские сады. Настя ходит, добивается, выпрашивает,—и в результате всегда радостно сообщает: открыты новые ясли, открыта новая школа...

У Насти был ребенок. Как-то на заседании горкома она мне с грустью сказала:

— Понимаешь, не вижу своего ребенка, все некогда.

Редькин продолжает и теперь на Кузнецкстрое хлопотать за своих «бабочек».

Тяжело было работать на Водоканалстрое. Коллектив многочисленный, но чрезвычайно разнородный: там и вольные рабочие, и раскулаченные, и арестованные из лагерей. Работа — разбросанная от Томи до конца площадки.

Товарищ Безлюдная, работница — украинка, была направлена на работу в качестве секретаря партийной ячейки Водоканалстроя. Всю свою огромную работоспособность и природные задатки она целиком отдала новому делу.

Скоро Безлюдная начала вытягивать свой отсталый коллектив. Как горда и радостна она была, когда водоканалстроевцы дали промышленную воду на площадку! Но столь же глубоко переживала она и производственные неудачи. Лопнувшая линия водопровода, опоздание работ, угроза, что Водоканал задержит пуск того или иного цеха, заставляли ее сильно горевать. Настроение у нее менялось по ходу работ.

Безлюдная — прежде рядовая партийная работница — росла вместе с возводимыми сооружениями. В

конце 1931 г. она была одним из наших лучших партийных работников, организатором тысяч рабочих. Она училась «а работе, она жила интересами самой организации. Ее всегдашнюю кожаную куртку и мужской картуз можно было видеть и в отделе снабжения, где она хлопотала насчет материалов, и в финансовом управлении, где она добивалась выдачи денег, и в плановом отделе, где она изучала план работ своей организации.

Безлюдная уехала на, несколько месяцев, вернулась с грудным ребенком и вновь приступила к работе. Она совестилась, когда ее спрашивали о ребенке: ведь это отвлекает от работы...

Много было их у нас— и видных, и незаметных женщин — работниц, инженеров, врачей, учительниц. В Кузнецке-Стадинске выросло многотысячное крепкое ядро новых женщин-пролетарок. Они учатся, они овладевают техникой, они начинают занимать одну командную позицию за другой. Перед ними — большой простор интересной работы, прекрасное будущее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСВОЕНИЕ

Итак, закончена и сдана в эксплуатацию первая очередь завода. Нам казалось, что стоит только перейти рубеж строительного периода, стоит только пустить цехи, — и напряженность работы спадает. В действительности оказалось совсем не так. С самыми большими трудностями мы столкнулись после пуска цехов.

Кроме пущенных, надо было построить, смонтировать, пустить не меньшее число агрегатов второй очереди завода.

Обстановка для дальнейших строительных работ стала труднее. В ходу была первая очередь завода. Большинство цехов было сдано в эксплуатацию со многими недоделками. Сооружения, здания, смонтированное оборудование часто приходилось переделывать из-за ошибок в проекте, в конструкции оборудования или в выполнении работ. Каждая из этих переделок сама по себе была незначительна, но так как их было много и во всех концах завода, то они требовали внимания технического надзора, требовавшего большого числа рабочих. Одновременно надо было готовить и цехи и устандалейное в них оборудование к зиме.

Мы пустили все цехи, не имея обслуживающих помещений, — их надо было закончить. Не было закончено строительство центральной лаборатории завода.

Электроремонтные мастерские еще не имели постоянного помещения и ютились во временном досчатом здании. Увеличивалась потребность в чугунном, стальном и цветном литье, значит, надо достроить и пустить на полную мощность литейный цех. Возрастало потребление кислорода для сварки, разработки скрапа и других надобностей, надо срочно построить, оборудовать и пустить постоянную кислородную станцию — временной уже не хватало.

Надо было подводить воду ко второй очереди цехов, взять в бетонную галлерею уже устроенные водопровод и канализацию почти по всей площадке, закончить прокладку подземной электросети и закончить вторую очередь ЦЭС и подземную теплофикационную сеть.

Строительная площадка к моменту пуска цехов и после пуска представляла собою горы мусора и земли. Площадку следовало спланировать, скрыть с нее и вывезти миллионы кубометров земли и много строительного мусора,

По мере того, как начинали работать новые цехи и агрегаты, трудности возрастали. Возрастали они и потому, что надо было наладить связь отдельных частей — связь сложного и огромного механизма, имя которому — Кузнецкий металлургический завод — и потому, что надо было одновременно строить и пускать вторую очередь завода.

После пуска рельсобалочного стана к нам стали прибывать запросы, какие материалы, какие механизмы мы можем отпустить другим стройкам? Вслед за запросами стали наезжать делегации и бригады с других строек, чтобы получить «уже ненужные» Кузнецкстрой материалы и оборудование. Но приезжавшие были разочарованы видом площадки: строительство продолжалось полным ходом.

Чтобы быстро освоить производство и наладить

нормальную работу, надо было, прежде всего, обеспечить материальные предпосылки, надо было хорошо организовать подсобное хозяйство.

Своевременное получение коксующихся углей нужного качества, нужных марок решало вопрос о работе коксовых батарей, о производстве нужного домнам качества кокса. От своевременного получения руды и флюсов зависела бесперебойность работы доменного цеха. Получение железной лопы, руды, огнеупорного кирпича — шамота и динаса — обеспечивало нормальную работу мартенов. Окончание железнодорожных путей, обеспеченность подвижным составом, специальным и обыкновенным, были важнейшим условием работы цехов всего металлургического цикла. Нормальная работа подсобных цехов — литейного, механического и котельного — должна была гарантировать получение нужных запасных частей и своевременность ремонта. Наконец, последнее по порядку, но первое по важности звено — люди!

Теперь я ясно вижу, что в момент пуска мы разрешали лишь отдельные вопросы, но упускали из виду комплекс всех задач, от которых зависела бесперебойная работа завода.

Трудное было время!

ВОДА

Водозаборные сооружения закончены. По двум деревянным водоводам пущена вода. В августе подали воду «а промышленную площадку. Надо было отрегулировать насосно-перекачечную станцию второго подъема.

Как только начались первые холода, в Томи показался донный лед — шуга. Шуга шла под водой сплошной массой. Она всасывалась в водозаборную галле-

рею, забивала ее, забивала железные решетки в головной части галереи. Многие сочли это случайным явлением. Потребление воды осенью 1931 г. было еще ничтожно и это мешало видеть, насколько велика опасность.

Электроэнергия была подана к Томи по воздушной линии. Первый же случай порчи линии—она была единственной—показал, что перерыв в снабжении электроэнергией может в любой момент остановить насосную станцию.

Значительно больше опасности таила в себе разветвленная сеть водопровода. Действующему заводу требовалась масса воды. Трубы основных линий водопровода были широкие—от 600 до 1200 мм. Трубы больших диаметров — сварные — на стыках также сваривались. К осени основные линии были уложены, опрессованы, опробованы. Пустили воду. Подождали немного и стали уложенные линии засыпать землей.

Особенно сложный узел был в районе от насосной станции второго подъема до конца промышленной площадки. Там уложена целая система трубопроводов — и водопровод и канализация. Этот узел у нас носил название «гитары». «Гитару» надо было поскорее засыпать: во-первых, потому, что приближались зимние холода, а во-вторых, потому, что глубокий и широкий котлован, в котором были уложены трубы, разрезал промышленную площадку пополам и мешал укладывать железнодорожные пути.

Засыпали землей не только эти линии, но и все остальные. Все шло нормально, не предвещая никакой опасности. Так было до первых морозов, до первой аварии. Насосы на перекачной станции стали вдруг засасывать воздух. В районе «гитары» на поверхности появилась вода. Вода просочилась сквозь грунт. Какая труба лопнула? В каком месте копать? Неизвестно.

Выключили воду. Стали раскапывать (вернее, выру-

бать) смерзшуюся землю. Много рабочих рук и много дней потребовалось для того, чтобы докопаться до места аварии. К счастью авария оказалась не под железнодорожными путями. Иначе пришлось бы разбирать пути, прекратив эксплуатацию важных и нужных линий. Хорошо еще, что основные потребители воды — металлургические цехи — не были еще введены в эксплуатацию.

Как быть в дальнейшем? Этот вопрос возник перед нами особенно остро после задувки первой печи, когда лопнула основная линия водопровода, питающая доменные печи. Опять пришлось выключать воду, вырубать и раскапывать землю, искать место аварии.

Обычно в таких случаях течь вызывалась сущими мелочами: то выбивало свинец в стыках чугунных труб, то лопалась сварка в сварных трубопроводах. Чтобы ликвидировать аварию, требовалось иной раз несколько часов, даже десяток — другой минут. Но на поиски места повреждения, на то, чтобы дать возможность произвести ремонт, уходили целые дни. Приходилось тратить массу труда и надолго выключать воду.

Тогда мы решили все основные водопроводные магистрали, уложенные, и те, которые еще придется уложить, взять в железобетонную проходную галерею. Ремонтные рабочие, таким образом, смогут каждый день — в любое время года — проходить по галлерее, осматривать основные магистрали, и тут же заделывать обнаруженную течь.

Чтобы соорудить галлерее, надо было заново раскопать все линии, выбросить горы земли из-под уложенных водопроводов, выполнить трудные опалубочные, арматурные и бетонные работы. Все это надо было делать только летом, ибо раскрывать линию водопровода зимой при жестоких морозах мы не могли.

Тяжелый урок, за который пришлось очень дорого заплатить! Урок этот пошел на пользу другим метал-

лургическим заводам, которые с самого начала устраивают у себя эти проходные бетонные галереи.

...Много забот доставил , и железобетонный бассейн..

Оборудование, установленное на насосных станциях, работало с перебоями. Надо было его отрегулировать и установить новые агрегаты, чтобы иметь некоторый резерв воды.

В 1931 г. вода была подана на левую сторону площадки — к электростанции, к коксовым и доменным цехам. Предстоял пуск мартена и проката. Надо было закончить устройство «водопроводных магистралей и проложить канализацию на правой стороне площадки, подвести воду внутрь цехов.

Остался нерешенным вопрос, как бороться с донным льдом. Работа водозаборных сооружений осложнялась еще тем, что во время ледохода и весеннего паводка водозаборная галерея засасывала много ила, щепы, сгнивших растений. Решетки у всасывающей галереи засорялись и не подавали нужного количества воды. Насосы засасывали воздух. Могло прекратиться все водоснабжение.

Выходит, что весна и осень ставят под удар головные водозаборные сооружения.

Срочно выписали из Ленинграда водолазов. Они опускались под лед, под воду, очищали сетки и галерею от мусора и шуги. Процедуру эту приходилось проделывать каждые полчаса. Бессменно дежурили два водолаза. Но мусор проходил через насосы водоводов, доходил до трубопроводов малого сечения, засорял их и останавливал подачу воды.

Весной 1932 г. потребление воды было еще незначительным. Осенью же, когда уже работали две коксовых батареи, две доменных печи, три мартена, три турбины на ЦЭС, две воздуходувки, когда потребление воды нарастало, из-за шуги начались большие пе-

ребои в водоснабжении. Водолазные работы не всегда помогали.

Работы по водоснабжению и канализации вел Водоканалстрой, он же и проектировал. Практика показала, что эти сооружения ненадежны и неприспособлены к капризной горной реке Томи, к зимним условиям. Пригласили консультантов. Стали заседать бесконечные комиссии. Вариантов решений предлагали много.

А опасность тем временем увеличивалась. Весной 1934 г. бывали времена, когда на водозаборной станции Томи не действовал ни один насос. А на площадке тогда работали уже четыре коксовых батареи, три доменных печи, три воздуходувки, четыре турбины", девять мартеновских печей и весь прокатный цех первой очереди. Воды потреблялось огромное количество. Нам удалось спасти агрегаты от порчи только благодаря тому, что на площадке сделали огромный бассейн, в котором находился резерв воды на несколько часов.

И теперь еще вопрос о воде окончательно не решен. Приходится расплачиваться за ошибки, допущенные при проектировании.

ТОК И ВОЗДУХ

Первый промышленный ток турбины в 6 тыс. квт. был дан в январе 1932 г. До того у нас источником энергии служили две временные электростанции. Пуск первой турбины означал начало пуска станции. Надо было закончить монтаж и пустить вторую машину — вторую шеститысячную турбину, а самое главное надо было пустить турбину в 24 тыс. квт. Весной, вскоре за первой, была пущена вторая турбина. Эти два агрегата вместе с нашими временными электростанциями покрывали сравнительно незначительную тогда нужду в энергии.

Первые две малых турбины были наготовлены фирмой Рато. Монтажем руководили монтеры фирмы. Все шло как будто нормально. Но летом, когда иностранные монтеры запускали первую машину после останова, раздался сильный глухой удар. Сорвало регулятор. Машина остановилась.

Мы с Бардиным пришли к месту аварии. Спокойствие и невозмутимость французов меня взорвали. Они тотчас же после аварии спокойно умылись, переоделись и ушли: было, видите ли, восемь часов — время ужина. Только на утро вскрыли машину. Выяснилось, что лопнул диск ротора. Причина—недоброкачественный металл.

Мы остались с одной машиной, которая могла в любой момент остановиться. А в это время в новых цехах работало уже немало агрегатов, и всем нужна была энергия.

Стали торопить пуск третьей машины. Немецкий завод впервые делал такие сложные и мощные машины—турбины с отбором пара. То была машина капризная. Пускали ее помногу раз и регулировка отняла массу времени.

Французы признали, что в поломке машины виновен их завод. Отправили весь ротор в Париж для ремонта. Первая машина надолго выбыла из строя.

Котлы пустили на нефти, а работать они по проекту должны были на пылевидном топливе и на доменном газе. Только во второй половине 1932 г. началось опробование и пуск углеподготовки.

Котлы могли работать исключительно на конденсате. Нехватка конденсата пополнялась водой из специальной водоприготовительной установки. Часто бывали перебои в получении воды. Особенно это чувствовалось зимой 1932-38 г., когда потребление пара резко возросло, а возвращение конденсата на станцию еще не было налажено.

На станции получилось большое количество золы. По проекту следовало устроить специальное гидрозолоудаление. Но к моменту перевода станции на твердое топливо гидроболоудаление не было закончено. Золы накапливалось много. В зояйных помещениях, под котлами — горы золы. Надо было возиться с ее уборкой. Только во второй половине 1933 г. удалось закончить и сдать в эксшюатацию мокрое золоудаление.

Я уже говорил, что летом 1932 г. в Новороссийске происходила сессия Академии наук, и к нам на площадку приехала бригада академиков. Г. М. Кржижановский, возглавлявший бригаду, особенно интересовался станцией. Осмотрев ее, он пришел в ужас: эксплуатация станции началась, а станция внутри и снаружи была вся в строительных лесах.

— Подумайте!—воскликнул тов. Кржижановский.— Вся станция может в любой момент сгореть, и тогда остановится весь завод!

Тов. Кржижановский до того был встревожен, что не только устно дал нам ряд указаний, но даже оставил памятку, в которой обращал наше внимание на необходимость быстро покончить со строительными доделками и убрать леса.

Когда осваивали станцию, вышла из строя не только первая шеститысячная турбина, но и вторая, — она тоже оказалась дефектной. Пустили третью, затем четвертую турбину — по 24 тыс. квт. И они оказались с дефектами и надолго выбыли из строя. Чтобы починить третью и четвертую турбины, пришлось выписывать из-за границы дополнительные запасные части, вызывать специального представителя немецкой фирмы «Вумаг».

Электромоторы для собственных нужд эксплуатации станции, закупленные у английской фирмы «Метро-Виккерс», то и дело выходили из строя и требовали

ремонта. Много остановок было вызвано и неопытностью персонала.

Во время ремонтов отдельных агрегатов мощность станции, естественно, понижалась и приходилось работать с перегрузкой, что вызывало новые аварии, новые остановки.

Руководил станцией Шадрин. Весь технический персонал состоял из молодых инженеров, в большинстве своем переброшенных с монтажа. Так же был укомплектован персонал мастеров и рабочих. Никто не имел опыта работы на станции такой мощности и с таким сложным оборудованием. Люди делали ошибки, учились, чтобы потом избегать их.

Секретарь партколлектива ЦЭС, недавний комсомолец - Лаврианец — был молод, аккуратно одет, чисто-плотен. Он как бы боялся своей молодости и был сугубо серьезен, рот сжат, глава опущены. Его всегда что-нибудь тревожило: состояние агрегата, кажущееся недобросовестным отношение к делу работников, нехватка запасных частей. Он глубоко чувствовал ответственность за порученное ему дело. Он часто приходил ко мне, всегда рассказывал с какой-то таинственностью, оглядываясь по сторонам.

. На электростанции работало много молодежи, но немало было и пожилых рабочих, и Лаврианец сумел и среди них завоевать авторитет. С обычным для него беспокойством и тревогой он говорил и хлопотал о столовой, о квартирах для рабочих — и многого добивался. У него было любимое выражение: «электростанция— сердце Кузнецкстроя», и он мрачно рисовал перспективы замирания «сердца», если не дадут всего нужного. Как секретарь партколлектива ЦЭС, он всегда очень строго, до мелочей выполнял указания гор-

кома партии — был требователен к себе и к своему коллективу.

В 1934 г. его перебросили секретарем партколлектива в мартеновский цех действующего завода.

Станция первой очереди была смонтирована. Продолжалось строительство второй очереди. На стройке было грязно, пыльно, холодно—работы велись без тепляков. Надо было отгородить работающую часть станции от строящейся. Сделали деревянную стену, проходившую по высокому зданию котельной, машинному залу и семиэтажному насосному помещению. Эта деревянная стена была устроена еще в начале 1932 года. За год дерево сильно высохло. В конце января 1933 года поздней ночью стена загорелась в самом высоком месте. Пламя сразу охватило всю стену. До машинного зала и здания распределительного щита — несколько метров. Пламя могло перекинуться на действующую часть станции и на строительные леса второй очереди.

Воду для тушения надо было подавать на сорок с лишним метров высоты. Мороз стоял жестокий. Собралось много народа. Быстро подали воду и начали тушить. Станцию пришлось остановить. Несколько часов продолжалась упорная борьба. Все думали: будет ли продолжать работать станция? Будут ли выведены из строя все или только часть цехов завода?

Пожар ликвидировали. Одни говорили, что он произошел от короткого замыкания, другие — от оголенного провода электросварочной машины, третьи предполагали поджог. Установить точную причину пожара не удалось. Было ясно, что если не снять временную деревянную стенку, то может вновь вспыхнуть пожар. Необходимо было скорее построить вторую очередь станции, скорее снять леса, убрать временные деревянные перегородки и этим избежать опасности.

За это и взялись.

Электростанция Кузнецкстроя должна была быть не только заводской, но и районной. В районе возникали и разрастались новые предприятия,— Осиновский угольный район, Араличевские шахты, Прокопьевский угольный район. Закладка, новых шахт, механизация горных работ предъявляли все большие требования на электроэнергию.

Весь 1932 год мы строили и монтировали повысительную подстанцию. Только 24 января 1933 г. дали первый ток в Прокопьевский район. 20 апреля дали ток Осиновскому угольному району, а вскоре и на железные рудники Мундыбаш, Тельбес, Темир-тау.

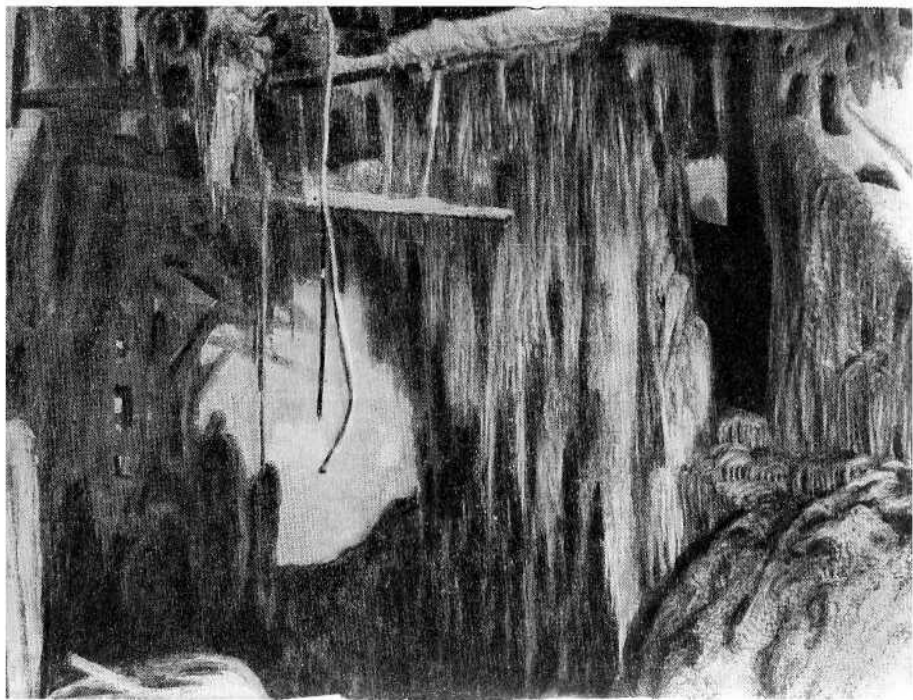
В 1933 г. начали развернуто строить вторую очередь станции. Строительные работы пришлось вначале вести сдержанными темпами: не было проектов, строителей отвлекали доделки первой очереди.

Пожар ЦЭС заставил ускорить строительство второй очереди. Все увидели, какой опасности подвергается электростанция и значит весь завод. Коллектив строителей ЦЭС был усилен рабочими, руководящим персоналом и материальными ресурсами. Петровых, начальник строительства станции, ожил. С ним ожил и весь коллектив.

Работы задерживались из-за отсутствия проектов. Потребовалось личное вмешательство и категорический приказ тов. Орджоникидзе, чтобы побудить, проектные организации скорее дать чертежи.

Поздней осенью 1934 г., с наступлением холодов, закончили каркас здания станции второй очереди. Начались внутренние работы, устройство фундаментов под машины, под котлы. Мы поставили себе задачей — вести строительные работы с таким расчетом, чтобы не было ни одной времянки, чтобы тогда, когда закончат монтаж оборудования, не было строительных

ОБЛЕДЕНЕЛЫЕ ЦЕХИ ЗИМОЙ

ВЫПУСК ЧУГУНА ИЗ
ДОМЕННОЙ ПЕЧИ

лесов, чтобы одновременно с окончанием строительных закончить и отделочные работы.

С некоторым опозданием, но все же выполняли этот план: в 1934 году закончились строительные работы. Начался развернутый монтаж всей станции второй очереди, теперь он подходит к концу.

Одновременно на станции строились постоянные здания для мастерских, лаборатории, рабочих помещений. Заканчивалась уборка строительного мусора и земли.

Потребление электроэнергии нарастало. Перебои в работе станции отражались на работе обслуживаемых промышленных районов. Правда, число аварий и их продолжительность шли все время на снижение, но полной уверенности в четкой работе станции еще не было. Только в 1934 году работа ЦЭС резко улучшилась.

Трудности, которые пришлось нам преодолеть в период освоения электростанции с ее сложным хозяйством, многому научили молодой, глубоко преданный делу персонал. Люди стояли уже более уверенно у своего рабочего места. Они научились не только ликвидировать последствия аварий, но и предупреждать аварии.

С меньшими трудностями, более организованно проходило освоение воздуходувной станции. Первая и вторая воздуходувки с самого начала работали бесперебойно. Трудности мы встретили только во время пуска третьей и четвертой воздуходувных машин.

Воздуходувную станцию сдали в эксплуатацию более законченной. Монтаж был произведен тщательно. Порядок и чистота наведены с самого начала. Это обеспечило бесперебойную подачу воздуха доменным печам.

В 1934 г. воздуходувная станция была готова полностью.

ВНУТРИЗАВОДСКОЙ ТРАНСПОРТ

Железнодорожные пути не справлялись с обслуживанием строительства. По строительным путям зачастую нельзя было передвигать — они были перерезаны котлованами, канавами, всякими строительными работами. Вся площадка была раскопана и изрезана. Автомобили и лошади передвигались по ней с большим трудом.

Строители ругали железнодорожников за то, что те несвоевременно подавали материалы и не вывозили землю. Железнодорожники ругали строителей за то, что те часто перекапывали пути, засоряли их стройматериалами, чересчур долго разгружали поданные вагоны. Железнодорожники требовали поскорее сдать в эксплуатацию новые пути, а строители их задерживали. Нередко пути укладывались по свежему грунту, не были достаточно забалластированы. Осенью и весной пути оседали, паровозы и вагоны сходили с рельс.

Положение значительно осложнилось, когда цех за цехом начали вводить в эксплуатацию и по нашим ж. д. путям стали непрерывно двигаться составы с рудой, углем, коксом, флюсами, чугуном и сталью.

Но ведь при пуске первой очереди мы одновременно вели строительные работы, а они требовали ежедневно несколько сот вагонов материалов!

Железнодорожным транспортом Кузнецкстроя почти бессменно руководит М. Г. Грольман. Он приехал к нам осенью 1930 года с коминтерновской работы. Ему пришлось учиться новому делу. Работа эта — круглосуточная, круглогодичная. Всегда она кого-то задерживает, кому-то угрожает. Но говоришь ли с Грольманом днем, поднимаешь ли его ночью с кровати, — он всегда спокоен, он никогда не теряет самообладания.

От прежней деятельности у Грольмана осталось пристрастие к вопросам международной политики. Пе-

регруженный работой, он все же читал иностранные газеты. В тот день, когда у него из кармана торчали «Берливер тагеблат», «Роте фане» или «Манчестер гардиэя», он выглядел веселей, у него была в этот день «личная жизнь». Трудные дни наступали для Грольмана, когда не приходили иностранные газеты и журналы.

Большого труда и упорства требовала от Грольмана не только организация транспортного хозяйства на незаконченных путях, но формирование многочисленного и квалифицированного коллектива железнодорожников.

Сейчас у него работает несколько тысяч человек. А ведь этот коллектив надо было создавать! Квалифицированных работников, полученных с действующих дорог, можно счесть по пальцам. Остальных надо было обучить. Грольман организовал большую учебную сеть, и вскоре на площадке появились свои стрелочники, свои сцепщики, свои кочегары и даже машинисты.

ДОМЕННЫЙ ЦЕХ

Задули первую доменную печь. Выдали первый чугун. Наступили производственные будни. И тут дали себя знать всяческие недоделки.

Рудный двор не был спланирован и закончен. К моменту пуска не работал ни один рудный кран. Постоянных шлаковых путей не было. Шлаки вывозились на временный отвал при сортировочной станции. Это задерживало работу сортировки, задерживало и слив шлака. Ремонтная мастерская доменного цеха не закончена. Водоснабжение ненадежно.

Территория доменного цеха была окружена горами земли. Подойти или подъехать к доменному цеху оказывалось не так-то легко. Рядом с первой печью

кончался монтаж второй печи, строились третья и четвертая—и трудно сказать, что считалось более важным: эксплуатация или строительство? Строители мешали эксплуатационникам, эксплуатационники — строителям.

Пока работала одна доменная печь — было еще терпимо. Но в июле задули вторую печь. Потоки сырья, шлака и чугуна резко увеличились. А тут — в самом разгаре строительство второй очереди доменного цеха! Пуск печей не облегчал положения, — наоборот, оно становилось все более сложным.

Первое время эксплуатацией доменного цеха руководили иностранцы попеременно с нашими инженерами. Монтеры и рабочие, за малым исключением, были народ малоквалифицированный. Инженерный персонал не имел опыта работы на таких больших печах с полностью механизированным обслуживанием. Трудности с персоналом особенно увеличились, когда пустили вторую печь, и штат рабочих, мастеров и техников пришлось распределить на обе печи.

В летние месяцы доменные печи работали с некоторыми перебоями, но все же безостановочно. Люди понемногу приучались к делу. Наступила зима— первая зима работы пущенных цехов. Зима жестокая. Морозы превышали 50° . Вот выписка из нашего журнала за январь 1933 г.:

«Начались бураны: 3-го, 4-го, 5-го, 6-го числа разыгралась вьюга. Все леденело. 7-го температура 32° , 8-го температура — 38° , 9-го — 45° , 10-го термометры Цельсия не выдержали мороза, лопнули. Часть их днем показывала — 46° ниже нуля. Туман. Ничего не видно. Механизмы некоторых агрегатов в цехах отказываются работать — смерзается масло».

Мы не были подготовлены к таким холодам. Малейшая оплошность— и лопались водопроводы, приходилось останавливать печи.

7 января днем раздался сильный взрыв. Даже тем, кто был вдалеке от доменного цеха, показалось, что случилось землетрясение. В недалеко расположенных зданиях вылетели оконные стекла. Дым и клубы пара обволокли весь доменный цех. Когда я пришел туда, я увидел, как из здания поддоменника и кауперов вытаскивают на руках людей.

Каждая доменная печь имела кирпичную трубу высотой 75 м. Первая печь во время останова была неправильно поставлена на тягу и в трубе образовалась взрывчатая смесь доменного газа с воздухом. Труба взорвалась. Больше половины ее обвалилось.

Благодаря счастливому стечению обстоятельств свалившиеся десятки тысяч кирпичей, которые падали большими массивными блоками, никого не задели, никого не ранили. Только несколько человек угорело, но их тут же привели в чувство.

Печь надо было остановить, чтобы выяснить причину аварии и сделать ремонт. *Морозы с каждым* днем крепчали, а приходилось работать на большой высоте. Надо было разобрать часть трубы, чтобы избежать дальнейшего ее падения. Вторая печь продолжала работать — значит следовало отключить ее газопровод от первой печи. От мороза и влаги лопнул затвор пылеуловителя, — надо было его ремонтировать.

Остановили первую печь. Это немедленно сказалось на положении всего завода. Доменный цех не мог давать газ прокатному цеху.

Много прошло времени, пока удалось выправить все дело.

Начальником доменного цеха был командированный из Москвы В. И. Котов, старый инженер, работавший раньше в Донбассе. Он любил подробно рассказывать, какой прекрасный порядок на доменных печах за гра-

ницей. Послушаешь его,— и радуешься культурности этого инженера. Но в доменном цехе у него было грязно, кругом завал мусора, а он все рассказывает и восхищается культурой производства за границей...

Организовать и расставить людей, обучить новичков Котов тоже не мог. Работу доменных печей фактически вел обер-мастер, коммунист Лаврентий Ровинский. Он в свое время прошел хорошую школу—был и подручным и горновым мастером. Высокий, крепкий, с пышными, аккуратно закрученными усами, Лаврентий Кузьмич Ровюнский знал свое дело и никогда не терялся.

Он сам работал у печи. Главная заслуга Ровинского в том, что он сумел быстро научить доменному делу строителей-сибиряков и казаков. Он подтягивал людей, заставлял их учиться, любил ребят, интересовался делом, показывал им, как надо работать.

В доменном цехе было много аварий, поломок, выпуска чугуна на литейный двор, на железнодорожные пути. Ровинокий никогда не терял равновесия, он всегда оставался спокойным, только сильнее закручивал усы.

Котов говорил о работе, жестикулировал, а Ровински работал и вел цех.

Вскоре мы расстались с Кетовым. Ровинский стал исполнять обязанности начальника цеха. Ему приходилось туго. Он часто жаловался, что трудно заниматься бумагами и сидеть в конторе.

Работали уже две печи. Американцы уехали в Америку. Остался один Ровинский и наш технический молодняк. Наступила зима. Работать стало еще труднее. Надо было усилить руководство доменным цехом. Этого требовал Ровинский. Этого требовало дело.

С 1929 года на Кузнецкстрое работал инженер-доменщик М. М. Киселев. Он участвовал в составлении проекта доменного цеха, в выборе и размещении зака-

зов на оборудование. Он непосредственно руководил монтажом конструкций, огнеупорной кладкой, монтажом и опробованием оборудования.

Среди крепких, широкоплечих, высоких доменщиков Киселев казался человеком худеньким и щуплым. Он был незаметен не только на широких собраниях, но даже на деловых заседаниях. Зато он много работал, хорошо знал дело и двигал его вперед.

Сколько большой, нервной работы проделал Михаил Михайлович Киселев! Сколько бессонных ночей он провел на стройке и монтаже! Работал часто больше остальных, но всегда как-то оставался в тени. Его знали и ценили только те, которые вместе с ним работали.

Когда коммунистка Елисеева руководила строительными работами доменного цеха, она вначале очень отрицательно относилась к Киселеву. Но, поработав с ним короткое время, Елисеева не могла нахвалиться Киселевым. Она увидела, что это настоящий, действительно знающий, действительно преданный делу работник.

Киселев был одинок, нигде не бывал, жил почти аскетом. Он отдавал себя целиком и полностью только работе. Характер у него был мягкий, не наступательный. Коллектив доменщиков его любил и ценил. И когда нужно было в самое трудное время — в первую зиму — организовать эксплуатацию доменного цеха, мы назначили начальником доменного цеха Киселева.

Он знал, какая большая и трудная работа ему предстоит.

Мне он просто сказал:

— Будет очень трудно, но раз это необходимо, я пойду.

Взрыв и обвал труб, длительные простои, множество аварий, — все это заставило Киселева, Ровинского и почти весь руководящий персонал доменного цеха по нескольку суток не уходить с работы. Все осуну-

лись, почернели от напряжения и усталости. Особенно— Киселев.

В эту тяжелую зиму, полную напряженной работы, началась выучка нашей молодежи — рабочих, мастеров и инженеров. Молодняк рос хороший. Инженеры-комсомольцы, коммунисты и беспартийные — Грицуя, Винниченко, Попов, Жеребин, Саламатин, Хлебников и другие,— надрываясь, работая сверх сил, двигались вперед, изучали дело.

...Еще в 1931 г. на Кузнецкстрой приехала группа молодых инженеров-металлургов прямо, со школьной скамьи. Вскоре многие из них, например, Гуревич, начали выдвигаться. Молодой инженер Гуревич стал десятником, а затем и техником по монтажу. Огнеупорную кладку на доменных печах и кауперах тоже поручили молодому, энергичному Гуревичу. Он с этой трудной работой прекрасно справляется. Несмотря на свою молодость, Гуревич сумел завоевать технический авторитет среди стариков-десятников. Он очень много работал над собой. После пуска первой и второй печи его премировали командировкой на другие стройки. Гуревич затем был назначен руководителем монтажа оборудования и огнеупорной кладки третьей и четвертой печи. С ним, с его опытом и знаниями, уже считаются старые инженеры.

...По мобилизации ЦК партии к нам приехали в 1930—31 г. молодые работники-коммунисты: Нарыков, Тарасов, Перлин, Оскольский, Рышков. Начали они работать в аппарате управления строительства, а затем постепенно их перебрасывали на строительные участки. в цехи. В первое время они ведали, преимущественно, вопросами труда и снабжения. Но в процессе работы эти люди учатся, приобретают опыт, выдвигаются — и к моменту разворота работ второй очереди они становятся самостоятельными руководителями строительных цехов: Нарыков — мартеновского, Оскольский —

доменного, Рышков — общезаводских сооружений, Перлин — торных работ. Три года разнообразной, самоотверженной работы на Кузнецкстрое вырастили этих людей в самостоятельных крепких руководителях.

Третья и четвертая печи строились на расстоянии нескольких метров от работающих двух домен, рядом с чугуновозными и шлаковыми ж.-д. путями. Надо подавать на строительство массу гравия, цемента, леса, арматуры, вывезти десятки тысяч кубометров земли, — все это на зажатом со всех сторон маленьком участке земчи. Во время монтажа здесь должны работать паровые железнодорожные краны. Здесь надо манипулировать тяжеловесными, громоздкими конструкциями и оборудованием. Еще труднее стало, когда началась огнеупорная кладка кауперов и течей, требовавшая сотен вагонов огнеупора.

Эксплоатационники гнали строителей, строители воевали за каждый сантиметр земли. Вопрос о том, как подать железнодорожные монтажные краны к третьей и четвертой доменным печам, потребовал бесконечных согласований между эксплуатационниками и строителями. А в это время на том же участке земли уже вел строительные работы другой цех: перестраивалась подземная сеть, уложенные водопроводы раскапывали и устраивали над ними железобетонные проходные тоннели.

Требовалась величайшая организованность эксплуатационников и строителей, чтобы, не мешая друг другу, вести работы нужными темпами.

Чем больше налаживалась работа доменного цеха, чем больше выплавляли чугуна, тем легче было людям, тем более организованной становилась работа. Жесткая зима была позади. Недоделки и конструктивные дефекты, обнаруженные в первый период работы, устранялись. К второй зиме Кузнецкий доменный цех подходил уже более подготовленным.

Правда, надо было подготовить к работе третью доменную печь, но опыт пуска первой и второй печей не прошел даром.

Во время монтажа, а затем опробования механизмов третьей печи доменщики-эксплуатационники долго ходили около печи. Они требовали, чтобы печь была им сдана без всяких недоделок и времянок. Строители покорно и безоговорочно выполняли требования эксплуатационников.

Мы хотели пустить третью печь затепло, до морозов. Но работы задержались. Только во второй половине января 1934 года третья мощная печь была задута. Люди были подготовлены, заранее расставлены, и задувка прошла гладко, без каких-либо серьезных перебоев, несмотря на то, что печь была пущена зимой. Первая и вторая печи работали на полную мощность. Третья печь начинала набирать темпы.

Продолжается строительство четвертой домны.

Как и в других цехах, начинаются отделочные работы. Здание кауперов, поддоменника, литейный двор штукатурятся, белятся. Горы строительного мусора и земли сняты и вывезены.

К июню 1934 г. Кузнецкий завод уже выплавил первый миллион тонн чугуна, к концу 1934 г. — полтора миллиона тонн.

Начальником цеха остается по сей день Киселев с бессменным обермастером Ровинским.

Вторая зима — 1933—34 года — прошла без тех простоев и аварий, которые были в предыдущую зиму. Все же трудности были, плана полностью не выполнили.

Особенно трудно было с рудой. Магнитогорской руды нехватало. Приходилось перевести печи на усиленное потребление собственной руды. Затруднения были и с качеством кокса. Кокс был слишком слаб для таких больших печей, как наши, — особенно для треть-

ей печи. Доменщики тянулись и работали без простоев, но не всегда выполняли программу.

С весны, когда дело с рудой начало улучшаться, когда качество кокса поднялось, доменщики стали работать лучше, часто превышая плановые задания и проектную мощность печей.

Вокруг доменного цеха и в самом доменном цехе наводились порядок и чистота. А главное — все, от рабочих до начальника цеха, прошли большую практическую школу, стали увереннее работать. В этом не только коренной успех освоения доменных печей, но и залог будущей бесперебойной работы на полную их мощность.

МАРТЕНОВСКИЙ ЦЕХ

Постепенно вводили в эксплуатацию мартеновские печи. За год, начиная с сентября 1932 года, были сданы в эксплуатацию 7 печей и подготовлена к загрузке восьмая печь. Мощность мартеновского цеха увеличилась. В первом квартале он дал 48 тыс. тонн стали, во втором — 84 тыс. тонн, в третьем — 88 тыс. тонн.

Надо было обеспечить своевременную подачу мартенам жидкого и холодного чугуна, руды, всех заправочных материалов, обеспечить бесперебойную работу кранового хозяйства, завалочных машин, подготовить нужное количество мульд и изложниц с поддонами и большой специальный подвижной состав — тележки под мулды и изложницы.

: Надо было организовать снабжение огнеупорным кирпичом, быстрое и своевременное выполнение ремонта печей.

Нужны были опытные люди, а их у нас не было. И нередко работа останавливалась из-за мелочей.

Как и в доменном цехе, особенно тяжело прошла первая зима. Здание мартеновского цеха — огромное.

В нем работает много механиков. Ударили пятидесятиградусные морозы. Смазка на кранах и завалочных машинах стала смерзаться. Машины скрипели, на «их было рискованно работать. Здание газогенераторов не было достаточно отеплено. На газогенераторах начались аварии, поломки, простои. Газа нехватало. а доменного и коксового газа в ту зиму еще не было.

Такие большие мартеновские печи, как кузнечные, тогда работали впервые в Союзе. Мы должны были с самого начала вырабатывать качественный рельсовый металл, а вскоре после пуска нам было предложено освоить выпуск и качественного осевого материала.

Борьба за качество становилась сложнее, серьезнее. Мы оказались мало подготовленными к ней.

В Сталииск приехало несколько рабочих и мастеров, имевших опыт работы на мартенах. Но их было мало. Еще хуже — с инженерами. Опытных инженеров, работавших на мартеновских печах сколько-нибудь продолжительное время, у нас не было. Пришлось ставить на работу и учить инженерский молодежь. Первое время дело облегчалось тем, что работал американский инженер Вейль, имевший большую практику и учивший наших людей. Но вскоре он уехал. Мы были предоставлены самим себе. А работа становилась все более сложной.

Секретарем партколлектива тогда был Калмаков. Он давно уже работал на площадке. Его перебросили на действующий завод на самый трудный в тот момент участок — мартеновский цех. Он стал присматриваться к делу, к людям и все больше «нажимать». Цех испытывал трудности двоякого порядка: одни из-за недоделок и нехватки сырья, запасных частей, другие — из-за недостаточного знания дела, невнимательной ра-

боты, неслаженности всего технического и хозяйственного организма цеха.

Парторганизация площадки очень нервно реагировала на отставание мартеновского цеха. Нервничала и Москва. Заказы все увеличивались. Требования к качеству металла становились более серьезными. А мы отставали.

Отставание мартеновского цеха стало особенно остро чувствоваться весной, когда блюминг и рельсобалочный стан начали набирать темпы. Калмаков болезненно переживал затруднения мартеновского цеха. Коксовый и доменный цехи налаживали работу, шли на уровне плана, а мартеновцы отставали. Партийная организация расставила коммунистов по всем сменам и бригадам и начала подтягивать людей. Те стали более внимательно и серьезно работать. Число поломок и аварий резко уменьшилось. Мартеновские печи повышали темпы. В летние месяцы они уже близко подходили к выполнению плана.

Но качество все еще отставало. Когда стали варить рельсовую и осевую сталь, число плавок, не попадавших в анализ, было очень велико, с резкими колебаниями.

По предложению тов. Серго из Донбасса временно перебросили к нам для усиления борьбы за качество группу инженеров во главе с Титаровоки, Они ознакомились с работой цеха и наметил мероприятия, которые должны были улучшить работу. Мероприятия эти сводились по сути дела к мелочам, но мелочи мешали работе цеха. Бригада указала, что надо разливать сталь медленнее, через небольшие отверстия, изложницы держать чисто, перед разливкой металла тщательно их смазывать и т. п. Нашим инженерам и мастерам было, конечно, неприятно, что приезжие обучают их и вытаскивают из трудного положения. Потребовалось несколько месяцев упорной работы, чтобы простые

вещи были твердо усвоены, чтобы люди привыкли к четкой и равномерной работе.

Только к концу лета 1933 года произошел сдвиг в качестве. Число плавок, не попавших в анализ, становилось меньше. Печи выполняли план. Калмаков вместе с коллективом мартенщиков радостно праздновали победу, когда в сентябре 1933 года план был целиком выполнен и по количеству и качеству. В эксплуатацию входило все больше печей. Все время наш коллектив мартенщиков выполнял две задачи: обслуживал работающие печи и готовил кадры для новых печей, сдававшихся в эксплуатацию.

К зиме 1933—34 года крупные недоделки были ликвидированы, сдан в эксплуатацию миксер, увеличено число кранов в заливочном и разливочном отделениях. Здание газогенераторов полностью подготовили к зиме, утеплили, устроили вентиляцию. Мартеновский цех получил достаточно доменного и коксового газа.

Все же и вторая зима оказалась очень трудной. Работало уже восемь печей — по мощности крупнейший цех в Союзе! Нам давали все больше заказов на качественную сталь. Труднее становится с производительностью печей. Печи чаще останавливаются на горячие и холодные ремонты: горят своды, арматура печей. После первых достижений осени 1933 года, зимой снова стало трудно. Мартеновский цех выполнял план на 70, максимум на 80 процентов. Прокатному цеху уже не хватало металла.

Полтора года борьбы за выполнение плана, за повышение качества! Только с лета 1934 года печи начали работать равномерно, целиком выполняя программу.

Одновременно с тем, как начинали работать первые мартены, шло строительство второй очереди мар-

теновского цеха. Всего в мартеновском цехе должно быть пятнадцать печей. Работа облегчалась тем, что имелись все проекты. Железные конструкции были изготовлены заранее, большая часть оборудования также имелаась на площадке. Эксплуатационные работы мешали окончанию строительства мартеновского цеха меньше, чем в других цехах.

Все 15 мартеновских печей строились одновременно. Теперь в ходу уже десять печей. Мартеновский цех по своей мощности уже может полностью снабдить стальными слитками действующие агрегаты прокатного цеха, Теперь уже не мартены сдерживают работу прокатного цеха, а прокатный цех часто не в состоянии обработать всю сталь, выдаваемую мартеновскими печами. На мартене имеется прекрасная постоянная контора и хорошо оборудованные постоянные здания обслуживающих помещений: столовая, душ и прочие рабочие помещения.

Мартеновские печи строились емкостью по 150 тонн. Кто-то из инженеров в свое время внес предложение поставить две печи по триста тонн. Тринадцатая и четырнадцатая печи уже строятся в соответствии с этим предложением, — по триста тонн. Мартеновские цехи на старых заводах в СССР и за границей — место самой трудной работы. Мартеновский цех в Сталинске совершенно не похож на старые цехи. Он механизирован, в нем удобно работать.

Мартеновский цех завода им. Сталина — один из самых больших и совершенных в мире. Он скоро будет полностью готов и даст ежегодно миллион пятьсот тонн стали.

Прекрасное, высокое, широкое здание с удобными площадками для работы — таков мартеновский цех. один из самых красивых цехов нашего завода.

ПРОКАТНЫЙ ЦЕХ

Первые блюмсы наш блюминг обжал в ноябре 1932 года. Первые рельсы прокатали в конце декабря. Уже назавтра после пуска рельсового стана обнаружались большие трудности. Было много времянок и недоделок. Прокатный цех Кузнецкого завода оснащен сложным оборудованием: крупнейшие электромоторы блюминга и прокатных станов, большое число электромоторов рольганга. «Ножницы», конвейер подачи и передачи металла, мощное крановое хозяйство — все это надо было наладить, отрегулировать. А из наших людей почти никто раньше не работал в прокатном деле. Большинство было переброшено с монтажа на эксплуатацию, только отдельные рабочие и мастера работали раньше на прокатных станах Урала или юга. Коллектив был сырой, неслаженный, необученный. Естественно, что были аварии, поломки. Наладка механизмов затягивалась.

И все это — зимой! Нагревательные колодцы блюминга, нагревательные печи рельсовых станов работали на доменном газе. В январе 1933 г. первая доменная печь остановилась из-за аварии. Газ второй печи шел «а нужды доменного цеха и в прокатный цех не поступал. Прокат остановился, замерз.

Тяжелую картину представлял прокатный цех в январе и феврале 1933 г. Люди хотели и могли работать, а цех стоял.

Недоделки особенно чувствовались в рельсоотделочной мастерской. Это — огромное здание с несколькими железнодорожными путями. В здании расставлено отделочное оборудование, по которому проходят рельсы, последовательно подвергающиеся выправке, фрезеровке концов, сверлению дыр. Отеплить мастерские почти невозможно. На время больших морозов пришлось останавливать оборудование. Вода, служа-

шая для охлаждения, смерзлась, трубки лопнули. Смазка замерзла. Все это никак не предусматривалось проектом! Всю зиму, а затем и летом заканчивали строительные работы и устанавливали устройства, предохраняющие оборудование от морозов. К концу 1933 года рельсоотделочная мастерская была приспособлена к зимней работе.

Весной доменный цех начал работать нормально. Прокатному цеху подали коксовый газ. Началась загрузка колодцев. Газ пошел к колодцам, металл стал нагреваться, блюминг начал работать. Подали газ на нагревательные рельсовые печи, тогда был пущен и рельсовый стан.

В первом квартале блюминг прокатал 12 тыс. тонн металла, во втором — 51 тыс. тонн, в третьем — 75 тыс. тонн, в четвертом — 82 тыс. тонн. Рельсов дали две тысячи тонн в первом квартале, 15 тыс. тонн — во втором, 33 тыс. тонн — в третьем, 35 тыс. тонн — в четвертом.

Сначала мы почти не давали рельсов первого сорта. 90 процентов рельсов шло в брак. Надо было создавать парк валков, бороться за калибровку рельсов, за точность работы.

Инженерно-технический коллектив прокатчиков — преимущественно коммунисты и комсомольцы. Средний их возраст — от 25 до 30 лет. За отдельными исключениями, никто раньше не работал на прокатных станах. Учителей, опытных людей, которые могли бы показать, как надо работать, было очень мало.

Летом 1933 года к нам командировали с Донбасса инженера К. В. Кноблаха. Грузный, всегда по-европейски одетый, в шляпе, — он был потомственным прокатчиком. Его дед и отец работали по прокату сначала за границей, а потом в Донбассе, Кноблах — мастеровой до мозга костей. У нагревательных колодцев, у печей, у станов, в вальцеток-арной мастерской он чув-

ствовал себя как лома. Разговаривал мало, распоряжения давал короткие: он привык, чтобы его понимали с полуслова, привык, чтобы его слушались. Горячая работа требует четкости, тут надо понимать команду знаками, движением пальцев.

Кноблах — человек довольно солидного возраста — очень любил молодежь. Он выдвигал ее, а главное — учил. Несмотря на свою грузную комплекцию, опрятность костюма и белизну воротничка, он в трудные моменты сам становился на работу и показывал, что и как надо делать.

Прокатчики получили настоящего руководителя! Ему крепко помогал инженер Дегтярюк. Многие, что недавно казалось головолomным, трудным, из-за чего люди теряли дни напряженной работы, делалось после указаний Кноблаха простым и доступным. Особенно прислушивались к Кноблаху старые мастера. Да они и побаивались его...

Летом 1933 года прокатный цех начал оживать. Продукция изо-дня в день росла. Качество ее повышалось.

Начали расти и люди. На нагревательных колодцах работал мастер Шестаков, человек средних лет, рыжий, крепкий. Он стал подбирать людей, и скоро его бригада показала, что можно делать в два-три раза больше, чем раньше. Шестаков и шестаковцы стали подтягивать за собою отстающие бригады колодцев.

Вдумчивый, широкоплечий и круглолицый коммунист Рябинин стал образцовым мастером блюминга. Он присматривался к работе, изучал блюминг, приходил за час-другой до начала смены, всегда просматривал механизм, проверял смазку. Благодаря организованной работе он тоже в два-три раза увеличил производительность.

На рельсобалочном стане стала набирать темпы и:

организованно работать бригада коммуниста Зараменского.

Не только увеличилась производительность, но уже во всех сменах и на всех агрегатах имелись такие бригады, которые работали уверенно, со знанием и пониманием дела. Это особенно радовало.

Малейшая поломка большого конвейера останавливала весь прокатный цех. Надо было так организовать ремонт и парк запасных частей, чтобы избежать остановок во время работы.

Внедрение элементарной и обязательной производственной культуры потребовало большой тренировки людей, большого контроля над работой бригад. Прокатчики стали двигаться вперед.

В тот год пустили Челябинский тракторный завод. Ему нужен был точный, калиброванный тракторный башмак. Прокатчики, освоившие производство рельсов, берутся за новое дело. После двух-трех неудач кузнечане начали выдавать тракторный башмак в таких количествах, что полностью удовлетворяют потребность и Челябинского тракторного и ряда других заводов. На заводском конкурсе прокатчики занимают одно из первых мест — Кноблах торжественно раздает премии отличившимся бригадам.

В Москве форсированно строится метрополитен. Ему нужны тяжелые, точно калиброванные рельсы. Наши прокатчики начинают обтачивать новые валки, готовятся к прокатке тяжелых рельсов. Через короткое время бригада прокатчиков раньше срока отвозит Метрострою маршрут рельсов.

Теперь программа почти регулярно выполняется, качество продукции повышается, а самое главное — строители и монтажники прокатного цеха превратились в прекрасный коллектив эксплуатационников. Они знают свое оборудование, заботливо следят за ним, научились работать. Они уже готовят работников для

освоения новых мощных прокатных станов Кузнецкого завода—станов второй очереди. Строительство второй очереди прокатного цеха, по мощности не уступающей первой очереди, идет все время. Новые станы начнут работать в ближайшие месяцы.

ПОДСОБНЫЕ ЦЕХИ

Кузнецкий завод набирал темпы. Вводились в работу все новые и новые агрегаты. Обслуживание многообразного и сложного оборудования требовало правильной организации ремонтов, требовало изготовления запасных частей. Закончилось строительство литейного цеха. Он уже полностью удовлетворял внутреннюю потребность завода в чугунном, стальном и цветном литье. Все большие требования предъявлялись к механическим и кузнечным мастерским, изготавливающим запасные части. Главному механику пришлось организовать ремонтные работы по всем цехам так, чтобы они шли уже не только в порядке пожарном, от аварии к аварии, но в порядке планового, постоянного ремонта.

И ремонтные, и строительные работы, и эксплуатация предъявляли большие требования на кислород. Кислорода с временной станции уже не хватало. Кислородный голод был ликвидирован только тогда, когда мы построили, смонтировали и пустили большую кислородную станцию.

Многие тысячи электромоторов, большое количество электрических подстанций, сотни километров электросети требовали не только ликвидации аварий, но плановых, организованных ремонтов. Вместо временной электроремонтной мастерской, примитивно оборудованной, не справлявшейся с работой, построили, оборудовали и пустили постоянную большую электроремонтную мастерскую.

Поступление сырья — угля, руды, огнеупорной глины, доломита, кварцита — все нарастало. Чтобы культурно вести производство, надо было проверять и классифицировать это сырье, иначе говоря — надо было хорошо поставить лабораторные работы. Контролировать надо было не только сырье, но и готовую продукцию. Продукция, в большинстве своем, качественная — осевая, рельсовая сталь. В ней было много недостатков. Необходимо было исследовать причины этих недостатков и давать указания, как вести производство. Все более актуальными становились окончание строительства и пуск центральной лаборатории. В 1933 г. мощная центральная лаборатория — одна из лучших на металлургических заводах Советского союза — была закончена, оборудована и начала работать.

В 1933 — 34 г. мы вступили в такую стадию, когда вопрос о бесперебойной, равномерной работе завода решали прежде всего обслуживающие цехи и в первую голову ремонтные работы. Этими работами руководили главный механик Курчин и его заместитель Злотников.

От Курчина всегда можно было услышать такое выражение:

— Стало быть, будет сделано!

Это он говорил, когда цехи-заказчики требовали от него скорейшего выполнения заказов.

Старше пятидесяти лет, полный, даже грузный, но, несмотря на это, подвижной и быстрый, он в состоянии был несколько раз в день обегать всю площадку.

Жизненную школу он прошел суровую. Начал в Донбассе мальчиком на металлургических заводах и закончил главным механиком завода. В 1930 г. он, по приглашению Бардина, приехал к нам. Оборудования

и механизмов почти никаких, а работы много. Курчин чувствовал себя в своей стихии. Изобретательный до удивления, он всегда быстр в решениях. На пустом месте, в поле, скажешь ему:

— Иван Алексеевич, надо установить (или сделать) то-то.

Курчин тут же отвечает:

— Стало быть, будет сделано!

Через несколько минут он -уже кричит зычным голосом, обращаясь к бригаде:

— Ребята! Давайте скорей! Тащи доски сюда. Ну-ну, живей, пристраивайся.

Авария — днем ли, ночью ли—Курчин появлялся первым, и вскоре уже слышен его громкий, хрипловатый голос — он расставляет людей, начинает работы.

Курчин любит, когда признают, что именно он спас положение, именно он выручил. Но Курчин никогда не избегал работы, не боялся и риска. Когда надо было быстро поднять наклонные мосты на первую и вторую доменные печи, американцы предлагали сложный, длительный способ. Курчин часто ходил возле мостов, присматривался ко всему, точно ожидая, когда призовут его и предложат выполнить эту работу. Вскоре Курчина вызвали. Спустя недолгое время он уже «стало быть» организовал людей и начал пристраивать. Двое суток Курчин не уходил с работы. Далеко слышна была его команда: «майна!—вира! — стоп!»

Скоро мост был на месте. Американцы поражались быстроте, с какой был поднят мост. Они никогда не видели такой производственной удачи. Курчина поздравляли, он радовался похвалам, любил, когда признавали его изобретательность.

Всегда после таких удач и следовавших за ними похвал он начинал работать еще лучше.

На авариях —а их в первое время после пуска цехов было много — Курчин был буквально незаменимым

человеком. Но наступили другие времена. Работал большой завод, надо было организовать плановый ремонт, создать парк запасных частей оборудования. Курчину — главному механику комбината — становится все труднее. Он чаще надевает очки, начинает зачем-то появляться с портфелем, любит показывать бумаги, щеголять таблицами цифр. Большому мастеру своего дела, великолепному практику Курчину становилось все труднее вести плановое, организованное хозяйство. На совещаниях, отдавая дань «плановой моде», — он говорил, что «стало быть» надо сделать по плану... Выручил нас и Курчина приход к нему заместителем инженера-коммуниста Злотникова.

Сочетание практики и теории, богатство производственного опыта Курчина и инженерных знаний молодого и энергичного Злотникова дало замечательные результаты.

Злотников попал к нам тоже еще во время строительных работ и сначала работал по совершенно иной, нежели теперь, специальности. Это было в 1931 г. На Кузнецкстрое число учебных учреждений все больше увеличивалось. У нас были техникум, школа ФЗУ, разнообразные курсы переквалификации инженеров и техников, курсы подготовки строительных и эксплуатационных рабочих. Кроме того из Томска к нам — непосредственно к производственной базе — был переведен металлургический институт.

Все эти учебные заведения находились в системе Кузнецкстроя. Материально мы их обеспечивали, но руководить надлежащим образом учебным делом в этом большом и разнообразном комбинате мы не были в состоянии: нехватало ни сил, ни времени.

Будучи в Москве, я просил ЦК партии дать работника на это дело. При большом сопротивлении руководителей бывшего МВТУ — Московского высшего технического училища — оттуда был снят и направлен

к нам молодой доцент, коммунист Злотников. Он мне откровенно говорил:

— Мне хочется поехать на Кузнецкстрой, но очень жалко расставаться с научной работой.

Вскоре Злотников приехал к нам. Серьезный не по годам, настойчивый, он хорошо взялся за дело. Злотников сумел не только привлечь новых людей к работе в учебном комбинате,—он сумел найти и воспитать многих педагогов в коллективе инженеров самого Кузнецкстроя.

В течение года Злотников укреплял старые и создавал новые учебные заведения — школы, курсы. А поток желающих учиться был велик и стремителен! Нехватало помещений. Учились в конторе управления, на участках—в конторках прорабов. Учились в две-три смены. Но все же помещений нехватало.

Летом 1931 г. уже можно было «роскошествовать»: курсовая база получила свои собственные здания. Люди страшно радовались этим деревянным стройкам, покрытым брезентом и мешковиной. Здесь, правда, сильно продувало, в дождь мокли ученики, учителя, учебные пособия, но строители — народ привычный, и ученье, несмотря на неприятности, продолжалось.

Работал Злотников очень неплохо. Но у него слабость: любит человек часто речи говорить и доклады читать. Впечатление такое, что ему самому приятно слышать свой голос и плавно льющиеся слова, фразы. А говорить он действительно умеет, но чересчур уж злоупотребляет этой своей способностью...

Через год Злотников стал выказывать недовольство: что же это — он учит всех, а сам мало учится! Он хочет перейти на производство.

Долго и настойчиво добивался Злотников своего. Когда работа в учебном комбинате была налажена, мы с Хитаровым согласились направить Злотникова на производство. Вначале он был назначен начальником цеха,

а затем — заместителем главного механика комбината.

Когда его перевели на производство, он, не имевший производственных навыков, вначале ко всему приглядывался, учился, затем стал наводить порядок в цехе, внедрял план, изучал сам и заставлял других изучать работу каждого станка,

Так стал Злотников производственником. Проявляя нужный такт и выдержку, Злотников начал работать с Курчиным, многому у него учился и научился.

И вот недавний книжник, доцент Злотников, неохотно отрывавшийся от научной работы, стал заместителем главного механика комбината. Недавно еще совершенно не знавший практического дела, он в отсутствие главного механика уже самостоятельно справляется с его функциями. А ведь опасался, что на стройке нечему будет научиться!..

МАСТЕР-АКАДЕМИК

Молчаливый, угрюмый, хмурый человек — такое впечатление производит при первой встрече Иван Павлович Бардин. Но это — только внешнее впечатление.

Когда я приехал в Кузнецк, начал нажимать на работы и убрал нескольких склочничавших инженеров, Бардин стал меня несколько чуждаться. Может быть, он думал, что и ему придется уйти от его любимого дела — Кузнецкстроя...

Но вскоре он, очевидно, понял, что я по-настоящему интересуюсь делом. Понемногу состояние замкнутости стало его покидать.

Летом 1930 г. мы с Иваном Павловичем поехали на Гурьевский завод. Возвращались оттуда уже вечером и очень спешили. Но в двух десятках километров от Кузнецка автомобиль остановился. Починить невоз-

можно. А утром надо обязательно быть на площадке. Как быть?

Решили добраться пешком. Тьма кромешная. Дождик. Дорогу мы искали ощупью, прислушиваясь к лаю собак. Когда мы так шагали рядом, вышел у нас большой душевный разговор. Я думаю, что Иван Павлович говорил о личном так откровенно потому, что было темно, и он меня не видел. Многое он мне рассказал. Как работал, как много пил, в какой среде вращался. Как он откосялся, к новому, к советскому, к рабочим, о своих политических колебаниях. Говорил он долго — короткими, обрубленными фразами. Я слушал, изредка подавая реплики.

В ту ночь я убедился, что Бардин наш, советский человек, честный человек, что он никогда не предаст нас. А тогда это было крайне важно — то было вскоре после раскрытия ряда вредительских организаций.

За четыре года нашей работы это был единственный откровенный разговор о личном.

...Кабинеты Бардина и мой — рядом. Работая у себя, Бардин обычно снимал пиджак и вешал на стул. Но перед тем, как зайти ко мне, — а это бывало по нескольку раз в день, — Бардин не только надевал пиджак, но и застегивал его на все пуговицы. Он дисциплинирован — от застегнутых пуговиц пиджака до крупных дел.

Помню, расшвыряв по какому-то случаю, я стукнул по столу и сказал:

— Не понимаю, Иван Павлович, какой дурак это мог сделать.

Бардин покраснел и сказал:

— Это я распорядился, другие здесь не причем.

Он — прямой, честный человек.

В 1930 г. начали монтировать первые локомотивы на временной электростанции на лесозаводе. Бардин ежедневно бывал там. Ласково смотрел он на машины.

Утром он на вашей сортировочной ж.-д. станции обходил прибывшие маршруты с оборудованием и любовно рассказывал мне, какие машины прибыли, хвалил их, объяснял их особенности.

Когда пускали первые станки в котельном и механическом цехах, он почти каждый день заходил смотреть их работу. У него и жест был такой — рукой потрогать, погладить машину. Хмурое выражение исчезало, лицо делалось ласковым, хорошим. Он был влюблен в машину, в хорошую машину.

Но как он багровел, как ругался отборными «морскими» словами, когда ломали машины! Мастера и инженеры прятались от него в таких случаях, боясь его гнева.

Он презирает человека, который плохо обращается с машиной или не умеет ее использовать. Такой человек для него «губошлеп».

Он любит машину и по «портретам». Поздно ночью можно было видеть его в кабинете за кучей каталогов. Со счетной линейкой в руках он разглядывал чертежи и фотоснимки машин — всегда с улыбкой. Он знает и помнит всякую виденную хоть раз машину, — не только в металлургии, но и во всех отраслях промышленности. Эта черта Бардина помогла нам подобрать много нового, хорошего оборудования.

Несмотря на перегруженность текущей работой, Бардин всегда внимательно следит за иностранной литературой, за новостями техники не только по металлургии, но по всем вопросам. Он прекрасно знает почти всю мировую металлургию: в такой-то стране, на таком-то заводе такие-то печи, такое-то оборудование.

Один из приехавших к нам иностранцев рассказал о каком-то металлургическом заводе в Испании. Он ошибся, Бардин тут же его поправил. Тот сконфузился и должен был признать правоту Бардина.

Богатейший опыт, многолетняя и разнообразная

практика, неустанная работа над собой сделали из Бардина крупнейшего инженера, который хорошо знал свое дело, научился ставить и разрешать большие технические проблемы.

...Он любит людей мастеровых, работающих на производстве, и презирает инженеров, окапавшихся в учреждениях. «Паркетный инженер»—так он их называет. Всю жизнь он работал на заводах, на стройках—и видит в рабочих и мастеровых своих товарищей по работе.

Мне рассказали про Бардина в Донбассе. Он был тогда директором металлургического завода. Рабочий' полез чистить газопровод в мартене и стал там задыхаться. Бардин прибежал и увидел, что весь командный состав цеха, во главе с начальником, испугался, переполошился и не знал, что делать. Бардин быстро обвязал себе голову тряпкой, сам полез в газопровод, вытаскил еле живого рабочего и с презрением толкнул в грудь начальника цеха:

— Дрянь вы, а не начальник, если даете погибать своим людям и ничего не делаете!

Он любит товарищей по работе. Ласковых и похвальных слов от него почти не услышишь: ведь это так и надо — хорошо работать! Но Бардин никогда не забывает позаботиться о людях, работающих с ним.

...Он страстно любит природу, любит зелень, цветы. Несмотря на занятость, он всегда помогал садоводству и цветоводству Кузнецкстроя.

В молодости Бардин работал на крупнейшем американском металлургическом заводе Гери. В его личных делах есть лестная аттестация о «формене»-мастере. Он стал инженером, профессором и академиком, но остался мастером, первоклассным мастером своего дела.

Старый инженер, он всегда и во всем был и остается сторонником нового, наиболее совершенного в технике.

О «ем мне часто творят: «Ваш Бардин — известный американец».

Когда Иван Павлович начинает рассказывать о новом процессе производства, о новых технических достижениях, он так увлекается, что его трудно остановить. У него при этом привычка — снимать очки, снова надевать, жестикулировать ими. Очки в виде протеста часто ломаются.

...В то время, когда Бардина выбрали членом Академии наук, и после, когда мы праздновали его пятидесятилетие, писали и говорили ему много хорошего. Он долго мял фуражку и сказал в ответ, что стал таким, главным образом, благодаря среде, в которой работает, благодаря той огромной творческой деятельности, которой отличается наша страна.

Созидательная ударная работа первой пятилетки сделала Бардина мастером социалистической стройки. Все, кто любил Кузнецкстрой, любили творческую работу Бардина и его самого. Он часто выходил из себя, он пробирал людей так, что подчас окна дрожали. Никто не обижался,— это было не личное, этого требовало дело, интересы работы.

Трудно было слышать от Ивана Павловича о чем-либо, не имеющем отношения к Кузнецкстрою. Казалось, что он целиком замуровался в эту область. И меня немало удивило после почти двух лет совместной работы, когда он мне рассказал, что любит театр, только серьезный и хороший, любит музыку и литературу. Неожиданно для меня он с увлечением стал говорить о театральных впечатлениях, о прочитанных книгах.

— Хорошо бы,— сказал он,— закатиться в Москву и дней десять подряд ходить по театрам!

Но тут же спохватился:

— Это успеется! Это—после...

ВТОРОЙ ЗАВОД

У меня в кабинете собрались Бардин, Краскин, Гольденберг и наши горняки. Мы обсуждали результаты разведок железной руды и намечали план разведок на 1933 год.

Результаты разведок были исключительные. Даже мы, патриоты сибирской руды, не ожидали таких больших и быстрых успехов. В 1931 г. обнаружили новое месторождение по реке Ташылге, с запасом в 20 млн. тонн руды. Затем открыли Кондомское месторождение с тремя районами: Таштатолом, Шалым и Шерегеш. Уже первые поисковые работы показали, что в Кондомском месторождении запасы руды исчисляются многими десятками миллионов тонн.

Любопытная подробность. В Кондомском районе уже давно существуют Спасские золотые рудники. Основное месторождение железной руды у конторы золотых приисков. Люди ходили по руде и не знали о ее существовании.

Итак, руду нашли. Даже проф. Усов, который на основании своих «научных выкладок», доказывал в 1930 г., что «руды быть не может», начал менять точку зрения.

— Да,— говорил он,— может быть запасы железной руды в Сибири будут несколько увеличены...

Мы наметили план больших разведочных работ. Теперь надо не только отыскивать новые месторождения, но и как можно точнее определить размеры и характер запасов уже открытых месторождений.

Кончилось наше заседание. Горняки и разведчики ушли. Под впечатлением успешных результатов разведки оставшиеся начали делиться мыслями, мечтать вслух о перспективах сибирской металлургии. Бардин, волнуясь, размахивал очками.

— Конечно,— говорил он,— металлургические заво-

ды надо строить ближе к углю, чем к руде. Это выгоднее, это подтверждается практикой американской и европейской металлургии. А у нас есть еще огромное преимущество: Кузбасс имеет не только прекрасные коксующиеся угли, но и свою руду. Да не только руду! У нас есть и все остальное металлургическое сырье; известняки, кварциты, доломиты, огнеупорная глина. Наш район наилучший, оптимальный район для строительства новых металлургических заводов.

— Но ведь эту огромную продукцию новых металлургических заводов мы должны будем вывозить,— сказал Гольдеиберг.

Бардин нервно расхаживал по кабинету.

— Можем и не вывозить продукцию. Она будет сама уходить.

Все посмотрели на него с недоумением.

— Как так уходить? — спросил Краским.

— Очень просто. Она может уходить в виде вагонов и паровозов. Представьте себе: рядом с металлургическим заводом ставим паровозостроительный и вагоностроительный заводы. Вагоны будем выпускать металлические, «американские», большегрузные. Для них нужно много металла. Если паровозный завод будет делать тысячу паровозов в год, а вагоностроительный 20—25 тыс. вагонов, то они съедят почти весь металл завода.

Наступило молчание. Все задумались над словами Бардина. У Гольденберга глаза сияли. Он сказал:

— И тогда каждый день новые паровозы берут маршрут только-что изготовленных вагонов, идут в угольный район, грузятся углем и уходят на Урал, Дальний Восток, во все концы Союза.

Все увлеклись внезапно возникшей идеей. Разошлось, далеко за полночь.

На следующий день Гольденберг усадил за

несколько плановиков. Экспромтом возникшую идею стали подкреплять цифрами и подсчетами.

В 1932 г. я был у тов. Сталина. Рассказал ему о положении наших работ, о перспективах нашего строительства. Сообщил о результатах разведок, об обнаруженных богатых запасах железной руды. Так же как в 1920 г. с Владимиром Ильичей, мы путешествовали по карте Сибири. Я говорил тов. Сталину о возникшей у нас идее—построить второй металлургический завод и рядом с ним паровозостроительный и вагоностроительный заводы. Тов. Сталин подробно расспрашивал о перспективах Абаканского железорудного месторождения в верховьях Енисея, интересовался рудниками, находящимися за Иркутском. Я доказывал преимущества Кузнецкого района для строительства второго завода.

— Мы ничего не будем брать со стороны, не будем загружать магистралей. Уголь, руда, нерудные ископаемые — все это у нас есть! Второй Кузнецкий завод будет иметь готовую строительную базу. В его строительстве будут участвовать и многочисленные подсобные предприятия первого Кузнецкого завода и уже работающий первый Кузнецкий завод. Все преимущества налицо, к тому же на эту работу мы переключим сформировавшийся кадр строителей и монтажников Кузнецкстроя.

Долго продолжалась беседа. В ней участвовали гг. Серго и Ворошилов.

Вскоре было принято решение о постройке Кузнецкого паровозостроительного завода. Мы выбрали площадку на противоположном берегу Томи.

В сентябре 1932 г. я выступил на пленуме ЦК партии рассказал об изменении положения с нашей сырьевой базой и предложил строить второй Кузнецкий завод.

Летом 1933 г. к нам приехал тов. Орджоникидзе. После осмотра завода мы предложили тов. Серго ознако-

митыся с площадкой будущего строительства. Переехали на другую сторону Томи, объездили и обошли огромную площадку в десятки квадратных километров. Площадка понравилась тов. Серго. Мы с Бардиным тут же, в поле, подробно рассказали о предприятиях, которые должны быть здесь построены.

В докладе на активе парторганизации Кузнецкстроя тов. Серго, говоря строителям о необходимости скорее окончить и пустить агрегаты второй очереди Кузнецкого завода, сказал:

— Вы не кандидаты на безработные — у вас впереди новая, огромная работа, удвоенная работа.

В бытность свою у нас тов. Орджоникидзе очень подробно интересовался вопросами новой рудной базы. Мы ему сказали, что надо срочно начать строительство железной дороги к новым железорудным месторождениям на Кондоме. Тов. Серго наше предложение поддержал и тотчас же после своего приезда передал мне по телефону поручение — собрать и привезти в Москву весь материал по изысканию железной дороги.

Вопрос о постройке железной дороги длиной в 100 километров был решен осенью 1933 г. Весной 1934 г. «около десяти тысяч человек были уже заняты ее строительством. К концу 1935 г. эта дорога будет закончена.

Осенью 1933 г. мы договорились с тов. Серго, что в 1934 г. начнем строить второй завод.

Составить план завода было поручено Брудному, а затем Краскину.

Мы неизменно представляли себе второй завод, как комбинат металлургии с паровозе и вагоностроением. Металлургический завод и паровозостроительный были включены во второй пятилетний план, — их уже начали проектировать. А вагоностроительного завода в плане не было. По предложению сибирской делегации XVII партийный съезд признал необходимым вклю-

чить в план также строительство вагоностроительного завода в Сибири — в Сталинске.

Начались детальные изыскательные работы на площадке второго завода. Началась подготовка к строительству. На пустынной пока площадке будущих промышленных гигантов уже появились передовые разьезды строителей; Постукивают топоры, слышны гудки автомашин...

Недалеко то время, когда Кузнецкий бассейн станет вторым Донбассом — не только угольным и металлургическим, но и машиностроительным.

ТОВАРИЩ ЭЙХЕ

Руководитель сибирской партийной организации стоял у лужи и тщательно мыл свои сапоги. Развороченная и раскопанная площадка превратилась после дождя в болото. Глинистый грунт засасывал. Опускаясь в котлован ЦЭС, Эйхе попал в лужу и погрузился в грязь выше колен. Таково было боевое кузнецкстроевское крещение секретаря крайкома.

Долго и обстоятельно знакомился Эйхе с жизнью и бытом рабочих. Он ходил по столовым, пробовал еду, ходил по магазинам и баракам, подробно беседовал с рабочими, — и все больше хмурился. Он ненавидел грязь, он выходил из себя, когда узнавал о хамском, отношении к работающим. И надо было видеть его возмущенное, побледневшее лицо, надо было слышать его срывающийся от волнения голос, когда он поносил виновников грязи!

Эйхе решительно потребовал от меня — обратит максимум внимания на то, чтобы улучшить условия жизни кузнецкстроевцев.

В один из приездов Эйхе ему рассказали, что пишие инженеров ухудшилось и что их жены ропшут.

Он долго говорил со мной, вызывал к себе людей, непосредственно занимающихся этим делом, подтягивал наших снабженцев.

Кузнецкстрой был в центре внимания страны. В своих выступлениях руководящие товарищи часто хвалили кузнецкстроевцев, хвалили и в печати. У многих кружилась голова от похвал. Была опасность, что из-за этого могут ослабить темпы, понизиться напряжение в работе. Эйхе в своих публичных выступлениях и в беседах с отдельными работниками площадки всегда требовал не формальной, а действительной самокритики. Мне он часто указывал на то, что я в том или ином вопросе не прислушивался к голосу рабочих, общественности, партийной организации.

Эйхе изо дня в день следил за состоянием организации, за положением работ на Кузнецкстрое.

В начале 1931 г. создалась опасность, что вместо совместной дружной работы партийных и хозяйственных работников Кузнецкстроя возникнет драчка, за которой вырисовывалась угроза ослабления темпов работы. Дело было весной. Начал таять снег. Лед на Томи был докрыт водой. Вечером мне позвонили из Старо-Кузнецка, что там находится Эйхе. Оказалось, узнав об осложнениях, он вылетел на самолете в Кузнецк.

Садиться на землю было невозможно. Самолет сел на Томи. По колено в ледяной воде Р. И. Эйхе кое-как добрался до Старо-Кузнецка. Я поехал за ним. Уже поздно вечером мы добрались ко мне на квартиру. Эйхе сбросил промокшую одежду, повалился на кровать и заснул, как убитый.

С часу ночи и до утра Эйхе, Станкин и я говорили о том, как упорядочить взаимоотношения между партийным комитетом и хозяйственным руководством. После беседы Эйхе пошел со мной осматривать площадку. В котельном и механическом цехах он с большим интересом разглядывал новейшие станки.

— Ведь я токарь по профессии, — сказал он. — Эх, как потянуло к работе! Принял бы ты меня токарем?

Очень часто нам нехватало материалов, часто недовставало рабочих, сложно обстояло дело с организацией продовольственного снабжения. Эйхе сумел мобилизовать силы всего края на помощь Кузнецкстрою. Не было дня, чтобы мы не обращались к нему за поддержкой. Не было для Эйхе черных, мелких дел — он делал для Кузнецкстроя все, он делал подчас невозможное, чтобы нам помочь.

Сибирь должна была усиленно развивать сельское хозяйство. И все же Эйхе, даже в самые напряженные моменты посевной и уборочной кампаний, снимал рабочих из колхозов и совхозов и отправлял их на Кузнецкстрой. Такова была линия всей сибирской партийной организации.

Настало трудное пусковое время. Мы опаздывали. В связи с неполадками у некоторых появились упадочнические настроения. Надо было подтянуть партийную организацию и весь коллектив. Нельзя ослаблять нажима! Эйхе приезжает к нам и сам руководит созданием перелома.

Всегда ровный, простой и внимательный в обращении, он, когда дело касается работы и успехов стройки или завода, преображается, меняется, становится беспощадным.

Когда мы праздновали в Новосибирске выдачу первого чугуна, Эйхе был переполнен радостью. Но когда зимой 1932—33 г. плохо работали пущенные цехи, когда мы недодавали металл, — Эйхе приехал на завод, жестоко нас критиковал, требовал борьбы с расхлябанностью в работе. Нажим крайкома приносил плоды — подтягивались люди, подтягивались дела.

Весной 1934 г. мы с Эйхе обходили завод. Картина резко изменилась. Горы земли исчезли, канавы засыпаны, в цехах устанавливается нормальный порядок ра-

ботающего завода. Появились дорожки, в самих цехах побелили помещения, поставили цветы. Эйхе радовался и с увлечением говорил мне, что надо озеленить весь завод, превратить его в сад, устроить фонтаны.

Разве тот, кто не был раньше, кто те наезжал часто на Кузнецкстрой, сказал он, может представить себе, какая огромная работа проделана, сколько труда вложено в этот завод!

ТОВАРИЩ ОРДЖОНИКИДЗЕ

Осенью 1930 г. тов. Орджоникидзе принял меня и подробно беседовал о делах Кузнецкстроя. Я рассказал о положении на стройке и изложил план работ на 1931 г. Беседа продолжалась несколько часов. Тов. Серго задавал детальные вопросы. На другой день в управлениях наркомата и в различных комиссиях уже намечались практические мероприятия для помощи стройке. Это было тотчас после назначения тов. Орджоникидзе председателем ВСНХ.

Через несколько месяцев, зимой, я был вызван с докладом в Москву. Тов. Серго хворал и назначил встречу у себя на квартире.

К тому времени Кузнецкстрой добился уже некоторых достижений. Темпы работы нарастали. Но нарастали и трудности — особенно в связи с морозами. Я рассказал об участках, где мы сильно подгоняем земляные работы. Чтобы предохранить землю от замерзания, работы идут непрерывно — днем и ночью в будни и выходные дни, чтобы не дать земле заморозиться. Идет соревнование с морозом: он ли скует и заморозит землю, мы ли ее выкопаем. Тов. Орджоникидзе это очень понравилось. После он при мне рассказал в ВСНХ, как на Кузнецкстрое «перехитрили» сибирскую зиму.

В это время производился уже монтаж кожухов первой и второй доменных печей. На площадке вырос ряд сооружений, высокие трубы. Тов. Серго радостно рассматривал привезенные мною снимки.

Кузнецкстрой требовал огромных средств: стройматериалов, железных конструкций, оборудования, в том числе и заграничного. Трудно было в тот период безболезненно изыскивать и давать все это Кузнецку и Магнитке. Часто приходилось поступаться интересами других строек и действующих предприятий. Тяжелая операция! Чтобы ее провести, нужна была крепкая воля и целеустремленность тов. Орджоникидзе.

Нам нужны были люди — много людей — сначала на строительство, а затем и для эксплуатации завода. Людей надо было брать с действующих предприятий, с других строек. И тут тов. Серго отметал протесты и возражения организаций, разъяснял им несостоятельность жалоб и давал нам людей.

Я помню случай: нам нужно было много металла для железных конструкций. Дать столько металла было трудно, но тов. Серго, подсчитав и увидев, что металл действительно нужен, подписал приказ. В память врезались слова:

— Тяжело нам, очень тяжело. Надо, чтобы поскорее вы начали давать металл. Очень он нужен стране.

Состояние работ на стройке он всегда знал прекрасно — до мелочей. И это давало ему возможность давать указания по самым различным вопросам. Мы особенно почувствовали это в пусковой период. К этому времени была уже установлена телефонная связь с Москвой, и тов. Орджоникидзе часто вызывал меня или Бардина к телефону, подробно расспрашивал о положении дел и тут же давал указания. Оперативность — стиль тов. Серго.

Мы полагали, что чугун будет выдан в ноябре — декабре 1931 г., и даже официально рапортовали об

этом Москве. Но работы запаздывали, и мы в результате, ввели тов. Серго в заблуждение. Он мне говорил:

— Зачем вам было кричать о пуске? Зачем вам было посылать рапорт? Любят у нас многие присочинить и приврать!

Прямолинейность тов. Серго сильно помогала работе и придавала ярко выраженный партийный характер руководству наркомата. Во время многократных бесед с тов. Серго он всегда упирал на то, что надо быть правдивым до конца, без этого нельзя быть настоящим партийцем, большевиком в работе. И тяжело приходилось нам, если тов. Серго заподозривал, что мы вводим его в заблуждение, или говорим ему правду, но не всю.

В феврале 1932 г. мы выдали первый кокс. Была уже ночь. Я позвонил на квартиру тов. Серго. Он; взвонив, повтoрял:

— Очень хорошо, очень хорошо! Нажимайте! Нажимайте во всю! Теперь скорее давайте чугун. Передайте привет строителям.

О выдаче чугуна ему сообщили по телеграфу. Я приехал в Москву и первую плитку первого кузнечного чугуна принес тов. Серго. Трудно передать какая радость была написана на его лице, как любовно он глядел на наш первый чугун. Ведь сколько всей партией, всей страной затрачено было сил и средств, сколько сам тов. Серго потратил крови, нервов, сил, а теперь—вот он, сибирский чугун, рожденный партией, — его можно осязать, держать в руках.

Первая домна, пущена, и тов. Серго стал торопить с пуском второй доменной печи, мартенов, проката.

— Страна столько дала вам, так трудно было давать вам нужное, — вы должны скорее начать давать больше металла. Стране он очень нужен.

Очень трудно было одновременно строить весь металлургический цикл. Закрадывалась мысль: не оста-

новить ли строительство мартена и проката, — и все силы сосредоточить на домнах. Тов. Серго всячески предостерегал нас от такого ошибочного шага. Он говорил нам нужен не только чугу́н — нам нужна сталь, готовый прокат. Особенно нам нужны кузнечские рельсы. В результате мы первыми подошли к финишу с готовой продукцией — прокатом...

На другой день, после выдачи первой стали — 20 сентября 1932 г. — мы получили телеграмму от т. Серго:

«Сталинск Франкфурту, Бардину, Хитарову и Бежановой. Горячо поздравляю вас с новым успехом — пуском первой мартеновской печи. Надеюсь, что в ближайшее время пустите остальные мартеновские печи, блюминг и рельсобалочный стан и тем самым добьетесь завершения полного металлургического цикла. С. Орджоникидзе».

С момента пуска первых агрегатов в течение двух лет почти ежедневно тов. Серго занимался непосредственным рассмотрением вопросов освоения. То была трудная пора.

Внимание тов. Серго мы чувствовали постоянно. Он пользовался всяким случаем, чтобы похвалить и подбодрить нас, но выступал как крепкий руководитель, который строго требует устранения недостатков и организованности в работе. Тов. Серго не только подтягивал нас — он постоянно учил. Бывали такие моменты, когда казалось, что нет выхода из положения. Тов. Серго всегда подбадривал нас и находил для этого какие-то особенные слова.

Осенью 1932 г. я привез в Москву первый кусок кузнечской стали. Приехал ночью и на утро был на квартире у тов. Серго. Вручил ему первую сталь. Он: очень радовался нашей победе.

Зима 1932 г. Большие трудности в работе доменного цеха, мартенов, проката. Мы не готовы к зиме — много недоделок и времянок. Подробно рассказываю

об этом тов. Серго. Он мне советовал обязательно при-смотреться к обстановке, изучать все особенности работы в зимнее время. Надо сделать так, чтобы затруднения, перебои в работе, простой агрегатов не повторялись уже в следующую зиму.

Тов. Орджоникидзе часто говорил, что ему очень хотелось бы побывать у нас. Мешала работа и болезнь. Только летом 1933 года он сумел к нам приехать.

Мы с большим волнением ожидали его приезда. Зная его нелюбовь к грязи, замусоренности, захла-ленности, мы убирали, чистили площадку, завод. Но грязи осталось немало.

Тов. Орджоникидзе приехал на рассвете и тут же на-правился на площадку, несмотря на протесты сопровож-давших его товарищей и вызванного к нему врача. Чувствовал он себя очень плохо, а нашему доктору Афанасьеву оказал:

— Послушаешь врачей, никогда работать нельзя!

Детально, подробно осмотрел тов. Серго цехи, агре-гаты, строительные участки. В первый день он обошел несколько основных цехов—коксовый, доменный, мар-тены и прокат. Было изнурительно жарко. Уставали и мы, привыкшие к этой обстановке. Особенно тяжело было тов. Серго. Товарищи, сопровождавшие его, на-стаивали, чтобы он прекратил обход. Он отшучивался и продолжал пылливо рассматривать завод, говорил с инженерами, техниками, мастерами, рабочими. Под-робно и обстоятельно расспрашивал их о работе.

Следующий день начали с осмотра электростан-ции. ЦЗСовцы изрядно почистились. Мы обходили: станцию. Пришли в помещение распределительного щита. Кругом было чисто. На подоконнике тов. Серго заметил два окурка. Он подозвал начальника станции.

— Вы это видели?

Тот смутился.

— Кто у вас отвечает за чистоту?

— Комендант.

— Позовите коменданта.

Тов. Орджоникидзе начал сердито пробирать и коменданта и начальника электростанции. После его отъезда ЦЭСовцы особенно энергично продолжали чистить, убирать станцию, наводить порядок.

Когда мы ушли со станции, я сказал тов. Серго, что очень трудно поддерживать порядок при наших людях, которые еще так мало культурны и не привыкли к производственной обстановке. Он ответил:

— Нельзя на это ссылаться! Надо людей приучать к культурной работе. Культурными не рождаются. Культуру в людях воспитывают.

После осмотра станции тов. Серго снова вернулся в основные цехи и теперь уже более подробно, более тщательно стал знакомиться с ними. Снова говорил с людьми, расспрашивал их, присматривался к тому, как они работают. Он как будто проверял вчерашнее свое впечатление.

В городе тов. Орджоникидзе осматривал жилые дома и здания общего пользования. Вошли в первый дом, открыли дверь в квартиру. Оказался детский сад. Нас окружили радостные ребятишки, они стали лезть к тов. Серго, дергать его.

Ребята долго не выпускали его и все требовали, чтобы он с ними поиграл. На лице тов. Серго как будто было написано сомнение—не остаться ли? Надо было идти дальше.

Тов. Серго обошел много квартир, говорил с рабочими, их женами, расспрашивал об условиях жизни: сколько выдают продовольствия? Приходится ли стоять в очередях? Как учат ребят? Интересовался всеми мелочами жизни и быта рабочих.

Много часов продолжался обход города. В одном жилом доме тов. Серго заметил отделение милиции.

— Как, в жилом доме? — рассердился Орджони-

кидзе. — Ведь сюда притаскивают пьяных, хулиганов! И все это на глазах у детворы!

В приказе, который он написал, нам было предложено вывезти из рабочих домов все учреждения.

Проекты домов были неудачны. Низенькие квартиры, не было ванных комнат, балконов. Тов. Серго возмутился:

— Конечно,— говорил он, — буржуазный архитектор, который привык прежде видеть рабочих, живущих в хибарках, подвалах, считает крупным шагом «перед светлую, хотя и низенькую комнату без удобства, без ванны. Но это неправильно! Мы должны строить хорошие дома для рабочих: высокие, с балконами, с ваннами. Мы строим эти дома не на год. И они должны быть красивыми, удобными,

Теперь, как известно, дома уже строятся по новым проектам, с хорошими, удобными квартирами, с хорошими высокими комнатами. Вообще приезд тов. Серго послужил переломным моментом и в налаживании эксплуатации действующих цехов и в наведении чистоты и порядка. На стройке до сих пор помнят пребывание тов. Серго.

Осенью 1933 г. я снова был у тов. Серго. Он всячески обращал внимание на необходимость подготовиться к зиме. Он чутко и внимательно следил за нашей работой. И в зиму 1933—34 г. у нас уже не было таких перебоев, как в прошлом году, хотя мы еще полностью не наладили работу основных цехов завода.

ТОВАРИЩ СТАЛИН

Создание металлургической базы на Востоке встретило сначала большое сопротивление. Многие, особенно консерваторы среди металлургов и правые элемен-

ты в партии, в лучшем случае формально подходили к выполнению решения партии о большом строительстве на Урале и в Сибири, а то и прямо выступали против него. Некоторые металлурги, главным образом из профессуры, пытались доказать, что стране значительно выгоднее вкладывать средства в реконструкцию старой металлургии Донбасса. Во многих учреждениях сидели вредители-комбинаторы, которые делали все возможное, чтобы отодвинуть начало строительства, занизить его объем и темпы.

Весной 1930 года на Магнитную и в Кузнецк была послана правительственная комиссия во главе с И. В. Косиором. Выяснилось, что эти стройки находятся в жалком состоянии — без людей, оборудования, материалов. Обследование показало, что такими «темпами» быстро не построить новой металлургической базы СССР. Нужен был огромный нажим и большое вливание крови — людьми, материалами, ресурсами, чтобы решительно сдвинуть строительство Кузнецка и Магнитки.

В мае 1930 г. на заседании в ЦК партии тов. Сталин заявил, что все нужное стройкам необходимо дать и будет обязательно дано. Всякое сопротивление, прямое и скрытое, должно быть преодолено и будет преодолено. И на том же заседании ЦК был решен вопрос о мобилизации и переброске людей — коммунистов и инженеров, об ассигновании средств, предоставлении материалов, оборудования. Это заседание ЦК и его твердое решение, сформулированное лично тов. Сталиным, явилось решающим, подлинно историческим для строительства восточной металлургии.

1 июня 1930 г. было принято постановление Совнаркома СССР о материальном обеспечении строительства. И не только Совнарком, но почти все наркоматы — ВСНХ, Наркомпуть, Наркомтруд, Наркомздрав — приняли ряд практических решений и начали

проводить их в жизнь. Аппарат ЦК партии приступил к мобилизации коммунистов. Тов. Сталин включил ток, и сложная партийная и государственная машина начала работать на Магнитострой и Кузнецкстрой.

XVI съезд „партии. Тов. Сталин заострил вопрос о новой металлургической базе СССР на Востоке как важную политическую проблему.

«Сейчас дело обстоит так, что наша промышленность, как и наше народное хозяйство, опирается в основном на угольно-металлургическую базу на Украине. Понятно, что без такой бавы немыслима индустриализация страны. И вот такой базой является у нас украинская топливно-металлургическая база. Но может ли в дальнейшем одна лишь эта база удовлетворять и юг, и центральную часть СССР, и север, и северо-восток, и Дальний Восток, и Туркестан? Все данные говорят о том, что не может. Новое в развитии нашего народного хозяйства состоит, между прочим, в том, что эта база уже стала для нас недостаточной. Новое состоит в том, чтобы, всемерно развивая эту базу и в дальнейшем, начать вместе с тем немедленно создавать вторую угольно-металлургическую базу. Этой базой должен быть Урало-Кузнецкий комбинат, соединение кузнецкого коксующегося угля с уральской рудой».

Эти слова создали действительно эпоху в истории Урало-Кузбасса. Решение съезда давало твердое указание всей партии, всей стране, и мы это решение почувствовали в больших и малых делах. Мы почувствовали, что окружены огромным вниманием и любовью всей партии и страны. Это решение съезда претворилось в десятки тысяч людей, в потоки материальных ресурсов. Наркоматы, тресты, заводы, работники всех отраслей вплоть до начальников железнодорожных станций давали людей, изготовляли оборудование, быстро его перевозили. Областкомы, горкомы и райкомы партии, партийные коллективы взяли под свой

контроль это решение и следили за практическим его проведением в жизнь.

Весной 1931 года создалось ложное положение в парторганизации Кузнецка. Секретарь райкома нарушал единоначалие, взял неправильную линию по отношению к инженерно-техническим работникам Кузнецкстроя. Это становится известным тов. Сталину, Он лично вмешивается в это дело— секретаря райкома снимают.

Я не был на совещании хозяйственников весной 1931 года и не слышал речи тов. Сталина о шести условиях, но я никогда не забуду поистине неизгладимого впечатления, какое они произвели на меня и на всех работников Кузнецкстроя. Сила впечатления была не только в том, что мы получили абсолютно четкую программу действий: шесть условий победы шли из самой гущи жизни, из гущи опыта стройки. Каждое слово; этой речи отвечало на самые жгучие, самые решающие вопросы, над которыми мы бились каждый день. Шесть условий — глубокое обобщение опыта первых лет реконструкции; они с исключительной силой, ясно и просто указали нам пути дальнейшего движения.

Во все годы стройки тов. Сталин проявляет большой интерес к ней и оказывает вам огромную помощь. Летом 1931 года, нужно было разрешить ряд больших и сложных вопросов. Тов. Серго захворал, лечился, его не было в Москве. Я из Кузнецка обратился к тов. Сталину за разрешением приехать и поговорить о наших делах,—это было в самый разгар работы.

Вот что мне ответил тов. Сталин: «Грешно и преступно из-за одной лишь беседы приезжать из Кузнецка в Москву и отрываться от живой работы. Пришлите письмо, я отвечу письмом немедленно — так будет вернее». Я послал письмо, тов. Сталин дал указания, и все нужное было дано, помощь была оказана. При личной помощи тов. Сталина мы вышли из критического положения.

Много раз обсуждались дела Кузнецкстроя в ЦК партии и неизменно по предложению тов. Сталина нам оказывалась помощь и поддержка.

- В апреле 1932 г. мы пустили первую доменную печь. Она вскоре стала набирать темпы и перевыполнять план. В мае мы сообщили об этом тов. Сталину и получили от него ответ:

«Кузнецк, Кузнецкстрой.

Франкфурту, Бардину, Хитарову.

Привет ударникам и ударницам, техперсоналу и всему руководящему составу Кузнецкого завода, добившимся высокой выплавки чугуна на домне № 1 и показавшим большевистские темпы в овладении новейшей техникой.

Уверен, что коллектив Кузнецкстроя разовьет дальше достигнутые успехи, обеспечит не меньшие успехи на домне № 2, введет в строй в ближайшие месяцы мартены и прокат, построит и пустит в этом году третью и четвертую домны.

И. Сталин»

После выдачи первого чугуна, у нас был радостный и торжественный слет ударников Кузнецкстроя. С большим восторгом было подхвачено предложение — ходатайствовать о присвоении нашему заводу и городу имени тов. Сталина. Скоро центральные правительственные организации удовлетворили нашу просьбу.

В 1932 году весной я приехал с первым чугуном в Москву. Наш комсомолец-художник сделал барельеф тон. Сталина, мы отлили его из первого чугуна привезли тяжеловесный подарок. Через несколько дней после приезда мы вместе с тов. Серго пошли вечером к тов. Сталину. Мне очень трудно передать здесь то чувство, с каким я шел к тов. Сталину; я был очень взволнован предстоящей встречей. Встреча была про-

«тая. Сразу стало Легко говорить. Все мы знали, что тов. Сталин внимательно следит за ходом строительства Кузнецкого завода, и тем не менее я был поражен— насколько детально и всесторонне он знает, что делается у нас на площадке. Как он мог при своей громадной перегруженности систематически и подробно следить за ходом нашей стройки—остается для меня загадкой и сейчас. Он расспрашивал меня подробно о состоянии работ на второй печи, в мартеновском и прокатном цехах. Всячески торопил он нас с пуском следующих агрегатов. Во время беседы пришел тов. Ворошилов, беседа стала общей. Я рассказал о результатах наших разведок на железную руду, о богатых перспективах и впервые выдвинул вопрос о необходимости строить на нашей площадке второй завод.

Тов. Сталин достал карту Сибири, и мы начали смотреть расположение месторождений угля, руды, железнодорожных путей. Я сказал тогда тов. Сталину, что мы сумеем построить второй завод скорее и дешевле других. «Мы теперь битые, — сказал я, — а за битого двух небитых дают». Тов. Сталин сощурил глаза, улыбнулся и ответил: «Смотря за каких битых — каких небитых».

Несколько часов тянулась беседа. До переговоров с тов. Сталиным для меня и для всех моих товарищей строительство нового транспортно-металлургического комбината было только идеей и мечтой. После разговора с тов. Сталиным я твердо знал, что этот комбинат станет действительностью. И, я по-новому понял глубокий смысл слов тов. Сталина о ленинском стиле работы—о сочетании русского революционного размаха с американской деловитостью.

Часа в три утра мы вместе с тов. Серго вышли от тов. Сталина. Я был ободрен всем сказанным. Старался все зафиксировать в памяти, запечатлеть эту нстречу.

Нужны были гениальное предвидение тов. Сталина, его крепкая воля, героическая борьба десятков тысяч пролетариев, чтобы можно было доложить XVII съезду партии: «Заложены основы Урало-Кузнецкого комбината — соединения кузнецкого коксующегося угля с уральской железной рудой. Новую металлургическую базу на Востоке можно считать, таким образом, превращенной из мечты в действительность».